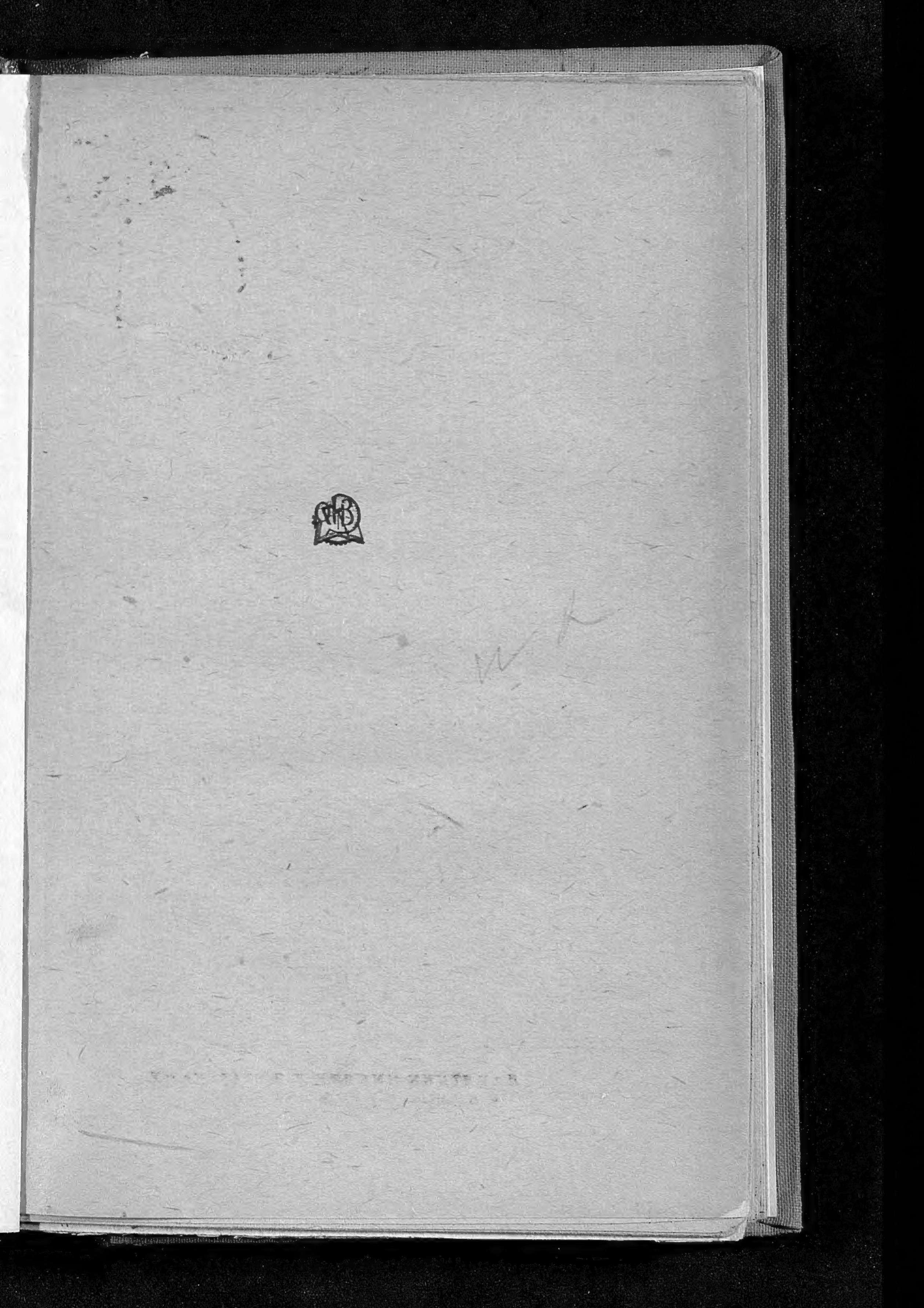
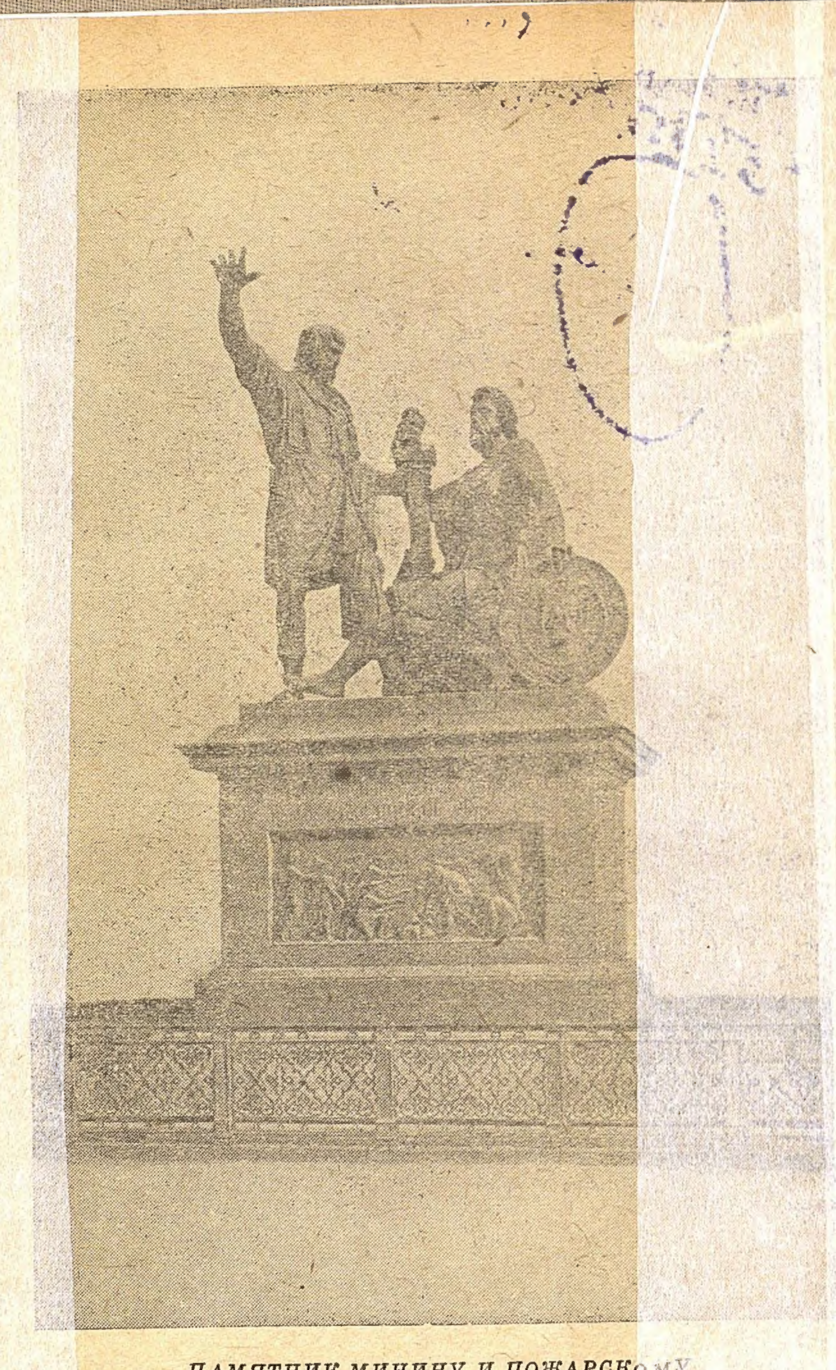
А. И. КОЗАЧЕНКО

РАЗГРОМ ПОЛЬСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1939

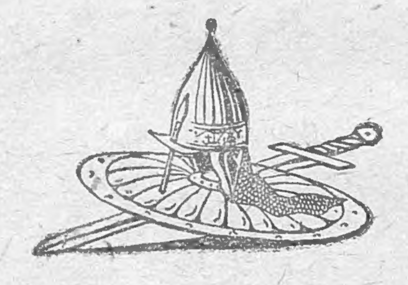
ПАМЯТНИК МИНИНУ И ПОЖАРСКОМУ
В МОСКВЕ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Скульптура А. Мартоса

А. И. КОЗАЧЕНКО

Разгром польской интервенции в начале XVII века

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1939

В настоящей книжке автор в популярной форме рассказывает о польско-литовской интервенции и о героической борьбе русского народа за свою национальную независимость в начале XVII в. Брошюра заканчивается описанием разгрома интервенции.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

Издательство просит читателей направлять свои отзывы на книжку по адресу: Москва, Б. Комсомольский пер., д. № 1, Государственное издательство политической литературы.

СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В НАЧАЛЕ XVII в.

К концу XV—началу XVI в. сложилось русское централизованное феодальное государство. Господствующим в государстве был класс феодалов, состоявший из старой знати (бояр и княжат—потомков бывших удельных князей) и помещиков (дворян, детей боярских).

Власть находилась в руках верхушки этого класса—старой знати. Экономическую силу знати, основу ее политической власти и преимуществ составляли колоссальные вотчины, наследственные земельные владения, оставшиеся от «удельных» времен. Еще в XVI в., к началу царствования Ивана IV, «государство распадалось на отдельные земли, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д.»[1]

---

[1] *Ленин,* т. I, стр. 73.

В XV и XVI вв. по мере централизации государственной власти военно-служилые люди, дворяне постепенно становились решающей силой в государстве. Неся военную службу царю и являясь его опорой, служилые люди, дворянство за службу получали от царя во временное владение поместья—земли и крестьян. Так постепенно увеличивалось количество помещиков-дворян, усиливалась опора самодержавной власти царя в борьбе с боярской знатью и князьями-вотчинниками, отстаивавшими феодальную раздробленность.

Рост производительных сил в XV—XVI вв. ускорил разделение труда, выразившееся в отделении ремесла от земледелия. Стало больше городов, выросло население в них. Крупнейшими городами Русского государства были Москва, Новгород, Тверь и др. Некоторые иностранцы считали даже, что Москва была больше Лондона.

Городское население начало предъявлять спрос на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты, стала развиваться торговля.

В ряде городов были купцы, которые начинали скупать ремесленные изделия, сбывать их на окраинах государства в обмен на меха и пр. Были купцы, которые богатели на заморской торговле, продавая за границу меха и другие товары, поступавшие в царскую казну в виде налогов и дани. Крупнейшими купцами в XVI в. были Строгановы, имевшие в Сольвычегодском и Устюжском краях собственные предприятия—соляные варницы, рыбные промыслы и т. д.

Между отдельными местными рынками начинали устанавливаться связи, подготовлялось создание единого всероссийского рынка. Это обеспечило примерно с XVII в. фактическое слияние «всех таких областей, земель и княжеств в одно целое» [1].

Замкнутое натуральное хозяйство расшатывалось проникновением товарно-денежных отношений. Энгельс говорит, что основы «рыцарских замков... были подрыты деньгами» [2].

Заинтересованность феодалов в деньгах вызывала у них стремление выжать еще больше прибавочного продукта из подневольного труда крестьян. Феодалы увеличивали барщину, расширяли собственную, барскую пашню, которую должны были обрабатывать крестьяне. Наряду с этим

---

[1] *Ленин,* т. I, стр. 73.

[2] *Маркс* и *Энгельс,* т. XVI, ч. 1, стр. 442.

феодалы еще больше повышали оброк продуктами и деньгами.

Развитие производительных сил и рост товарно-денежных отношений в эпоху феодализма неизбежно сопровождались усилением эксплоатации крестьян и ремесленников, ростом закрепощения крестьян.

Чтобы закрепостить крестьян и усилить их эксплоатацию, феодалам нужно было укрепить аппарат внеэкономического принуждения крестьян—самодержавную централизованную власть, которая обеспечивала бы крепостникам больше власти над крестьянами.

«Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство»[1].

Централизованная государственная власть необходима была и купечеству, так как облегчала развитие торговли на территории всего Русского государства.

Централизация государственной власти была условием не только дальнейшего экономического и политического развития страны, но и главным условием укрепления ее обороноспособности.

Соседние государства видели богатство России и всячески пытались подчинить себе нашу страну.

«...интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия»[2].

Потребности самообороны от нашествия турок и татар с юга и юго-востока, немцев, поляков и литовцев с запада и шведов с северо-запада ускоряли образование и укрепление сильного, централизованного феодального Русского государства.

Между тем остатки «удельной» автономии задерживали развитие Русского государства.

Борьба с остатками феодальной раздробленности, за создание и укрепление Русского централизованного самодержавного, феодального государства особенно успешно развернулась при Иване IV Грозном (1533—1584 гг.), выступившем против консервативной старой знати. В этой борьбе русское самодержавие опиралось прежде всего

---

[1] *Ленин,* т. III, стр. 140.

[2] *Сталин,* Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 73, изд. 1938 г.

на поддержку помещиков и сочувствие посада, страдавшего от боярских насилий, своеволия, искавшего защиты у сильной центральной власти. В России происходил процесс централизации государственной власти, о прогрессивном значении которого в отношении Западной Европы Энгельс говорил: «...и в городах и в деревне повсюду увеличилось в населении количество таких элементов, которые прежде всего желали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов, приводившие к тому, что внутри страны шла непрерывная война даже и в том случае, когда внешний враг был в стране, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжало существовать в течение всего средневековья. Будучи сами по себе еще слишком слабыми, чтобы осуществить свое желание на деле, элементы эти находили сильную поддержку в главе всего феодального порядка—в короле»[1].

Центральная царская власть была прогрессивной для того времени. «Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства»[2]. Объединение земель в Русском государстве и укрепление центральной власти способствовало развитию хозяйства и внутреннего рынка, укреплению национальных связей, объединению русского народа в нацию.

К концу XVI—началу XVII в. Русское государство значительно укрепилось. Знатные бояре и потомки бывших удельных князей потерпели поражение в борьбе с царем Иваном Грозным и помещиками. Центральная самодержавная власть усилилась. Реформы Ивана Грозного ограничивали произвол бояр и княжат.

Дворяне-помещики получили возможность продвигаться по службе в зависимости от способностей и верности царю. Из ближайших доверенных лиц самодержавный царь назначал воевод, наместников, руководителей приказов и т. д., чем еще больше ослаблялось значение знати, занимавшей до этого высшие должности лишь по праву знатного происхождения. Дворянам были предоставлены значительные права и на местах. Во многих местах «кормления» наместников и волостелей за счет местного населения были отменены; управление и суд по уголовным

[1] *Маркс* и *Энгельс*, т. XVI, ч. 1, стр. 443.
[2] *Там же*, стр. 445.

делам часто передавались в руки выборных из дворян, а суд по гражданским делам и сбор пошлин и налогов в ряде мест передавался за откуп в руки выборных горожан и сельчан.

Царская власть получила больше возможностей для вмешательства и в дела церкви (в назначение и смещение епископов, контроль над ними и т. д.).

В результате реформ знать лишалась прежнего значения и силы в государстве, а вместе с тем и прежней возможности грабить казну и народ в центре и провинции. Учредив опричнину, царь Иван IV начал насильно подчинять своей власти князей и знатных бояр, назначать из дворян высших должностных лиц. Постепенно у значительной части потомков удельных князей и знатных бояр были отобраны их наследственные земли и розданы помещикам. Бывшие же владельцы этих земель были либо казнены, либо высланы на окраины. Только часть бояр и княжат сумела спастись, поспешив признать новый режим и подчиниться самодержавной власти царя. Но они не переставали бороться против самодержавия: организовывали заговоры, шли даже на прямую измену, договариваясь с врагами Русского государства—польскими панами, шведскими королями, крымскими ханами. Эти бояре надеялись с помощью интервенции, войны соседних государств с Россией добиться ослабления Русского государства и восстановления в нем своего прежнего положения.

Иван IV вышел победителем из этой борьбы, сумев укрепить свою власть и отразить всех внешних врагов. Войско из дворян, стрельцов и других служилых людей увеличивалось; зарождалось постоянное войско. На окраинах было построено много крепостей с постоянными гарнизонами, защищавшими границы Русского государства. Международное положение России становилось прочным.

Но с усилением самодержавного государства и ростом дворянского землевладения помещики, опираясь на сильную власть, стали еще больше угнетать крестьян, ограничивать их право перехода от одного помещика к другому; они стремились навсегда прикрепить крестьян к помещичьей земле. Все расходы—жалованье войску и должностным лицам, на ведение войн, содержание царского двора и т. д.—в конечном счете ложились на основную производительную силу общества—на крестьян и ремесленников. Все это очень тяжело отражалось на положении трудящихся масс.

Многие крестьяне спасались бегством от произвола помещиков. Они массами бежали из центральных областей на окраины—на юг, в Сибирь, на Волгу, туда, где власть помещика и царя была еще слаба, где беглые могли вступать в ряды казачества.

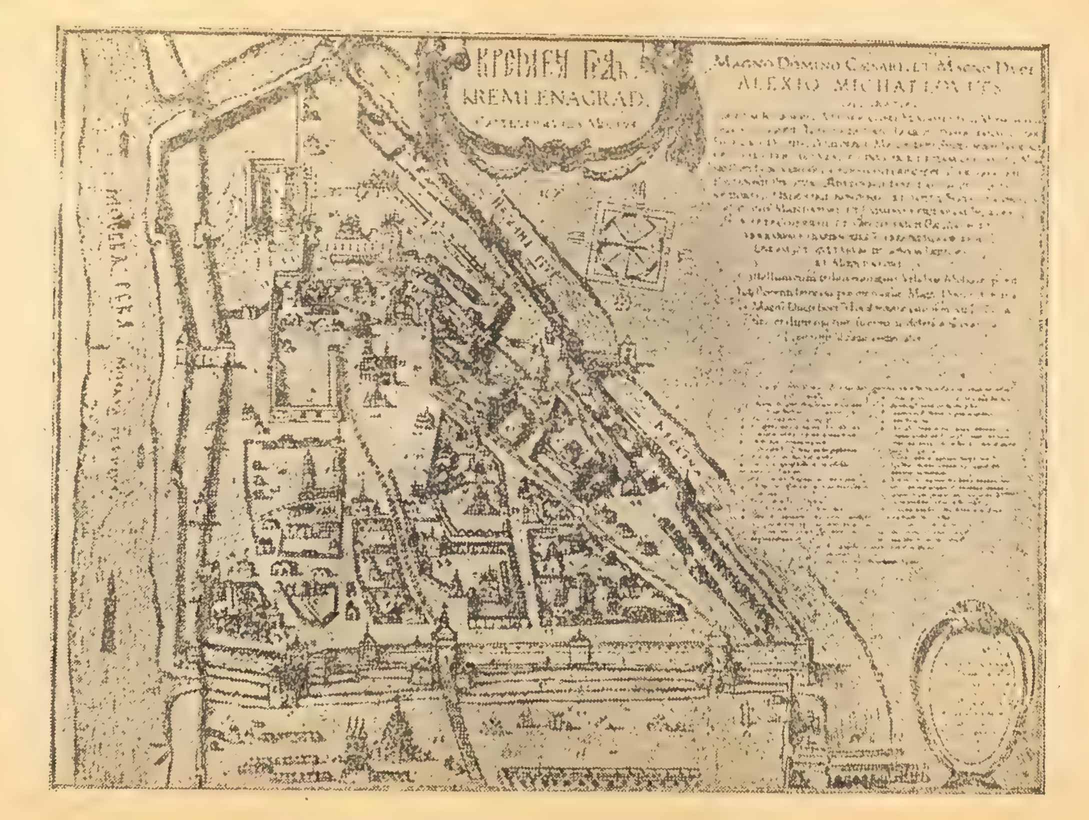
Но и там их часто находили помещики, возвращая опять в крепостное состояние, или же царские служилые люди облагали их налогами, заставляли нести сторожевую службу. Оставшимся в центральных областях крестьянам жилось еще тяжелее, ибо и правительство и помещики обирали их больше прежнего. В результате этого крестьянство было страшно разорено и классовые противоречия настолько обострились, что неизбежно влекли за собой восстания угнетенных против угнетателей. Англичанин Флетчер, бывший в Москве в 1588—1589 гг., писал, что политика правительства так потрясла все государство и до того возбудила «всеобщий ропот и непримиримую ненависть, что (повидимому) это должно окончиться не иначе, как всеобщим восстанием».

К концу царствования Ивана IV Русское государство включало в себя земли Поволжья, Приуралья, Западной Сибири и части Северного Кавказа. Расширение Русского государства и превращение его в многонациональное происходило под руководством эксплоататоров—великорусских помещиков. Они захватывали новые земли, превращали страну в «тюрьму народов», усиливали национальное и колониальное угнетение нерусских народов. Вместе со всеми народами от этого гнета страдал и русский народ.

Одновременно Русское государство обеспечивало народностям присоединенных земель защиту от внешних врагов, установление твердой власти и прекращение феодальных усобиц. Эти народности отстали в своем развитии и не имели сильного государства, крепкой защиты от усобиц «своих» феодалов и от нашествия внешних врагов.

Россия тогда превращалась в многонациональное государство и становилась крупнейшим государством мира. От Финского залива и верховьев Днепра до реки Оби, от Белого моря до Северного Кавказа—такова была территория государства к концу XVI в.

Преемники Ивана Грозного—цари Федор Иванович (1584—1598 гг.) и Борис Годунов (1598—1605 гг.)—продолжали укреплять центральную власть. Немало знатных феодалов, боровшихся против централизации власти,

КРЕМЛЬ В МОСКВЕ В НАЧАЛЕ XVII в.

С так называемого годуновского плана (1600—1605 гг.), напечатанного в Амстердаме в 1666 г.

было сослано или казнено и при царях Федоре Ивановиче и Борисе Годунове.

После смерти Грозного бояре и княжата продолжали устраивать заговоры, пытаясь восстановить власть знати. Князь Иван Федорович Мстиславский—первый по знатности боярин, боярин Никита Романович Захарьин-Юрьев (дядя царя Федора Ивановича), князь Иван Петрович Шуйский, князь Бельский, бояре Нагие—родственники последней жены Грозного (Марии Нагой, матери малолетнего царевича Димитрия Ивановича),—все они считали, что власть должна находиться в их руках. Из деятелей времен Грозного, представлявших помещичьи интересы и боровшихся со знатью, наибольшую роль играл Борис Годунов, брат царицы Ирины—жены царя Федора Ивановича.

В рядах аристократов не было единодушия: каждый из них, борясь за власть, имел в виду прежде всего самого себя. Это облегчало Борису Годунову борьбу со знатью.

При вступлении на престол Федора Ивановича вдова Грозного—царица Мария, ее сын, малолетний царевич Димитрий, и их родственники бояре Нагие были сосланы в маленький город Углич. Ходили слухи, что бояре устроили заговор и хотели объявить Димитрия царем, чтобы править от его имени.

После этого был сослан и князь Бельский, воспитатель царевича. Вскоре умер и боярин Никита Романович. Князя Ивана Мстиславского постригли в монахи. С раскрытием заговора и другие участники его были сосланы, пострижены в монахи или заключены в тюрьму. Но и после этого борьбу с Годуновым продолжали сын Мстиславского князь Федор Иванович, князья Шуйские, сыновья Никиты Романовича Юрьева, главным образом старший сын Федор Никитич, и др.

Не надеясь своими силами вернуть себе власть, бояре пытались связаться с враждебными России соседними государствами. Боярин Головин бежал к польскому королю Стефану Баторию, который в свое время воевал с Грозным и теперь готовился снова напасть на Русь. Головин доказывал королю Баторию, насколько выгодно было начать войну с Русью в момент, когда шла ожесточенная борьба за власть между отдельными группами господствующего класса. Уверения изменника повлияли на переговоры о мире между Россией и Польшей. Но начать войну паны тогда все же не решились.

В 1587 г. в Москве закончилась неудачей очередная попытка боярского переворота, возглавляемого князьями Шуйскими. Шуйские и князь Ф. И. Мстиславский хотели свергнуть Бориса Годунова и заодно развести царя Федора с женой Ириной. Князей Шуйских сослали, а часть из них потом удавили. Таким образом, попытка знати добиться возвращения власти еще раз потерпела неудачу. Борис Годунов, поддерживаемый помещиками, продолжал возглавлять московское правительство.

Меры, принятые Борисом для разгрома знати, имели большое значение для укрепления государства и его международного положения. Внешние враги не могли больше рассчитывать на успех заговоров и на внутреннее ослабление России. Польскому королю и панам пришлось на время отказаться от войны с Московским государством. А в 1586 г., когда умер король Стефан Баторий, часть польских панов даже предложила избрать королем московского царя. Но Федор Иванович не дал требуемой панами суммы для подкупа избирателей. Литовские паны с своей стороны спрашивали, не согласится ли московский царь принять в подданство Литву с украинскими землями; паны не хотели признать королем немецкого принца.

В 1587 г., после междоусобиц, в Польше королем был избран шведский королевич Сигизмунд III (1587—1632 гг.). Это был ярый католик—реакционер, послушное орудие в руках папы и иезуитов, в частности в осуществлении их замыслов на востоке Европы. Избирая королем Сигизмунда III, польские паны надеялись, что он объединит силы Польши и Швеции для борьбы с Русским государством. Объединенными силами паны собирались завоевать Москву или по крайней мере Смоленск и Псков, а шведы—оттеснить Русь от побережья Балтийского моря.

Русское государство к этому времени еще больше окрепло. С целью усилить самодержавие и подчеркнуть самостоятельность и мощь Московского государства в 1589 г. в Москве было учреждено патриаршество. Московская церковь теперь уже не зависела от константинопольского патриарха. Первым русским патриархом был назначен Иов, поддерживаемый Борисом Годуновым.

В результате удачной войны с Швецией Русское государство добилось того, что шведы возвратили уступленные им при Иване IV города Ям, Копорье, Иван-город, а

через некоторое время—еще Орешек и Корелу. Таким образом, Россия снова (1595 г.) получила доступ к Балтийскому морю, получила некоторую возможность крепить связи с Западной Европой.

В 1591 г. на Москву напал крымский хан Казы-Гирей, союзник Польши и Швеции. Хану не удалось взять Москву. Под напором русских войск он начал отступать. Близ Тулы русские войска нанесли ему поражение, и он бежал в Крым.

Для защиты от новых набегов на юге был построен ряд крепостей—Кромы, Елец, Белгород (1593 г.) и др. На западе был укреплен каменными стенами город Смоленск. Все это достаточно красноречиво говорило о силе и богатстве Русского государства.

Турки и персы, однако, не оставляли мысли о дальнейших завоеваниях на юге и Кавказе. Турецкий визирь добивался, чтобы Турции были отданы Астрахань и Казань, чтобы Москва не заступалась за грузинского царя, чтобы русские казаки ушли с Дона. Соперничавший с турками за обладание Кавказом персидский шах Аббас в то же время вел переговоры с Москвой о совместной борьбе против Турции. Все домогания Турции были отвергнуты Россией.

Между тем внутри государства был проведен ряд важных мероприятий. После того как большая часть боярских земель (еще при Грозном) была роздана помещикам-дворянам, значительно ухудшилось положение крестьянства. Помещики, владея землями, полученными на время военной службы, и имея сравнительно немного земли и людей, стремились получить как можно больше дохода, чтобы жить роскошно, хорошо одеваться, вооружаться и т. д. «Но откуда взять эти прекрасные вещи?.. Для покупки же нужны деньги. А их мог доставить только крестьянин. Отсюда—новый нажим на крестьян, увеличение оброков и барщины; возобновляется и все усиливается стремление превратить свободных крестьян в зависимых, зависимых—в крепостных, а общую землю марки—в господскую землю» [1].

Крестьяне уходили от помещиков, выжимавших из них все больший оброк и барщину. Часть уходила в Западную Сибирь или на свободные земли на юге—на Волгу, Дон

---

[1] *Ф. Энгельс,* Марка, стр. 15, 1935 г.

или Днепр, создавая там поселения, собираясь в казацкие ватаги. Некоторые же крестьяне, все еще надеясь хоть несколько улучшить свое положение, договаривались с другими землевладельцами и переходили к ним работать на более льготных условиях. А так как льготы могли давать только наиболее богатые землевладельцы—бояре и монастыри, то крестьяне охотно переходили к ним, оставляя помещиков в разрешенное законом время: осенью за неделю до Юрьева дня и спустя неделю после него.

Эти переходы крестьян были невыгодны как помещикам, так и государству. Помещик не мог без крестьян отбывать службу государству и, значит, терял ее вместе с поместьем. Государство всемерно заботилось о помещиках—служилых людях, т. е. детях боярских и дворянах, ибо они были опорой самодержавия и главной военной силой.

Правительство царя Федора Ивановича, возглавляемое Борисом Годуновым, учло все это и приняло меры к тому, чтобы обеспечить интересы помещиков. Еще при царе Грозном отменено было право перехода крестьян в Юрьев день. Правительство Годунова в начале 90-х годов, во время переписей, записывало крестьян за теми помещиками, у которых они работали в момент переписи. В 1597 г. было издано два указа о холопах и крестьянах.

Первый указ разрешал всех, кто прослужил в чужом дворе не менее полугода, обращать в кабальных холопов, хотя бы и вопреки желанию закабаляемых. Второй указ, не упоминая уже о праве перехода крестьян в Юрьев день, устанавливал, что в случае, если крестьянин переходил к другому землевладельцу или бежал, помещик имел право в течение пяти лет разыскивать беглого, считая его своим крестьянином. «Указ татарина Бориса Годунова,—говорит Маркс,—превратил русских крестьян в придаток их земельных участков»[1].

Эти указы были невыгодны боярам, у которых раньше была возможность сманивать крестьян, обещая им разные льготы. Между тем эти указы вполне отвечали интересам помещиков. Крестьяне должны были безропотно сносить ничем не ограничиваемый гнет помещиков. Помещики, как писалось в одном документе конца XVI в.,

---

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. I, стр. 580, 1932 г.

безнаказанно «в лицо и в перси их (крестьян.—*А. К.*) бити повелевают, и батогами, которые злее зла, кости им сокрушают, и во узы, и в темницы, и в смыки, и в хомуты их присуждают».

Крестьяне начинали волноваться. Некоторые села отказывались работать на помещика, угрожали ему, иногда даже расправлялись с ним. В одной из грамот 1597 г. встречаем описание такого случая. Помещик согласился сдать крестьянам в аренду пустошь за цену, которую они сами назначили. «А отдает тем крестьянам для тово, хотя его с поместья зжити насильством. И ныне-де те крестьяне всею волостью лес секут насильством в его Михалкове поместье... Те крестьяне патриарший лес секут насильством..., и межи в двух местах переорали и вперед-де те крестьяне хвалятся, что им... поместную землю к своей земле приписывати... И вперед ему, Василью, прожити от их насильства не мочна». Еще до этого (1595 г.) известны случаи, когда в одном монастыре «крестьяно монастырские не почели слушати приказчиков и ключников монастырских и монастырских дел никаких не почели делати: хлеба молотити и в монастырь возити, и солодов ростити, и даней монастырских давати...» Приехавший с подьячим воевода усмирил крестьян, но как только представители власти уехали из монастыря, «крестьяне монастырские почели пуще того не слушати и прикащиков, и ключников учели бити, и дел монастырских не почели делати, и леса монастырские заповедные почели сечи».

Волновались не только русские крестьяне, но и крестьяне национальных окраин, угнетаемые царизмом, русскими и местными помещиками. Казна облагала ясаком (данью) народности Поволжья и Сибири. Одна Сибирь в 1586 г. доставляла в казну 200 тысяч соболей, 10 тысяч черных лисиц, 500 тысяч белок, огромное количество бобров и горностаев. Эти меха казна продавала за границу.

В 1599 г. ясачные вогулы жаловались, что «ясак велик не в меру», что «одежонко все придрали, и женишка, и детишка испроели, и нынече, государь, помираем голодною смертию»[1].

Бояре, церковь, помещики захватывали на окраинах государства земли, превращали местных крестьян в своих крепостных, заставляя их отбывать повинности и платить

[1] «Русская историческая библиотека», т. II, стр. 145—146.

оброки. Одновременно они усиливали и национальный гнет. В 1593 г., например, воеводы и епископы выселяли из Казани татар, разрушали мечети, силой заставляли население принимать христианство.

Угнетенные народности поднимали восстания против царских воевод, помещиков и поддерживавших их местных феодалов. В 1583—1586 гг. восставали марийцы, в 1584 г.—башкиры и др. Иногда угнетенные массы разных народностей восставали вместе с русскими крестьянами. Так, в конце XVI в. в Приуралье было совместное восстание вогуличей и русских крестьян, принадлежавших купцам Строгановым.

С разрозненными, стихийно вспыхивающими восстаниями и волнениями народных масс царизм сравнительно легко справлялся, обеспечивая помещикам возможность еще больше угнетать народ.

6 января 1598 г. умер царь Федор Иванович. После него не осталось детей. Младший брат его царевич Димитрий Иванович умер в Угличе в 1591 г. По заключению следственной комиссии под председательством князя Василия Ивановича Шуйского царевич умер, наколовшись на нож во время приступа падучей болезни.

В то же время ходили слухи, что царевич погиб от руки убийц, подосланных Борисом Годуновым, который якобы стремился занять престол после бездетного Федора. Можно думать, что эти слухи поддерживались враждебно настроенными боярами, не хотевшими примириться с тем, что помещики во главе с Борисом Годуновым не допускали их к власти. Но выступить открыто против Бориса бояре не осмеливались даже после смерти царя Федора Ивановича—последнего представителя старого рода московских царей.

17 февраля 1598 г. Земский собор избрал на царство Бориса Годунова. Народные массы, конечно, не принимали участия в избрании Бориса. Часть знати во главе с возвратившимися из ссылки Шуйскими, соединившимися с Романовыми, не выступили открыто против Бориса: они ждали подходящего случая, чтобы нанести Годунову удар и вернуть себе власть.

В первые годы царствования Борис принял ряд мер для укрепления своей власти. Кроме служилых людей разных категорий, были созданы отряды наемных иностранных войск и стрельцов. Огнестрельное оружие

русского войска не уступало лучшему в Западной Европе. Было построено много крепостей с сильной артиллерией.

Богатства Русского государства вызывали удивление и зависть иностранцев. Флетчер, посол английской королевы Елизаветы, побывавший в России в конце XVI в., писал: «Мало земель в свете, где природа столь милостива к людям, как в России... Неизмеримые равнины покрыты хлебом... Изобилие рождает дешевизну... хлеб и плоды составляют важный предмет торговли внутренней, а для богатства внешней россияне имеют: 1) меха... 2) воск... 3) мед... 4) сало... 5) кожи... 6) ворвань или рыбий жир... 7) икру... 8) пеньку и лен... 9) соль... 10) деготь, 11) рыбьи зубы, 12) слюду... 13) селитру и серу, 14) железо...»[1].

При Борисе значительно укрепились связи с Западной Европой. В 1599 г. посол Бориса вернулся из-за границы на двух больших казенных кораблях, купленных в Любеке. Русское правительство приглашало на службу крупных ученых Западной Европы, например, знаменитого математика Джона Ди. Приглашали специалистов, в частности металлургов, для разработки открытых еще в XV в. печорских рудников. Но при этом соблюдалась большая осторожность. Когда, например, в 1591 г. австрийский посол усиленно рекомендовал одного итальянского графа как ученого, который «знает все языки под солнцем и все науки», Борис отказался принять этого «ученого», бывшего в действительности авантюристом и шпионом.

Значительно подвинулось вперед изучение страны. Была составлена первая география Российского государства—Книга Большого Чертежа. В конце XVI в. в Московском государстве были уже свои искусные художники, ювелиры, золотошвеи, живописцы. Известно, что именно в конце XVI в. русские художники расписали стены кремлевской Грановитой Палаты. Были уже в то время и свои искусные литейные мастера, как, например, Андрей Чохов.

Борис думал об открытии школ и даже университетов. Предполагалось, что в этих университетах дворянская и боярская молодежь будет изучать языки и разные науки. В 1600 г. Годунов отправил посла в Западную Европу для приглашения на службу в Россию профессоров и докторов. Однако духовенство восстало против этого, и Борису так и не пришлось осуществить свои планы. Все

---

[1] *Флетчер,* О государстве Русском, стр. 11—15.

же он впервые послал молодых боярских людей за границу—в Лондон, Любек и Францию—для изучения иностранных языков. Между прочим, тогда же молодые англичане и французы приезжали в Москву учиться русскому языку. Своему сыну и наследнику царевичу Федору Борисовичу Годунов стремился дать лучшее по тому времени образование.

Таким образом при Борисе Годунове развивались связи с заграницей и укреплялось международное положение Русского государства.

В это время в Швеции началась междоусобная борьба. Все силы польского короля Сигизмунда III были направлены на борьбу за шведский престол. Один из претендентов на шведский престол—принц-эмигрант Густав вошел в сношения с Борисом Годуновым.

В 1602 г. было подписано новое перемирие Польши с Москвой на 20 лет. Король Польши Сигизмунд III присягнул, что будет свято соблюдать этот новый договор, подтверждавший прежние границы государств и мирные отношения между Польшей и Россией.

Положение Русского государства на Востоке тоже укрепилось. Сильная Персия при шахе Аббасе Великом стремилась поддерживать дружественные отношения с Москвой. Шах признавал даже верховное право России над Грузией, которую его полчища не переставали разорять.

В таких условиях Грузия могла искать защиту и помощь только у Русского государства, укрепления связей с которым она добивалась еще в XV в. Царь грузинский Александр писал московскому царю Борису: «Мы плакали от неверных, и для того отдалися головами царю православному, да защитит нас... Наши домы, церкви и монастыри в развалинах, семейства в плену, рамена под игом»[1]. Эти обращения царизм стремился использовать для новых захватов. В 1604 г. стрельцы Бориса помогали грузинскому царю Юрию в его успешной битве с турками под Загемом. В том же году войско Бориса выступило из Астрахани и заняло Тарки в Дагестане. Здесь была заложена крепость под названием Новый город.

Князья и многие бояре не могли примириться с тем, что царствовал незнатный Борис Годунов. Козни бояр против него не прекращались. Борис принимал решительные

---

[1] *Карамзин,* История государства Российского, кн. III, т. XI, стр. 35—36.

меры, чтобы подавить боярскую оппозицию. Князь Бельский был опять сослан. Посажены в тюрьму князья Черкасские, Реппины, Сицкие и др. Старшего Романова, боярина Федора Никитича, постригли в монахи под именем Филарета и сослали; то же сделали и с его женой, братьями и родственниками. Имения опальных были конфискованы. Были не раз в опале и князья Федор Мстиславский и Василий Шуйский. Но знать и после этого не прекращала борьбы с Борисом. Она пыталась воспользоваться затруднительным положением правительства Годунова.

Вследствие ухудшения положения крестьян усиливалось стихийное возмущение их против феодального гнета. Нависла угроза крестьянских восстаний. С весны 1601 г. в Замосковном крае шли дожди, хлеба не вызрели, ни косить, ни жать под проливным дождем нельзя было.

А уже 15 августа ударил жестокий мороз: хлеба, плоды были повреждены. Неурожай повторился и в следующем году: новые посевы, засеянные гнилыми семенами, не дали всходов. 1603 год также был неурожайным. Три года подряд был неурожай. В Московском царстве начался страшный голод.

Современники так описывали картину голода в самой Москве: «Ядоша всяку траву и мертвину, и пси, и кошки, а ин кору липовую и сосновую; а иные живые мертвых и друг друга ядоша: то бо есмь аз видех своима очима; богатых домы грабили и разбивали, и зажигали; тех людей имаху и казняху: овых зжигали, а иных в воду метали»[1].

В одной только Москве, по словам очевидца—француза Мержерета, за 2 года 4 месяца погребли 120 тыс. трупов; современники считают, что всего за эти голодные годы в Москве умерло около полумиллиона человек. Конечно, среди погибших были не только жители Москвы, значительная часть их пришла в Москву в надежде получить здесь помощь. Стремясь предотвратить народные волнения, Борис принял ряд мер.

Царь начал крупное строительство, чтобы дать работу голодным. Но этого было недостаточно. Раздача хлеба голодным из царских житниц была также незначительна, и отпускаемый хлеб доставался больше царским чиновникам, распределявшим хлеб, чем голодному народу.

---

[1] Повесть о Гришке Отрепьеве, *Карамзин,* кн. III, т. XI, стр. 66, примечания, стр. 35.

РАЗДАЧА ХЛЕБА В МОСКВЕ В ГОЛОДНЫЕ ГОДЫ НАЧАЛА XVII в.

Не видя возможности удовлетворить голодающих в Москве, Борис распорядился не допускать толпы голодных к столице. Одновременно он приказал организовать помощь голодающим на местах, конфискуя запасы у помещиков. Но и эта мера не могла помочь голодающим: помещики, не желая лишиться больших доходов, путем взяток столковывались с царскими чиновниками. Борис издал указы, чтобы помещики, прогоняя холопов, выдавали им отпускную и чтобы опять в Юрьев день крестьяне могли переходить от одного помещика к другому. Помещики были недовольны этими указами Бориса о крестьянах и не собирались отказываться от своих прав на крестьян. Помещики и служилые люди юга, где голода не было, кроме того, были недовольны и тем, что у них отбирали в казну хлеб для голодающих в центре страны.

Начались волнения. Толпы голодных людей бродили по стране. Стихийно стали создаваться крестьянские отряды для борьбы с помещиками и боярами. Усилились крестьянские волнения на Волге, на юге, под Москвой, на Северной Двине и т. д.

Около Москвы в 1603 г. действовал крестьянский отряд под начальством атамана Хлопка Косолапа, собравшего значительные силы. Здесь «начашася быти разбоеве велицеи и человекоубийство па путех и по местом... и служивым противни бяху, и многих побиваху»[1]. В отряде Хлопка были слуги ссыльных бояр, прежде всего Романовых. Только с помощью войска Борису удалось разгромить Косолапа. Косолап был ранен и умер в плену. Спасшиеся товарищи его бежали на южную окраину Московского государства, на Дон и Украину. Сюда же стекались толпы крестьян, готовые выступить против помещиков.

На юге недовольные легко могли найти себе тогда убежище: служилых людей здесь набирали без особого разбора. Здесь было много опальных бояр, сосланных Борисом, которые, находясь в ссылке, имели многочисленную дворню. Да и среди местных царских воевод были недовольные политикой Бориса, которым служба па юге заменила ссылку.

Голодные годы сыграли большую роль в общем ослаблении Московского государства. Связи между областями

---

[1] «Новый Летописец», составленный в царствование Михаила Федоровича, стр. 57—58, М., 1853 г.

нарушались, правительство не в силах было везде поддерживать власть московского царя и охранять интересы отдельных помещиков. Казна опустела, запасы истощились. Теперь и помещики стали обвинять во всем царя Бориса и перестали его поддерживать. Затруднительным положением Бориса и его правительства решили воспользоваться его враги—бояре и польские паны, хорошо осведомленные своими шпионами и изменниками-боярами о состоянии Московского государства.

Пользуясь темнотой народных масс, бояре распускали слухи о каких-то чудесных знамениях, якобы предупреждавших о наступлении великой беды, если на престоле останется такой грешник, как царь Борис. На Бориса взваливали вину за народные несчастья, за всякие преступления. Все настойчивее обвиняли его и в убийстве царевича Димитрия Ивановича. Одновременно распускались слухи о том, что Димитрий чудесно спасся.

Враги Русского государства—польские паны решили использовать имя царевича Димитрия, чтобы ослабить и подчинить себе Русское государство. Они подыскали авантюриста, согласившегося объявить себя царевичем Димитрием.

ЛЖЕДИМИТРИЙ I. ПЕРВАЯ ПОПЫТКА ПОЛЬСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ И РАЗГРОМ ЕЕ

Соседом Русского государства на Западе было Польско-Литовское государство, называвшееся после 1569 г. Речью Посполитой.

Польские паны, правившие Польшей, за многие века своего соседства с русскими землями не раз пытались под тем или иным предлогом поработить русский народ, захватить русские земли и начать хозяйничать на Руси.

Еще в конце X в. польский князь Мешко пытался захватить западно-украинские земли (Червенские города). Но великий князь Киевской Руси Владимир I в 981 г. освободил эти земли из-под власти Польши.

В 1018 г., после того как на Руси начались усобицы между сыновьями Владимира I, польский король Болеслав I под предлогом помощи зятю своему князю Святополку Владимировичу (прозванному народом Окаянным) ввел свои войска на Русь и обманом, под видом союзника, захватил Киев и другие города на Руси. Но восстания народа заставили уйти наглых захватчиков, а затем Ярослав I прогнал и Святополка. Так же неудачно для польских феодалов кончались их захватнические попытки и позже, до XIV в., несмотря на то, что Русь была политически раздроблена, страдала от усобиц и татаро-монгольского ига.

В XIV в. польским панам удалось захватить Западную Украину, а Литве—Правобережную Украину, Белоруссию, Смоленскую землю и ряд других западных русских областей.

Но с того времени, как русские земли начали объединяться под властью московских князей, последние не только приостановили наступление польско-литовских захватчиков, но возвратили Смоленск и русские области, стонавшие под панским гнетом.

При Иване IV, который вел продолжительную войну с Польшей и Швецией за Ливонию, польским панам ничего не удалось захватить у России.

К концу XVI в. Речь Посполитая была крупным многонациональным государством. Но уже тогда в ней были налицо все признаки начавшегося застоя, в то время как многие из окружавших ее стран Европы (и в том числе Россия) проявляли тенденцию к развитию, становились сильными, централизованными государствами. Польша в XVI в. не была централизованным государством; весь ее государственный строй был приспособлен лишь к обслуживанию панов—магнатов и шляхты. Горожане и крестьяне не имели никаких прав. Польское панство, разбогатевшее путем грабежа прибалтийских, литовских, украинских и белорусских земель, считало, что и в дальнейшем его задача заключается только в укреплении своих «золотых вольностей» и в захвате земель на востоке. Власть польского короля была ничтожна. Шляхта узаконила свое право не повиноваться распоряжениям короля и даже поднимать восстания против него («конфедерации», «рокоши»). В Польше царила шляхетская анархия, и панство даже было убеждено, что Польское государство «стоит анархией».

Погрязшее в омуте разврата, излишеств, роскошной и праздной жизни, польское панство проедало, пропивало, проигрывало колоссальные доходы, которые оно наживало путем неслыханного в Европе угнетения польских, украинских, белорусских и литовских крестьян. Неудивительно, что этих доходов панам нехватало. Но паны располагали еще одним источником дохода, который считали вполне подходящим и не порочащим чести «рыцарской» шляхты. По их понятиям пан мог просто разбойничать, нападать на соседних панов и на чужие государства. Паны помельче составляли небольшие разбойничьи отряды и шли на службу к более богатым панам. Паны покрупнее, как, например, Вишневецкие, Мнишек и др., затевали в личных своих интересах крупные разбойничьи авантюры, направленные против соседних государств.

Паны утратили чувство патриотизма, служили не интересам государства в целом, а интересам отдельных магнатов и государств Европы, начавших открыто подкупать шляхту. Невежественное, грубое шляхетство являлось прекрасной почвой для культивирования католического мракобесия.

Наряду с Испанией и Австрией Польша конца XVI в. становилась главной представительницей католической реакции в Европе. Орден иезуитов деятельно помогал католической реакции укрепиться в стране.

Наблюдательным современникам-полякам уже в начале XVII в. было ясно, что паны своей авантюристской политикой ведут государство к гибели. Даже панский проповедник Петр Скарга говорил в одной из своих речей в сейме: «Всякий хочет пить вино, редкий пан без шелку, без шестерни лошадей, без ливреи. Пропало и сострадание к Речи Посполитой. Никто не озаботится поддержанием крепостей и стен. Речь Посполитая становится убогою, богатеют лишь отдельные дома. Завелось такое казнокрадство, что лишь половина податей, собираемых с мещан и крестьян, доходит по назначению. Кто исчислит все клеветы, ябеды, обманы и измены в судах? Все кровосмешения, прелюбодеяния и лжесвидетельства? А этот кровавый пот живых подданных или крестьян, который льется беспрестанно?..

Стены вашей Речи Посполитой трескаются беспрестанно, а вы говорите: ничего, пустяки: Польша держится безначалием. Вы не понимаете, что нельзя Польше держаться безначалием, что это противно разуму...

Земли и княжества великие, которые соединились и в одно тело срослись с короною, отпадут и разорвутся... Вы поглощены будете другими народами, которые вас ненавидят. Вы лишитесь не только государя из крови вашей и права избирать его, но и королевства и отечества»[1]. Так предсказывал будущее Польши Скарга.

Но панов это не останавливало. Они пускались в новые и новые авантюры, строили все новые планы захватов и подчинения соседних земель, прежде всего русских. При этом паны не обеспечивали защиты границ Польши от ее врагов на юге и на западе (Турция, Крым и Пруссия).

В 1582 г. польские паны и король Стефан Баторий, заключив с Иваном IV перемирие, одновременно приступили к разработке плана подчинения русского народа и захвата Москвы. Папа римский благословил этот план, обещал помочь деньгами. Польский канцлер говорил в сейме о России: «Теперь нужно переломить ей крылья».

Но, прекрасно учитывая силу Русского государства, польские паны побоялись тогда начать новую войну. Они решили выждать подходящий момент, когда представится повод и возможность легко вмешаться во внутренние дела Русского государства.

Польское правительство все время следило за состоянием Русского государства: много здесь было всяких польских шпионов, да и отдельные бояре-изменники согласны были помогать панам, надеясь за это получить от панов поддержку в борьбе с Годуновым.

Общее состояние России в 1604 г. было, конечно, тоже известно панам. Они учитывали ослабление Русского государства в результате голода, возмущение крестьян против помещиков и вражду бояр к Годунову.

Не рискуя все же сразу начать войну, польские паны решили сначала под видом самозванца продвинуть своего ставленника на московский престол.

Самозванство известно в истории очень давно. Особенно расцвело оно в средние века в практике германских и польских феодалов. Поддержать самозванного претендента на престол, вызвать междуусобную войну у соседей, а потом начать грабить их и добиваться осуществления своих захватнических планов—таков был испытанный прием польских панов и их дипломатии. Паны заключали

---

[1] Цитируется по книге Любавского «История западных славян», стр. 316—317, М., 1918 г.

с законными правительствами соседних стран мирные договоры и одновременно искали повода для вмешательства во внутренние дела этих стран. Не раз практиковали, например, паны этот прием в отношении своего южного соседа—Молдавии, поднимая там усобицы. При этом польские дипломаты обыкновенно заявляли, что они не отвечают за действия отдельных самовластных польских панов—магнатов, открыто поддерживавших самозванцев.

Такую же авантюру наметили в 1603 г. паны Сапеги, Вишневецкие, Мнишек и др.

Зимой 1603—1604 гг. князь Адам Вишневецкий объявил, что у него скрывается законный сын Ивана IV Грозного, наследник московского престола, царевич Димитрий Иванович. Князь Вишневецкий был богатый польский пан, владевший огромными имениями и необъятными пространствами земли на Украине. Как и Сапега, Вишневецкий мечтал о захвате русских земель. Вот этот-то пан и объявил, что его слуга есть не кто иной, как царевич Димитрий, скрывающийся от Бориса Годунова и готовый занять московский престол, если ему помогут паны.

В письме к королю Сигизмунду III князь Вишневецкий сообщал вымышленные подробности появления «царевича». Среди слуг князя был беглый русский, лет 20, некрасивый, с расплюснутым носом и с бородавкой на лице; одна рука у него была короче другой. Однажды этот слуга заболел и попросил к себе священника; на исповеди слуга «признался», что он царский сын. Под постелью у него нашли какую-то бумагу, в которой будто бы было написано, что он и есть царевич, считавшийся убитым в Угличе.

Эта затея князя Адама Вишневецкого была делом целой группы польских магнатов, связанных с близкими к правительству официальными лицами, прежде всего с паном Юрием Мнишком. Князя Адама Вишневецкого поддерживал его брат Константин Вишневецкий, женатый на дочери пана Мнишка; возможно, что об этом объявлении самозванца могли знать и некоторые из московских бояр, поддерживавших связи с польскими магнатами.

Новообъявленного «царевича» показали слуге Льва Сапеги—канцлера Литвы. Слуга будто бы сразу заявил: «Это истинный царевич Димитрий!» Нашелся еще какой-то «свидетель»—бродяга немец-ливонец, который уверял, что в детстве служил Димитрию. Ливонец также «авторитетно» подтвердил, что в слуге Вишневецкого он узнал

царевича. Этих «свидетельств», по мнению панов, было достаточно, чтобы признать самозванца русским царевичем и, прикрываясь именем Димитрия, начать интервенцию в Русское государство.

Вишневецкие одели своего «царевича» в богатые одежды и привезли его в Самбор к пану Мнишку. Пан Юрий Мнишек был сандомирским воеводой и львовским старостой, а одновременно и управляющим королевскими имениями в Самборе. Эти высокие должности позволяли Мнишку наживаться, грабя казну и несчастных подданных польского короля.

Достиг пан Мнишек этих должностей так же, как «выслуживались» при панском королевском дворе многие другие паны. Братья Мнишки доставляли женщин умственно и физически слабому королю Сигизмунду II-Августу (1548—1572 гг.). Мнишек не остановился даже перед тем, чтобы, переодевшись в женское платье, пробраться в женский монастырь, увезти оттуда монахиню и доставить ее прямо на королевское ложе. За такие «лихие» услуги король очень доверял Мнишкам. Последние брали взятки у панов за помощь в получении должностей, имений. Управляя королевской казной, Мнишки без стеснения запускали в нее руки. В ночь, когда умер король Сигизмунд II (1572 г.), Мнишки так очистили казну и даже гардероб короля, что покойника не на что и не в чем было хоронить! «Заработанные» таким образом богатства, а также связи обеспечили Мнишкам и в дальнейшем почет и уважение польских панов и королей, право на занятие еще более высоких и прибыльных должностей.

В Самборе пан Мнишек и князья Вишневецкие устроили в честь «царевича» бал. Нужно сказать, проходимец неплохо играл свою роль перед подвыпившим панством. Он немного знал латынь, свободнее говорил на польском языке, чем на русском, мог «ввернуть» в разговор несколько примеров из истории о том, как цари выходили из затруднительного положения. Самозванец при этом уверял, что «многие московские бояре... ожидают меня... готовы признать меня законным государем» [1].

Во время пребывания у Мнишка самозванец сблизился с дочерью воеводы Мариной Мнишек. Это была красивая,

---

[1] *Костомаров,* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия, т. I, стр. 82.

заносчивая панна, готовая пойти на все для удовлетворения своего честолюбия. Мнишек согласился выдать свою дочь замуж за проходимца, если тот добудет себе московский престол.

Иезуиты и папа рассчитывали, что с помощью самозванца они добьются обращения русского народа в католичество и будут получать в России большие доходы в пользу «святого отца».

В марте 1604 г. авантюриста повезли в тогдашнюю столицу Польши—Краков. Здесь был устроен торжественный обед, на котором присутствовал папский посол (нунций) Рангони. Посол согласился признать «царевича», но прямо заявил, что король и паны помогут самозванцу только тогда, когда он примет католическую веру. Бродягу поддерживали и другие родственники Мнишков—краковский епископ кардинал Мацеевский и краковский воевода Жебржидовский. Последний, хотя заявил, что не верит в «царевича», все же считал, что авантюриста нужно поддержать и сделать его слугой Польши, чтобы потом захватить все Русское государство.

Самозванец охотно обещал служить католической церкви. 15 марта 1604 г. нунций доставил бродягу на прием к польскому королю Сигизмунду III. На приеме присутствовали члены польского правительства. Самозванец бойко повторял свой рассказ о спасении, о связях с боярами, о готовности служить и королю, и Польше, и римской церкви. От имени короля коронный подканцлер сообщил самозванцу о распоряжении сандомирскому воеводе снабжать «царевича» деньгами и людьми. Пройдоха стал посещать костелы в Кракове, пировал с панами.

Больше месяца прожил самозванец в польской столице. 23 апреля король устроил ему прощальный прием. На приеме присутствовали знатнейшие паны Польши и гости из Италии. Сигизмунд III признал «царевича», объявил о принятии его под свое покровительство и позволил собирать силы для нападения на Русское государство. Король отпустил значительные средства на организацию похода и поднес самозванцу подарки. Расчувствовавшийся самозванец поцеловал руку короля и затем, бросившись в ноги папскому послу, обещал обратить в католичество на Руси не только православных, но и магометан и «язычников».

Началась подготовка к походу. Паны собрали эмигрантов из России—бояр и помещиков, бежавших от гнева

[illegible] ашлись двое бродяг из казаков, которые объяви-
[illegible] онскими атаманами. Они согласились поехать на
[illegible] ы поднять там массу беглых крестьян против
[illegible] а «царевича». «Атаманы» надеялись легко обма-
[illegible] ы, ссылаясь на то, что «царевича» уже признали
[illegible] ам польский король. Король Польши просил
[illegible] хана тоже помочь самозванцу совершить на-
[illegible] сское государство.
[illegible] вную силу для похода на Россию паны и ко-
[illegible] ли собирать в Польше.
[illegible] лось письмо короля к главе польского прави-
[illegible] канцлеру Польши пану Замойскому. В этом
[illegible] ороль доказывал канцлеру, как выгодно панам
[illegible] царевичу». Среди доводов был и такой, что поход
[illegible] даст возможность вывести из Польши разбойни-
[illegible] етские отряды, с которыми у правительства не
[illegible] справиться.
[illegible] Замойский не верил пройдохе и прекрасно пони-
[illegible] перед ним авантюрист, самозванец; не верил он
[illegible] то, что поход может быть успешным. Опытный
[illegible] он хорошо знал силу Русского государства. «Мо-
[illegible],—говорил Замойский,—могут сделать нападе-
[illegible] ронные земли и предать наш край огню и опу-
[illegible], а мы не готовы к отпору»[1]. Осторожный канц-
[illegible] ался официально поддержать новую авантюру.
[illegible] ганизацию похода взяли на себя паны Мнишек
[illegible] вецкий, пользовавшиеся поддержкой короля.
[illegible] ст дал письменное обязательство и присягнул,
[illegible] квой отблагодарит своих благодетелей. Самозва-
[illegible] был щедро расплачиваться русскими землями:
[illegible] ся отдать польскому королю часть Смоленской
[illegible] ой земель, пустить на Русь иезуитов. Он обещал
[illegible] игизмунду помочь отвоевать шведскую корону
[illegible] войну с Турцией, в то время угрожавшей Польше.
[illegible] 1604 г. самозванец дал письменное обязатель-
[illegible] Мнишку жениться на панне Марине, как только
[illegible] арем, и сделать ее, таким образом, царицей
[illegible] й. Кроме того, самозванец обещал уплатить из
[illegible] азны все долги пана Мнишка и еще дать ему
[illegible] е 1 млн. злотых на новые расходы. Марине
[illegible] обязался отдать Новгород и Псков с областями,

---

[1] [illegible] *аров,* Собрание сочинений, кн. II, т. IV—VI, стр. 74, СПБ, [illegible]

предоставив новой «царице» право по своему усмотрению раздавать панам поместья и вотчины, открывать костелы и иезуитские монастыри. Через некоторое время пану Мнишку и это показалось недостаточным. 12 июня 1604 г. он получил от щедрого «царевича», «будущего зятя», новое письменное обязательство: дать самому Мнишку в вечное и потомственное владение Смоленское и Северское княжества[1].

Панство, помогая самозванцу, организовывало подготовку интервенции так, что внешне это было делом только отдельных панов: если авантюра закончится успешно, тогда король предъявит обязательства самозванцу, а если успеха не будет, король и Польша здесь не при чем.

От имени царевича Димитрия паны составляли грамоты-прокламации и переправляли их в Московское государство. Изменники-бояре помогали распространять эти воззвания, в которых самозванец обещал «жаловати, по своему царскому милосердому обычаю, и наипаче свыше в чести держати, и все православное христианьство в тишине и в покои и во благоденьственном житии жити учинити хотим»[2].

Этими демагогическими обещаниями самозванец пытался обмануть народ, который надеялся с переменой царя улучшить свое положение. Бояре же надеялись, что с помощью самозванца и поляков они избавятся от власти Годунова, а потом, устранив самозванца, сами захватят власть. Таким образом, для выступления самозванца складывалась благоприятная обстановка. Паны также рассчитывали на успех авантюры, потому что Московское государство было потрясено страшным голодом, а правительство Годунова было отвлечено внутренними осложнениями и угрозой крестьянских восстаний.

Бояре-изменники, распуская слухи о появлении царевича Димитрия, подрывали и без того пошатнувшийся авторитет правительства Годунова. Репрессии Бориса истолковывались как доказательство его боязни за незаконно захваченную власть. Борис закрыл западную границу, но распространение слухов о самозванце не прекратилось.

К осени 1604 г. самозванец располагал отрядом около двух тысяч человек, который ему навербовали паны на деньги короля и Мнишка. «Войско» это составилось из

---

[1] См. Собрание государственных грамот и договоров, т. II, стр. 165, 166.

[2] «Памятники по истории смутного времени», № 2, стр. 11, изд. Н. Клочкова.

...кого разбойного сброда. Командирами полков и рот ...ны, а начальником, или гетманом, банды был вы... королевский воевода Юрий Мнишек. Под Киевом ...занцу присоединилось еще несколько тысяч под...ных панами казаков.

... надеялись, что как только «царевич» покажется ..., власть тотчас же перейдет в его руки. Дей...ность несколько перестроила эти планы, хотя из...р, врагов Бориса Годунова, оказала большое влия... исход похода.

...иевом 13 октября 1604 г. войско самозванца пере...ось на левый берег Днепра. «Рыцари» пришли в ..., когда ворвались на русскую землю: предприятие ... им богатую добычу. «На левой стороне Днепра,— ... один из участников похода,—...все вокруг цвело ...ем, и мы себе все нужное получали к нашему ...ствию»[1].

...м городком на пути самозванца был Моравск, куда ...нец направил свои отряды. Служилые люди здесь ...строены против Бориса. Они поверили слухам о ... Димитрия и потребовали от воевод признания ...с «царевича». Когда воеводы отказались, их свя... выдали «царевичу». Вскоре в город въехал Юрий .... Он собрал жителей и служилых людей и стал ...вать их за самозванца. Клянясь честью польского ... и радного пана, Мнишек уверял, что это «на...» Димитрий. Он говорил, что король и все паны ...т «царевичу». Мнишек угрожал, что если рус...бровольно не подчинятся, то в помощь ему вы... королевское войско.

...верской украйне в это время происходили волнения ...их низов и крестьян, в которых принимали участие ...ие казаки. Поднимавшиеся на борьбу с крепостни...естьянство и городские низы, особенно на юге, вна... верили в «царевича». Сильна была тогда вера в ...го царя». Это дало возможность самозванцу исполь... движение крестьян и городских низов при своем ...ом продвижении в глубь Русского государства, ...иняя к себе отряды беглых крестьян и казаков.

...оравска самозванец двинулся к Чернигову. И здесь ... «царевиче» сыграли немалую роль, тем более что

---

[1] ...томаров, кн. II, стр. 83.

антигодуновские элементы в этом городе были сильны. Здесь также связали воеводу (позже и он пристал к самозванцу). 25 октября Чернигов признал «царевича». Скоро раскаялись черниговцы, но было уже поздно: буйное «рыцарство» напало на беззащитный город и дочиста обобрало жителей. Когда сюда прибыл самозванец, он нашел в казне только случайно недограбленные 10 тыс. злотых, да и те вынужден был отдать «рыцарям». Последние уже стали проявлять нетерпение: они были в Русском государстве, а большой добычи еще не видели...

21 ноября банда подошла к Новгород-Северску. Римский папа в это время стремился помочь своему «чаду»— самозванцу как только мог. Из Рима было отправлено посольство в Персию через... Москву. Папа написал Борису ласковое письмо с просьбой пропустить монахов через московские владения в Персию. В действительности же монахи-послы были шпионами, которые должны были на месте собрать сведения о состоянии Российского государства и передать их самозванцу.

Под Новгород-Северском банда задержалась. Город был хорошо укреплен, воеводой там был Петр Басманов—сын сподвижника Грозного. В это время он еще не думал об измене правительству Годунова. Бандиты от имени Димитрия предложили Басманову сдаться. В ответ со стен города послышались крики: «Приехали по наши деньги с вором!»

Не взяв Новгород-Северска, нельзя было наступать дальше—на Брянск и другие города. Приходилось брать город с бою. А это не нравилось трусливым и хвастливым панам. Нужно сказать, что шляхетский сброд и по вооружению не был похож на войско: у него почти не было артиллерии. Попытки поджечь город кончились неудачей: Басманов даже не подпустил бандитов к стенам города, разогнав их выстрелами. Трусливо прячась за подвижные деревянные башенки, «рыцари» трижды пытались приблизиться к городу. Басманов прогонял их. Тогда паны начали роптать, отказывались сражаться. Только деньгами можно было удержать «рыцарей» под Новгород-Северском.

В это время царские воеводы города Путивля—Михаил Михайлович Салтыков и князь Василий Рубец-Масальский изменили Борису и присоединились к самозванцу, доставив ему казенные деньги. Их примеру последовали воеводы пограничных маленьких крепостей—Рыльска,

Севска и Кром. Польские отряды от имени «царевича» захватили эти города. Отсюда самозванец вывозил пушки под Новгород-Северск. Войско самозванца увеличилось до 15 тыс. человек, но все же он не смог взять Новгород-Северск. На угрозы панов истребить непокорных, если новгород-северцы не сдадутся, со стен города отвечали: «Убирайтесь! У нас государь... на Москве, а ваш Димитрий—вор и изменник; вот его скоро посадят на кол со всеми единомышленниками!»[1] Артиллерия не могла пробить стен города. А между тем пушки Басманова наносили большой урон врагу.

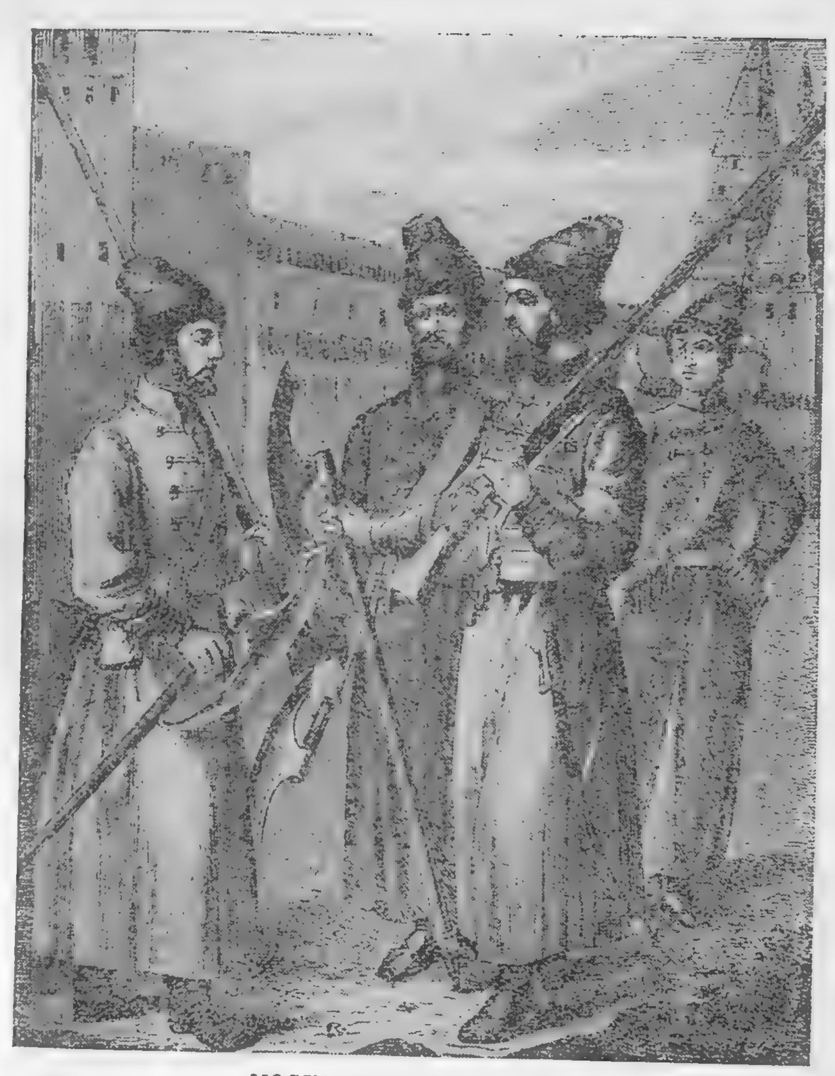
Тем временем правительство Бориса Годунова готовило поход на юг. В ноябре 1604 г. против польских интервентов выступило около 50 тыс. войска. Сборным пунктом этой армии был город Брянск, находящийся на одинаковом расстоянии от Северской земли и от Смоленска. Правительство Бориса ждало открытого нападения Польши и со стороны Смоленска. Из Брянска часть войск под командованием князя Федора Мстиславского направилась по направлению к Новгород-Северску.

Во главе войска Борис поставил, по совету Боярской думы, князя Федора Мстиславского. Этот боярин не отличался военными способностями и известен был лишь как знатнейший человек в государстве. В свое время Борис постриг его отца в монахи, а сестру заточил в монастырь. Теперь Годунов обещал ему в жены дочь Ксению, надеясь этим привлечь его на свою сторону, а вместе с ним и всю враждебную знать. В войске Бориса оказались бояре-изменники. Они тайно сносились с самозванцем, сообщая ему о движении войска, а некоторые бояре бежали к нему. Когда в Новгород-Северске узнали о приближении царского войска, Басманов искусно проведенной вылазкой вызвал большое смятение в войсках самозванца. Но войско Мстиславского не имело хорошего крепкого руководства, и после первой встречи с бандой 21 декабря 1604 г. Мстиславский поспешил отступить.

Самозванец остался под Новгород-Северском. Но паны начали бунтовать: с одной стороны, свыше месяца они не могли взять небольшой город, с другой—предстояло серьезное сражение с царским войском. Результаты дальнейшего похода на Москву могли оказаться весьма

---

[1] Сказания современников о Димитрии-самозванце, т. II, стр. 4.. *Костомаров*, т. II, стр. 91.

МОСКОВСКИЕ СТРЕЛЬЦЫ

плачевными. Бандиты требовали от «царевича» денег. У самозванца не было их. «А нам что за дело?—Не можешь, так мы уйдем!»—угрожали «рыцари». Самозванец умолял их потерпеть: «Верх будет за нами, и вся земля нам покорится, а я заплачу вам!» Когда он попытался подкупить одну роту, чтобы она уговорила остальных не уходить, польские шляхтичи подняли восстание. С самозванца содрали соболью ферзь, которую потом ему пришлось

выкупить у «рыцарей» за 300 злотых. Один из панов в озлоблении сказал самозванцу: «Ей-ей! Ты будешь на коле!»[1] Это состояние польского лагеря, описанное со слов современника-очевидца, говорит само за себя. Часть шляхтичей решительно заявила, что не видит выгоды для себя в этом предприятии и уходит обратно в Польшу. Самозванец уговаривал их, умолял не бросать его. Только около 1 500 поляков согласилось остаться. Остальные же ушли в Польшу. Даже нареченный тесть—«гетман» Мнишек и тот уехал в Краков, ссылаясь на нездоровье. На самом же деле он уехал по вызову короля, опасавшегося, что на предстоящем сейме шляхта обвинит его в помощи «царевичу» без согласия сейма. С оставшимися силами самозванец отступил к Севску—центру Комарицкой волости.

Послы Бориса Годунова в Польше доказывали, что самозванец не кто иной, как беглый монах по имени Гришка Отрепьев, и требовали выдать его. Паны отрекались от самозванца, обещая и дальше соблюдать мирный договор, заключенный в 1602 г.

Тем временем к Мстиславскому прибывали подкрепления под командованием бояр, посланных Борисом по решению Боярской думы. В войске князя Мстиславского были князья Андрей Телятевский, Димитрий Шуйский, Михаил Кашин, Василий Голицын, Туренин и Лука Щербатов, бояре Михаил Глебович Салтыков, Иван Годунов и Василий Морозов; в качестве помощника Мстиславского сюда прибыл князь Василий Иванович Шуйский. Это были люди, почти все готовые каждую минуту предать Бориса и во всяком случае не собиравшиеся отстаивать годуновскую династию. Предводители не принимали никаких мер к организации своего войска и к подготовке сражения. И все же русское войско было еще достаточно сильно.

20 января 1605 г. произошло сражение под Севском, у деревни Добрыничи. Войско самозванца было разгромлено. Самозванец потерял 15 знамен и 13 орудий, оставил на месте 5 или 6 тыс. убитых; он сам едва не попал в плен. Остатки войск интервентов частью отступили с самозванцем, а частью ушли в Польшу. Самозванец отвел душу, дав такую характеристику своим польским соратникам: «вы храбры перед битвой, а в битве трусы!»[2]

---

[1] «Русская историческая библиотека», т. I, стр. 382—383.

[2] «Русская историческая библиотека», т. I, стр. 373; *Костомаров*, Собрание сочинений, кн. II, стр. 98.

По поведению командования царского войска можно судить, насколько знать не хотела этой победы, насколько она стремилась вызвать затруднения для правительства Годунова. Вместо того, чтобы немедленно начать преследование остатков войск самозванца, бояре несколько дней задерживали свое войско на месте. Когда же они, наконец, решили выступить в погоню, самозванец успел уже уйти больше чем за 100 верст—сначала в Рыльск, а потом в Путивль.

В Путивле часть поляков снова восстала против самозванца и ушла в Польшу, отказавшись даже выслушать его. Если бы Мстиславский тут же направился к Путивлю, он смог бы покончить с авантюрой польских панов. Но он не сделал этого. Бояре не хотели добивать авантюриста, которого они могли использовать для борьбы против Годунова.

Царские воеводы, сославшись на то, что якобы перехвачено известие о приближении сильного королевского войска под командованием гетмана Жолкевского, поспешно сняли осаду Рыльска и отошли к Кромам, находившимся в руках приверженцев самозванца. Только изменой бояр (Шуйских и пр.) можно объяснить то, что вся царская армия была брошена на осаду маленького городка Кром и, таким образом, самозванец имел время собраться с силами. Только из-за измены бояр борьба затянулась, и Лжедимитрий I (как прозвали историки этого самозванца) в конце концов добился престола, а польские паны на некоторое время попали в Москву.

В это время шведский король Карл IX, враждовавший с Сигизмундом III, предложил Борису помощь против Польши и самозванца. К чести Годунова нужно признать, что даже в такой тяжелый момент он стремился сохранить достоинство своего государства.

«Московскому государству,—отвечал царь,—не нужна шведская помощь; при царе Иване Васильевиче мы дали себя знать и теперь постоим разом против турок, татар, поляков и шведов, а не то что против какого-нибудь беглого монаха»[1].

Царское войско все еще стояло под Кромами; изменники-бояре не допускали взять этот городок. Командовавший царскими войсками князь Мстиславский сносился с самим самозванцем. Изменники даже доставляли порох

---

[1] *Костомаров,* Собрание сочинений, кн. II, стр. 107.

осажденным в Кромах сторонникам самозванца. Когда однажды осаждавшие ворвались в город, боярин Салтыков приказал им отступить.

Царь понял, что бояре ему изменяют. Он решил сменить командование. Во главе войска были поставлены князь Михаил Катырев-Ростовский и защитник Новгород-Северска воевода Петр Басманов. Но положение не улучшилось как с приездом Басманова (17 апреля), так и с отъездом прежнего командования в Москву.

13 апреля 1605 г. внезапно умер царь Борис, возможно, отравленный боярами. Годуновы поспешили объявить царем его сына, юношу Федора Борисовича, и опекуншей мать—царицу из рода Малюты Скуратова. Бояре не намерены были больше ждать. Это было самое подходящее время, чтобы с помощью самозванца расправиться с Годуновыми, а затем, убрав авантюриста, захватить власть в свои руки. Именно такой план и наметили Шуйские с Мстиславским. Воевода Басманов, учтя всю эту обстановку, решил, что он больше выиграет, если изменит Годуновым, тем более, что князь Василий Голицын, Салтыков и некоторые другие бояре из царского войска уже почти открыто поддерживали связь с самозванцем.

Но не все бояре были изменниками. Так, князь Андрей Телятевский призывал свой отряд: «Стойте твердо и не изменяйте». Не изменил и князь Катырев-Ростовский[1].

7 мая 1605 г. князь Голицын и Басманов перешли на сторону самозванца. Самозванец не сразу приехал в войско Басманова, а объявил, что часть московского войска распускает по домам, а части приказывает итти вперед к Москве. Авантюрист вообще не доверял русским: он ездил только под охраной польского отряда. Теперь паны с еще большим рвением охраняли своего самозванца.

В конце мая, после того как остатки армии Басманова дошли до Орла, Лжедимитрий двинулся на Москву. В это время в Москве на Красной площади перед собравшимся народом выступил князь Василий Шуйский и пытался натравить народ на Годуновых. Еще при царе Федоре Ивановиче (1591 г.) Шуйский вел следствие о смерти царевича Димитрия и тогда докладывал, что Димитрий сам накололся на нож. Теперь же этот князь уверял

---

[1] *Масса*, Краткое известие о Московии в начале XVII в., стр. 103, М., 1937 г.

народ, что «Борис послал убить Димитрия царевича, но царевича спасли; вместо него погребен попов сын».

1 июня Федор и вся семья Бориса были арестованы боярами в Москве. Вскоре князья Голицын и Рубец-Масальский подослали дворян Молчанова и др., которые убили арестованных. Народу объявили, что царица-мать и сын отравились.

В самой Москве и под Москвой (Красное Село) начались волнения против бояр и помещиков. Бояре надеялись с приходом самозванца подавить волнения и поспешили выслать к нему своих представителей. За Тулой Лжедимитрия встретили князья Шуйские и Федор Мстиславский. В Серпухове Лжедимитрий устроил богатый пир для панов и бояр.

Между тем отдельные русские воинские части еще сопротивлялись самозванцу. Его войскам пришлось сражаться с гарнизоном Калуги и со стрельцами у Серпухова, не желавшими подчиниться Лжедимитрию I.

20 июня 1605 г. самозванец вступил в Москву. Он постарался нацепить на себя как можно больше драгоценностей. За ним ехали польские шляхтичи и изменники-бояре. Уже тогда русские люди были удивлены и обижены непочтительным отношением новоявленного царя к старинным русским обычаям и тогдашней вере. Во время церковного пения играли польские музыканты, заглушавшие пение, да и крестился царь не по-русски. Зато в Архангельском соборе новоявленный царь мастерски провел сцену плача у гроба «отца»—царя Ивана IV. Самозванец выписал из ссылки старую царицу, вдову Марию Нагую, и на глазах народа была разыграна трогательная сцена встречи «сына» с «матерью».

Народ никогда не видел настоящего царевича. А между тем старые бояре, которые могли хорошо знать Димитрия, уверяли, что явившийся в Москву «царевич» действительно сын царя Ивана.

Боярин Бельский, пытавшийся еще при царе Федоре Ивановиче посадить на престол царевича Димитрия, теперь с Лобного места на Красной площади уверял народ, что это сын Грозного. Народ сначала поверил этому.

Лжедимитрий пытался потеснее связаться с боярами. Князьям Федору Мстиславскому и Василию Шуйскому он разрешил жениться на родственницах царицы—вдовы Марии Нагой. Молодого князя Михаила Скопина-Шуйского назначил своим мечником, т. е. наблюдающим за личным

оружием царя. Постриженного при Борисе Филарета Романова самозванец сделал ростовским митрополитом. Патриархом Лжедимитрий назначил пройдоху грека Игнатия, обеспечив себе поддержку и с этой стороны.

Боярам казалось, что теперь можно уже приступить к осуществлению следующей части их плана—к устранению авантюриста и захвату власти. С этой целью можно было использовать растущее озлобление народных масс: пришедшие с Лжедимитрием польские паны начали вести себя в столице, как в завоеванном городе, грабя и притесняя народ, нагло обращаясь с женщинами.

Князь Василий Шуйский приступил к организации заговора. Он теперь поддерживал слух, что царь—не Димитрий, а Гришка Отрепьев, подосланный польским королем и панами. Басманову, ставшему теперь доверенным лицом Лжедимитрия, удалось раскрыть этот заговор в самом начале. Василия Шуйского присудили к смертной казни, а его братьев—к ссылке. Но Лжедимитрий побоялся казнить князя Шуйского и заменил казнь ссылкой; вскоре он вернул Шуйских из ссылки, желая примириться с ними.

30 июля 1605 г. новый патриарх Игнатий венчал Лжедимитрия на царство.

Самозванец лавировал между боярами и помещиками, стараясь угождать и тем и другим. Заискивая перед Романовыми, Милославскими и др., Лжедимитрий пытался привлечь на свою сторону и помещиков. Он объявил об увеличении им жалованья и земельных раздач. Приговорами Боярской думы в 1606 г. было подтверждено право бояр и помещиков на розыск сбежавших от них крестьян за год до бывшего голода. Одновременно закреплялись за помещиками беглые крестьяне, принятые во время голода. Прежним владельцам запрещалось требовать их обратно. «Не умел он крестьянина своего кормити в те голодные лета, а ныне его не пытай...» Также в интересах помещиков было издано постановление о кабалах. Но, несмотря на все это, помещики были недовольны самозванцем—ставленником польских панов, заискивавшим перед боярами.

Это недовольство особенно усилилось, когда Лжедимитрий задумал, по указке папы и Сигизмунда III, поход через степь, на юг—в Крым и далекую Турцию. Служилые люди, помещики не хотели этой войны. Церковь, видя растущее влияние иезуитов при Лжедимитрии, стала опасаться за свое положение и поддерживала Шуйских.

Народу при самозванце стало еще тяжелее жить: к гнету со стороны бояр, помещиков присоединились еще грабежи и притеснения со стороны польских панов.

Таким образом, Лжедимитрий никакой опоры в Русском государстве создать не мог. Вся надежда авантюриста была лишь на польских панов и иезуитов, возглавлявшихся римским папой. Но и с ними у самозванца начались трения. Поляки требовали от него выполнения данных обязательств. Папа напоминал об обещании обратить в католичество население Русского государства. Лжедимитрий видел, что народ не допустит никаких территориальных уступок Польше и не захочет принять католическую религию. Самозванец дал понять польскому правительству и папе, что некоторое время он еще не сможет осуществить свои обещания. Чтобы господствовать в стране, самозванец просил панов увеличить польскую военную силу.

Скоро был найден благовидный предлог для ввода польского войска в столицу Русского государства—предстоявшая свадьба Лжедимитрия с Мариной Мнишек. Близилось осуществление честолюбивых замыслов Мнишка и его дочери.

А тем временем бояре пытались еще раз организовать заговор и убить самозванца. Попытка покушения в январе 1606 г. кончилась неудачей. Группа бояр использовала теперь и недовольство Сигизмунда III самозванцем, не выполнявшим своих обязательств. Заговорщики сообщили королю, что царица Мария Нагая считает Лжедимитрия обманщиком, что они готовы избавиться от него и пригласить на престол сына Сигизмунда—Владислава. Сигизмунд одобрил этот план бояр: он обещал ему больше возможностей для вмешательства в дела Русского государства. В самой же Польше паны из партии Мнишка уже задумывали свергнуть Сигизмунда и избрать королем самозванца, с которым они могли бы еще меньше церемониться.

Всю зиму 1605—1606 гг. продолжались переговоры о браке Лжедимитрия с Мариной. Пан Мнишек все оттягивал отъезд, стараясь высосать из русской государственной казны как можно больше денег. Лжедимитрий передал Мнишку 300 тыс. злотых и 50 тыс. его сыну, вскоре Мнишку было послано еще 20 тыс. руб. «Тесть» начал брать в долг товары у московских купцов, занимать у них деньги, требуя от Лжедимитрия оплачивать все это. По

подсчету иностранца Масса, самозванец переслал в Польшу Мнишкам денег и ценностей на 800 тыс. флоринов (130 тыс. русских рублей), почти опустошив русскую казну.

За зиму в Польше был организован отборный отряд, который под видом гостей и сопровождающих невесту должен был въехать в Москву. Перед отъездом в Москву Марина получила инструкции от короля и иезуитов, согласно которым обязана была шпионить и всячески помогать панам завладеть Русским государством.

2 мая 1606 г. «свадебный» поезд прибыл в столицу Русского государства. Кроме семейства пана Мнишка здесь были польские паны братья Адам и Константин Вишневецкие, паны Стадницкие, Тарлы, Казановские и др. С ними было много шляхтичей, масса челяди и слуг. Король прислал специальное посольство—панов Олесницкого и Гонсевского, тоже имевших при себе отряды. Всего приехало больше двух тысяч панов и шляхты; в основном прибыли почти все те, кто задумал и организовал авантюру Лжедимитрия.

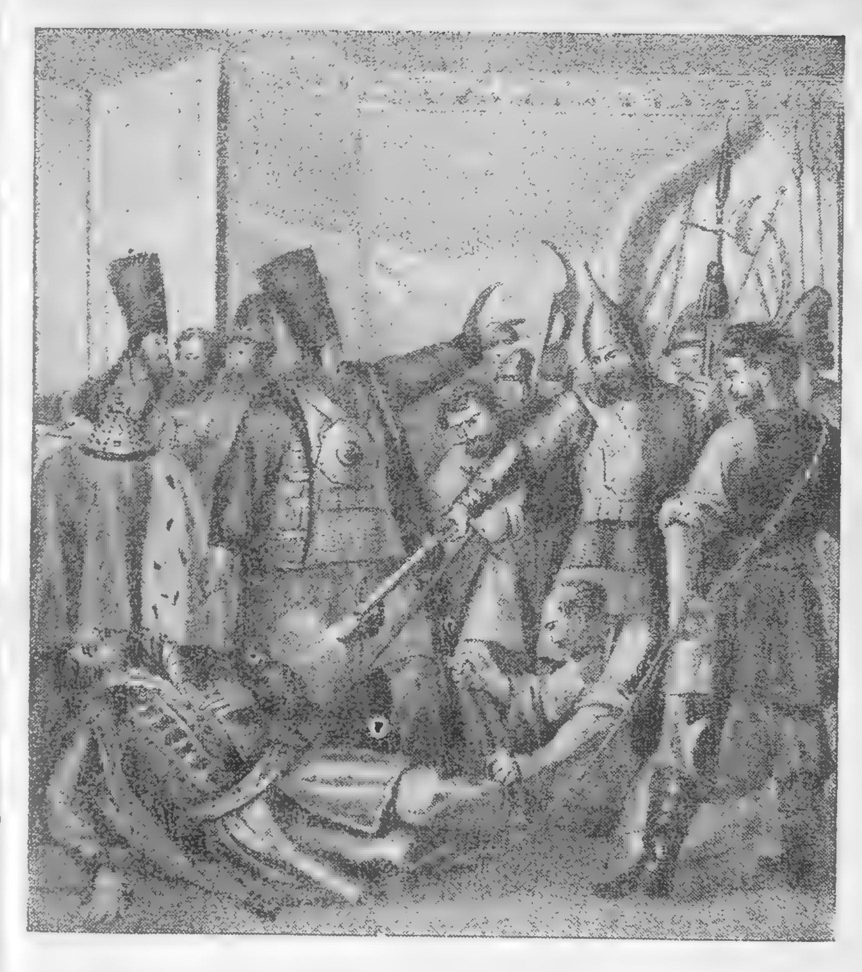
Москвичей поразил вид «свадебного» поезда: паны ехали на свадьбу, но «не по посольскому обычаю, воинским же обычаем», «урядясь в збруях и с копьи», в панцырях и полном вооружении...

Для Марины Мнишек и ее слуг отвели целый монастырь. Панов, шляхтичей и их слуг разместили в домах московских жителей, где «гости» чувствовали себя полными хозяевами. У самозванца ежедневно устраивались балы, обеды, приемы, празднества. 8 мая патриарх Игнатий короновал Марину московской царицей, а вскоре состоялось и венчание.

Пьяные шляхтичи скакали на лошадях по улицам, стреляли, давили народ, грабили прохожих, по ночам вламывались в дома мирных жителей, насиловали женщин. Паны издевались над русскими, над их языком и обычаями. Польским музыкантам, игравшим в Кремле, оказывалось больше почета, чем боярам.

Паны чувствовали себя господами положения. Они хвастливо заявляли перед всем народом: «Вот вся ваша казна перейдет к нам в руки!» В пьяном разгуле они бряцали саблями и кричали: «Что ваш царь?!—Мы дали царя Москве!»

По словам поляка Стадницкого, жившего в то время в Москве, «москвичам сильно надоело распутство поляков, которые стали обращаться с ними, как со своими под-

УБИЙСТВО ЛЖЕДИМИТРИЯ I

данными, нападали на них, ссорились с ними, оскорбляли, били, напившись допьяна, обижали женщин и девушек».

Народное возмущение готово было разразиться каждую минуту. Отношение народа к полякам ярко отразил летописец в следующих словах: «Крик, вопль, говор неподобный! О, как огонь не сойдет с небеси и не попалит сих окаянных!»

Стихийный народный гнев сулил гибель насильникам и захватчикам. Этим настроением народа решили воспользоваться бояре, чтобы устранить самозванца и поставить своего царя.

Во главе заговора снова стал князь Василий Шуйский. В ночь на 14 мая 1606 г. на улицах Москвы было неспокойно, и польские паны приготовились к бою. 15 мая происходили уличные «беспорядки». 16 мая, как утверждают некоторые польские авторы-очевидцы, «москвичи начали сильно бунтовать». Но самозванец, охраняемый несколькими тысячами панов и немцев-наемников, чувствовал себя в безопасности и не принимал мер предосторожности. 16 мая немцы—телохранители самозванца донесли ему о боярском заговоре и о настроении народа. Но было уже поздно.

Ночью мелом были отмечены дома, в которых поселились польские паны. Рано утром 17 мая ударили в набат в церкви на Ильинке и в других церквах. Народ сбегался на площадь и отсюда бросался в дома, где жили поляки. Началось избиение панов. «Даже маленькие дети и юноши и все,—пишет очевидец-иностранец Масса,—кто только был в Москве, бежали с луками, стрелами, ружьями, топорами, саблями, копьями и дубинами, крича: «Бейте поляков, тащите все, что у них есть!»[1] Так велика была ненависть народа к захватчикам!

Князья Шуйские, Голицын и др. бросились в Кремль и схватили Лжедимитрия. Немцы-телохранители даже не пытались защищать его. Народ и стрельцы заполнили Кремль. Самозванца начали избивать. Раздавались крики: «Латинских попов привел, нечестивую польку в жены взял, казну московскую в Польшу вывозил!» Самозванца одели в лохмотья и кричали: «Вот так самодержец!», «Бей, руби его!» Толпа требовала добить польского агента. «Вот я благословлю этого польского свистуна»,—сказал Григорий Валуев и пристрелил самозванца. Восставшими был убит и изменник Басманов. Трупы обоих положили на Красной площади. На грудь самозванцу положили маску, в рот воткнули дудку. Два дня издевался народ над его трупом; потом зарыли в землю. Но вскоре снова выкопали, вывезли за Серпуховские ворота и там сожгли. Пепел самозванца собрали, зарядили в пушку и выстрелили в ту сторону, откуда он пришел.

В Москве началось истребление польских интервентов. Народ хотел перебить всех польских панов, в том числе и Мнишков—отца и дочь. «Чернь,—писала позже Марина

---

[1] *Масса*, Краткое известие о Московии в начале XVII в., стр. 138, М., 1937 г.

в своем дневнике,—между тем опять стала приступать к нашему двору: многие уже лезли на заборы».

На защиту панов выступили московские бояре во главе с князем Василием Шуйским. Они разогнали народ и организовали охрану панов. «Мятежников,—пишет Марина,—разогнали и около дома поставили стрельцов»[1]. Народное возмущение против поляков нужно было боярам только для устранения Лжедимитрия. Бояре, охотно использовавшие народное возмущение, отнюдь не хотели дать ему разрастись. Сейчас же после убийства самозванца они бросились ко дворам, где жили знатные паны. Одновременно бояре призывали панов не раздражать жителей. «Сидите тихо,—говорил боярин Михаил Татищев Юрию Мнишку,—не беритесь за оружие, не дразните народа, а то беда вам будет!»[2]

Так бояре спасли Юрия Мнишка, когда разъяренный народ напал на его двор. Так же спасли они панов Стадницких (на Варварке, против дома Романовых). Восставшие втащили было на крышу дома Романовых две пушки, чтобы оттуда громить двор панов, но прибежавшие бояре разогнали толпу и поставили стрельцов охранять Стадницких.

Когда началось возмущение, паны Вишневецкие, имевшие отряд в 400 с лишним человек, хотели пробиться с войсками в Кремль, чтобы помочь самозванцу и Мнишку. Но народ, завалив улицы бревнами и рогатками, не пропустил их к Кремлю и не выпустил из города. Вишневецкие вернулись к себе во двор. Народ окружил этот двор и начал наступать. Сначала потери среди наступавших были очень велики, так как Вишневецкие были прекрасно вооружены. Вскоре москвичи раздобыли пушку и с ближней башни начали обстреливать двор Вишневецких. Паны были на краю гибели. Но в это время приехали князь Шуйский и Иван Никитич Романов. Они разогнали народ и спасли Вишневецких. На Никитской улице, где происходило особенно ожесточенное сражение, поляков тоже выручили бояре.

Через несколько дней бояре отправили в Польшу более 600 пленных шляхтичей, не считая слуг. Мнишка и

---

[1] Сказания современников о Димитрии-Самозванце, т. IV, стр. 54—55.

[2] *Масса,* Краткое известие о Московии в начале XVII в., стр. 141.

других знатных панов, а также королевских послов задержали до выяснения отношений с Польшей.

Так в майские дни 1606 г. русский народ разгромил польских панов, забравшихся в Москву. Первая попытка польской интервенции потерпела неудачу. Наглые польские паны получили достойный урок. «Шляхетская кровь,—пишет один из поляков в своем дневнике,—лилась в домах, на улицах, на площадях. От этих московских неистовств погибло 1 300 поляков, а остаток не убитых мужчин и женщин, раздетых донага, как мать родила, загнали, как скот, в один подвал, где они и находились до тех пор, пока их не развели по крепостям»[1].

Заговорщики-бояре провозгласили царем князя Василия Ивановича Шуйского (1606—1610 гг.). 19 мая 1606 г. на Красной площади в Москве подговоренные боярами люди «выкрикнули» в цари Шуйского. Началось правление боярского царя. Таким образом, план бояр, последовательно проводимый ими в жизнь, закончился для них успешно: власть снова перешла в руки знати. Царь Шуйский дал боярам крестоцеловальную запись (обязательство) в том, что все будет делать только с боярского приговора.

Конечно, не все бояре хотели иметь царем Шуйского. Были и такие, которые считали, что они тоже достойны власти, хотя не так знатны и богаты, как Шуйские. Не имея достаточно сил, связей и средств, чтобы бороться с Шуйскими, некоторые бояре подумывали о том, чтобы и с Шуйским разделаться так, как в свое время разделались с Годуновым.

Народные массы не могли быть рады такому царю. Известно было, что бояре, пользуясь своей властью, грабили народ, и именно Шуйские были первыми грабителями. Народ раньше верил, что с боярами за их своеволие могли расправляться московские цари. А теперь, когда на престоле оказался боярский царь, народу стало ясно, что ждать от него защиты от боярского произвола бесполезно. Волнениями встретил народ нового царя. Уже 25 мая 1606 г. новому правительству пришлось подавлять в Москве сильное народное восстание против бояр и Шуйских.

Помещики тоже были недовольны новым царем. Опять бояре стали править государством, и только знатностью

[1] «Русская историческая библиотека», т. I, стр. 89.

происхождения, а не службой можно было в дальнейшем добиться поместий, жалованья, новых должностей, богатства, власти.

Правительство Шуйского спешило провести ряд мер для укрепления своей власти. Боярская дума разослала по всему царству грамоту, в которой разъясняла смысл совершившихся событий. В грамоте говорилось, что царевич Димитрий был действительно убит в 1591 г. по повелению Годунова, что 1 мая 1606 г. в Москве был убит самозванец—беглый монах расстрига Гришка Отрепьев; что бродяга этот хотел помочь Польше захватить Москву, раздать польским панам по частям Русскую землю и насильно обратить русских людей в латинскую веру. В грамоте указывалось, что среди бумаг самозванца найдена переписка с Польшей и папой. Не случайно Шуйский в своем первом обращении к народу подчеркивал польско-изменнические связи самозванца: он учитывал ненависть русского народа к захватчикам, к польским панам, к папе и иезуитам.

Патриархом Шуйский поставил Гермогена, который объявил святым убитого, мол, Годуновым царевича. Гроб с останками Димитрия торжественно перенесли в Москву.

Этими мерами пытались предотвратить появление нового самозванца под именем все того же царевича Димитрия.

Захватив власть, бояре повели переговоры с панами. У Марины отобрали все вещи, полученные ею в подарок от самозванца и принадлежавшие казне. Ее перевели во двор к отцу. От Юрия Мнишка также потребовали вернуть в казну все, что он получил от зятя. Паны упрекали бояр, что русский народ истребил много поляков. Бояре оправдывались: «Чернь наша, негодуя на ваших людей за насильства, которые они чинили, без нашего ведома бросилась на них и так случилось великое кровопролитие». В другой раз бояре ответили: «Нельзя же нас винить за то, что сделала яростная чернь,—никакой человек укротить ее не может, когда она начнет своевольничать»[1].

Не бояре с Шуйским, а русский народ освободил Российское государство от захватчиков, истребив панов в Москве в мае 1606 г. и вместе с тем разгромив первую попытку польской интервенции, связанную с именем

---

[1] *Костомаров,* Собрание сочинений, кн. II, стр. 254 и 257.

Лжедимитрия I[1]. Но у власти стали бояре—враги народа, старавшиеся не допустить истребления своих братьев по классу—польских панов. Вскоре народ восстал и против «своих» бояр-крепостников и боярского царя. Эта борьба народа была направлена не только против феодального гнета, но и против тех, кто предавал родину интервентам.

ВОССТАНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА ПОД РУКОВОДСТВОМ БОЛОТНИКОВА. ПОХОД НА БОЯРСКОГО ЦАРЯ

Все нараставшее с конца XVI в. недовольство народных масс с особой силой проявилось в первые же дни царствования Шуйского. Корни этого недовольства крылись в тяжелом положении закрепощенного крестьянства. Нарастало «отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета»[2]. И в начале царствования Шуйского такое стихийное восстание достигло на Руси невиданных до того размеров и остроты.

Это возмущение оставалось стихийным—не было еще революционного класса, который мог бы повести крестьянство на борьбу, объединив его силы.

---

[1] Историк М. Н. Покровский извратил действительную историю событий 1604—1606 гг. По мнению Покровского, это выступление Лжедимитрия I было «крестьянской революцией», главной силой которой была «масса угнетенных и разоренных людей». Покровский считал Лжедимитрия I «крестьянским царем», что, мол, последний и доказал своими указами о крестьянах. Покровский, насилуя факты, утверждал, что только буржуазные историки могли выдумать, «будто новый царь... выдвигался именно польскими помещиками и католической церковью». Таким образом, Покровский доходил даже до отрицания польской интервенции!

В свою очередь, события 17 мая 1606 г. Покровский представлял так, что народ был «награвлен» боярами на поляков, а тем временем Шуйские убили царя, «который шел против интересов богатых помещиков и капиталистов» (Русская история в самом сжатом очерке, ч. I—II, стр. 66—69, 1931 г.). Как видим из всего сказанного выше, это было сплошным извращением действительной истории СССР.

[2] *Сталин,* Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 8, Госполитиздат, 1938 г.

КРЕСТЬЯНЕ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ (XVII в.)
С рисунка из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию» (XVII в.)

Восставая стихийно, крестьянство выдвинуло идею своего, «хорошего царя»[1]. Эта идея не имела ничего общего с авантюристским самозванством польского агента Лжедимитрия I.

Во все время крестьянского восстания польские паны не повторяли своей попытки интервенции: после встречи в мае 1606 г. с восставшим русским народом трусливые паны не решались рисковать. Кроме того, в самой Польше начались шляхетские «рокоши»—ссоры и восстания, которые тоже отвлекали панов от вмешательства во внутренние дела их соседей. Тем более нельзя говорить о каких-либо связях между развернувшимся крестьянским движением и польскими интервентами.

Паны и сами это отрицали, говоря: «...которые воры были преж сего, назывались в Путивле и на Туле

---

[1] *Сталин*, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 9, Госполитиздат, 1938 г.

царевичами, бывал ли к ним кто наш польской или литов ской хотя один человек служить?»[1]

Стихийное крестьянское восстание в Московском цар стве вполне определилось к осени 1606 г. Именно в эт время с юга двинулось на Москву восставшее крестьян ство во главе с Иваном Исаевичем Болотниковым.

Болотников был холопом князя Телятевского. Пришлос всего попробовать Ивану Исаевичу: и холопство у бога того и знатного боярина князя Телятевского, и горемыч ную жизнь беглого. Пришлось побывать Болотникову в плену у татар. Татары продали потом Болотников в рабство туркам, которые заставили его в оковах рабо тать на галерах. Вырвавшись с этой каторги, Болотнико попал в Венецию, а оттуда бежал на родину, в Россик За долгие годы своих мытарств он до конца продума свой жизненный путь и накрепко связал его с бесправны и угнетенным крестьянством родной страны. Болотнико вернулся на родину смертельным врагом бояр и помещи ков и объявил жестокую войну всем, кто угнетал и граби трудящийся люд. Был он человеком с большим жизнев ным опытом и обладал выдающимися военными и органи заторскими способностями.

На юге, в Комарицкой волости, Болотников за коротко время собрал несколько тысяч беглых крестьян. К нем массами стекались крестьяне, бросившие в Замосковно крае насиженные места и бежавшие сюда от боярско-по мещичьей расправы. Уж если холоп бежал из села, бро сив близких и имущество, значит действительно дольш терпеть было невмоготу. Большинство этих людей, ка и сам Болотников, выступило против бояр и помещико чтобы расправиться с угнетателями. Другого выхода он не видели. На юге легче было объединиться в крупнь подвижные отряды тем, кто выступал против угнетателе Здесь их некому было ловить. У беглых, начинавших ка заковать, вырабатывались некоторые военные навыки, пр вычка действовать отрядами.

К началу осени 1606 г. вокруг Болотникова собралос уже больше 10 тыс. человек. Они стремились вернутьс в родные места, в центр, откуда бежали, спасаясь от кр постного гнета. Во главе с Болотниковым двинулись он на север, к Москве, против засевших там бояр и их цар Шуйского. Распространились слухи о том, что пришл

[1] «Русская историческая библиотека», т. II, стр. 220.

время расправиться с угнетателями на всей русской земле. Из городов к Болотникову бежало много бедных посадских людей, из сел—много крестьян.

На юге было также много недовольных Шуйским помещиков. Шуйский продолжал ссылать сюда неугодных ему бояр, которые и здесь не прекращали борьбы за власть. Так, Шуйский сослал воеводствовать на юг, в Путивль, князя Шаховского, а в Чернигов—князя Телятевского. Каждый из них не оставлял надежды победить Шуйских и самому стать у власти. А так как своих сил у них было мало, то они решили использовать силы Болотникова. Шаховской решил на время пристать к Болотникову, открыто объявив себя врагом Шуйских.

Много недовольных было на юге и служилых людей среди собранных здесь Лжедимитрием I для похода на Крым и Турцию. После его смерти эти служилые люди не хотели признавать боярского царя. Во главе недовольных стал дворянин Истомка Пашков. Служилые люди Пашкова тоже присоединились к Болотникову как его временные союзники.

Присоединившись к Болотникову, князь Шаховской и дворянин Пашков одновременно непрочь были при поддержке польских интервентов выставить против Шуйского нового самозванца.

Князь Шаховской распустил слух, что «царя» Димитрия не убили, что он спасся. Говорили, что Шаховской вместе с каким-то поляком переправил его в Польшу.

В Рязанской земле дворяне также не захотели подчиниться боярскому царю и под начальством братьев Захария и Прокопия Ляпуновых подняли восстание, собираясь итти на Москву. В Астрахани воевода князь Хворостинин, возможно, столковавшись с Шаховским, отказался признать Шуйского царем. В Пскове Шуйскому не подчинился боярин Шереметьев.

Все это вначале значительно облегчало крестьянам борьбу с боярами и помещиками.

Правительство Шуйского учитывало серьезную опасность движения, руководимого Болотниковым, и, не желая допустить восставших в центральные области, выслало против него войска под командованием князя Ю. Трубецкого.

Болотников двинулся из Комарицкой волости на Кромы. Крестьянский вождь рассылал подметные письма, в которых призывал крестьян, холопов и городские низы бить

везде бояр и помещиков. В начале августа 1606 г. произошел бой под Кромами между Болотниковым и царскими войсками.

Победили крестьянские отряды. Царская армия отступила, в ней началось разложение. Помещики из царского войска стали уходить домой, опасаясь за свои поместья и семьи.

Овладев Кромами—важным стратегическим пунктом, открывавшим дорогу на Дон и Москву, Болотников двинулся на север мимо Калуги, на Серпухов, к столице. На сторону восставших перешла крепость Елец, где оказалось много военных припасов, заготовленных еще для похода Лжедимитрия на юг. За Ельцом восставшие разбили новое войско Шуйского под начальством князя Воротынского. Болотникову был открыт путь на Москву.

Обращения Болотникова находили живой отклик среди крестьянской массы всего многонационального государства. Борьба с общими угнетателями объединяла крестьянство разных народностей. По призыву Болотникова выступило крестьянство народов Поволжья—мордвы, татар, мари и вместе с русскими крестьянами начали бить «своих» бояр и помещиков. Восставшие мордвины, например, составили целое ополчение; во главе его стояли выборные люди Москов и Вокардин. Ополчение двинулось на Нижний-Новгород, к восставшим присоединились городские низы Арзамаса и Алатыря. Здесь мордовские крестьяне соединялись с отрядами русских холопов и крестьян. Марийцы, татары и крестьяне других народностей Поволжья убивали царских воевод, дьяков и местных помещиков. Несмотря на стихийный характер восстания, исторические связи между русским и другими народами Российского государства проявлялись и укрепились в этом движении.

Болотников двигался на север, на Москву, продолжая призывать крестьян к восстанию. По мере продвижения Болотникова восставали все новые и новые крестьянские массы. По дороге на Москву к нему присоединились рязанские помещичьи отряды братьев Ляпуновых и Сумбулова.

Близ села Троицкого, недалеко от Москвы, восставших встретила главная царская рать под начальством князя Мстиславского. Но царское войско не захотело сражаться и разошлось, а Мстиславский с боярами бежал в Москву, преследуемый Болотниковым.

12 октября Болотников остановился в 7 верстах от Москвы, в селе Коломенском. Истомка Пашков остановился в селе Красном. С октября до декабря 1606 г. Москва была осаждена восставшими крестьянами и отрядами дворян Ляпунова и Пашкова.

Болотников, очевидно, понимал, что ему нужно быть осторожным не только в отношении московских бояр и Шуйского, но и в отношении союзников—Истомки Пашкова и Ляпуновых.

Иван Исаевич построил в Коломенском острог, обнес его брусьями и земляным валом. Казаки, как это они обыкновенно делали при защите, выкопали подземные ходы и норы в валу. Такое укрепление гарантировало от всяких неожиданностей.

Хотя союзниками Болотникова были помещики, он отнюдь не думал отказываться от первоначальной цели своего движения. Из Коломенского Болотников продолжал рассылать письма и людей, призывая крестьян и горожан к восстанию против бояр и богатых купцов-гостей. «А стоят те воры под Москвою, в Коломенском,—писал в своих грамотах патриарх Гермоген,—и пишут к Москве проклятые свои листы, и велят боярским холопем побивати своих бояр, и жены их и вотчины и поместья им сулят, и шпыням, и безъимянником ором велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити, и призывают их воров к себе, и хотят им давати боярство, и воеводство, и околничество, и дьячество»[1].

Таковы были лозунги крестьянского вождя, мечтавшего о «хорошем царе», добром для крестьян и грозном для бояр и помещиков.

Истомка Пашков и Ляпуновы хотели иметь своего, помещичьего царя. Они прекрасно знали, что первый самозванец был действительно убит, и все же использовали слухи о спасении самозванца для борьбы против бояр и Шуйского. Восставшие помещики готовы были пойти на сговор с боярами, так как восставшие крестьяне угрожали уже не только боярам и Шуйским: ведь Болотников стремился к тому, чтобы крестьяне и холопы были освобождены от гнета не только бояр, но и дворян, помещиков. К призывам Болотникова начинали прислушиваться и рязанские крестьяне—крепостные Ляпуновых, Сумбулова и других помещиков, восставших против Шуйского.

---

[1] Акты археографической экспедиции, т. II, стр. 129, СПБ, 1836 г.

Крестьянское восстание распространилось на Рязанские, Новгородские и Псковские земли; восставали крестьяне и в приуральских владениях купцов Строгановых, и в низовьях Волги. Смоленские, вологодские, ярославские, тверские, ржевские и прочие дворяне начали собирать ополчения на помощь осажденному Шуйскому. Учтя все это, Ляпуновы сговорились со своими рязанцами—дворянами и стрельцами—и 15 ноября перешли на сторону Шуйского. В награду Шуйский дал Прокопию Ляпунову высокое звание думного дворянина и ввел его в состав Боярской думы. Силы Шуйского увеличились.

Болотников правильно рассчитал, что нельзя допускать дальнейшего усиления врагов. 26 ноября он начал наступление на Москву. Часть сил Болотников направил на Смоленскую дорогу, чтобы не допустить подхода дворянских ополчений. Пашков должен был стоять в Красном Селе, чтобы закрыть дорогу дворянам из Ярославля. Болотников не привлек сил Пашкова для главного удара, очевидно, не доверяя ему. Из этого плана мы видим, что Болотников обладал способностями политика-полководца.

С главными силами Болотников перешел Москва-реку и ударил на Гонную, или Рогожскую, слободу. Передовые отряды Болотникова добрались до Воробьевых гор. В самой Москве каждую минуту могло вспыхнуть восстание городских низов и холопов. Все же войска Шуйского под командованием царского племянника князя Михаила Скопина-Шуйского, князей Голицыных и Татевых 26 ноября отразили наступление Болотникова. В это время Пашков со стрельцами и дворянами оставил Красное Село и присоединился к войскам Шуйского. Измена Пашкова сильно помогла Шуйскому. Царь отблагодарил и этого предателя.

Болотников отступил в Коломенское. Царское войско пополнилось новыми дворянскими подкреплениями и вскоре перешло в наступление. Шуйский предложил Болотникову сдаться, обещая ему большой чин. «Не уподоблюсь изменнику и клятвопреступнику Истоме»,—ответил Болотников и выразил твердую уверенность в том, что он скоро их всех перевешает[1]. 30 ноября начались бои. Царь и бояре надеялись, что им легко будет разбить Болотникова:

---

[1] *Костомаров,* Собрание сочинений, кн. 2, стр. 282.

у крестьян не было пушек; да и людей, знающих ратное дело, кроме казаков, у них теперь не осталось; были лишь плохо вооруженные холопы и крестьяне.

Но враги ошиблись в расчетах. Болотников вышел навстречу и после сражения у деревни Котлы заперся в Коломенском остроге. Три дня его обстреливали царские войска, пока, наконец, пушечными снарядами не зажгли острог. Тогда Болотников выступил из Коломенского, пробился сквозь царские войска и начал отступать на юг. Много восставших было захвачено в плен; царь велел утопить их в реке или посадить на кол.

Болотников остановился в Калуге, которую вскоре осадили царские войска. Осада продолжалась целую зиму и весну 1607 г., но взять Калугу царские войска не могли. В это время Шуйскому уже удалось подавить восстания в Поволжье и других областях.

Весной 1607 г. объявился самозванный «царь» по имени Петр, якобы сын царя Федора Ивановича, внук Грозного. Позже, попав в руки Шуйского, этот «царевич» сообщил, что настоящее имя его было Илейка, родился он от «незаконного» отца и после смерти матери остался без приюта, без родных. Много пришлось натерпеться Илейке, пока, наконец, не пристал он к терским казакам около Астрахани; эти-то 300 казаков и решили объявить его «царевичем» Петром и пойти на Русь. Заняв Путивль, «царевич» Петр приказал перебить всех арестованных воевод и дворян, которых до сих пор не казнил Шаховской. После этой расправы Петр стал призывать холопов, «черных людей» бить богатых, бояр, помещиков и купцов. Много было в поведении Петра разбойничьего, но он разделял с Болотниковым страстную вражду к эксплоататорам. Из Путивля «царевич» Петр двинулся навстречу Болотникову. В Туле к нему присоединились враждовавшие с Шуйским князья Шаховской и Телятевский.

В начале мая 1607 г. отряд под командованием князя Телятевского выступил к Калуге на помощь Болотникову. По дороге Телятевский встретился на реке Пчельне с царским отрядом и разбил его. Болотников освободился от осады, выступил из Калуги, соединился с войском Телятевского и прибыл в Тулу. На Тулу вскоре двинулось и войско Шуйского, насчитывавшее почти 100 тыс. человек (феодалы Поволжья после подавления у них восстания послали Шуйскому свою помощь).

Против передового отряда царских войск Болотников из Тулы выслал большой отряд под командованием князя Телятевского. 5 июня на берегу реки Вязьмы, под Каширой, князь Телятевский изменил восставшим и перешел на сторону Шуйского. Царское войско разбило повстанцев.

В июне 1607 г. Шуйский осадил Тулу. Несмотря на то, что у осажденных было мало продовольствия и у них скоро начался голод, осада длилась около трех месяцев. Наконец, Шуйскому удалось построить плотину, поднять воду в реке Упе и затопить Тулу. Но Болотников продолжал сопротивляться. Шуйский обещал никого не казнить, если осажденные сдадутся. 10 октября 1607 г. Тула вынуждена была сдаться.

Князя Шаховского Шуйский не казнил; «царевича» Петра он повесил под Москвой, Болотникова же сначала приказал посадить в тюрьму, а потом выслать в Каргополь, где ему выкололи глаза и затем утопили в проруби. В руки Шуйского попало много пленных; только небольшая часть была роздана в холопы боярам и помещикам, а большинство пленных было казнено или потоплено в Москва-реке. Очевидец, голландец, пишет: «Когда весною наступило половодье, то вместе со льдом выносило на равнину трупы людей, наполовину съеденные щуками [и другими] рыбами, которые объели с них мясо, и эти мертвые тела лежали там [по берегам] и гнили тысячами, покрытые раками и червями, точившими их до костей; все это я сам видел в Москве»[1].

Восстание угнетенных масс против феодалов в Московском царстве в начале XVII в. было подавлено.

«Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли»[2].

Бояре провели ряд указов о крестьянах (1607, 1609 гг.), стремясь использовать свою победу для еще большего закрепощения народа.

Первая попытка стихийного массового восстания крестьянства против его угнетателей окончилась неудачей.

---

[1] *Масса,* Краткое известие о Московии в начале XVII в., стр. 173, М., 1937 г.

[2] *Ленин,* т. V, стр. 311.

Разгромив крестьянство, крепостники снова принялись враждовать между собой, бороться за власть. Этим опять воспользовались польские паны и попытались повторить разыгранную уже раз неудачно комедию с Лжедимитрием.

ЛЖЕДИМИТРИЙ II. ВТОРАЯ ПОПЫТКА ПОЛЬСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Польские паны решили еще раз сыграть на имени умершего царевича Димитрия. В этом им могли помочь некоторые бояре-изменники. Борясь против Шуйского, они тоже рассчитывали притти к власти, обмануть народ с помощью нового «царевича». Отдельные бояре-изменники для достижения своих целей не останавливались даже перед тем, чтобы помочь новой интервенции, предать родину польским панам. Появился спрос на самозванца. Остановка была только за кандидатами: на эту авантюру долго не находилось охотников.

Весною 1607 г. в Польше появился новый самозванец. Разные слухи ходили об этом авантюристе: одни называли его поляком Богданом; другие утверждали, что проходимец служил у какого-то попа, был прогнан, попал в тюрьму как шпион и под угрозой смертной казни согласился стать самозванцем. Этот самозванец объявился осенью в Стародубе. С ним был отряд польской конницы под командованием пана Меховецкого, фактически возглавившего новый поход на Русь. В Стародуб прибыл и казацкий атаман Заруцкий, бежавший перед этим от Болотникова.

На юге Русского государства в это время не было военных сил. Меховецкого некому было задержать. Он пошел на Карачев, а оттуда на Козельск, где имел некоторый успех при неожиданном налете на царское войско. Здесь в войске самозванца произошел первый бунт из-за дележа добычи. Самозванец понял, что поляки не доведут его до добра, и ночью тайно бежал в Орел. Меховецкий послал за ним людей и насильно вернул его в лагерь. Самозванец опять бежал в Путивль, но по дороге наскочил на польский отряд под командованием

пана Валавского, посланного польским князем Рожинским. Самозванцу снова пришлось вернуться к Меховецкому. Современники рассказывают, что пойманный самозванец отказывался признать себя Димитрием и только под угрозой расправы вынужден был согласиться продолжать играть роль московского царевича.

Вскоре из Польши подошли новые силы—отряды панов Хмелевского, Хруслинского, князя Адама Вишневецкого и других, составившие целую армию. Лжедимитрий II двинулся с польской армией на Брянск. Под Брянском паны встретили решительное сопротивление. Несколько недель стояли они под городом.

Шуйский прислал в помощь осажденным отряд под командованием князя Ивана Куракина. Стоял декабрь 1607 г., на реке Десне плавал лед. Паны надеялись, что отсутствие переправы задержит русских, и чувствовали себя в безопасности. Но русское войско показало свои прекрасные боевые качества: Куракин с отрядом бросился в ледяную воду, перешел Десну и ударил на панское войско. В это время выступили и брянцы. Паны были разбиты. Многие попали в плен, а остальные бежали—кто в Карачев, а кто с самозванцем в Орел.

Но к панам подходили из Польши все новые отряды. В это время в Речи Посполитой было достаточно всякого шляхетского сброда, от которого и само польское правительство хотело избавиться. В Польше кончился очередной шляхетский «рокош». Паны прекратили междоусобную борьбу. Надо полагать, что объединение враждовавших панских групп произошло в значительной степени на основе соглашения о новой интервенции в русскую землю. Меховецкому была послана помощь.

Некоторые богатые магнаты—князья Рожинский, Вишневецкий и другие—собрали значительные отряды из служивших у них шляхтичей. Один Рожинский, например, привел с собой из Польши около 4 тыс. человек. Сапега—племянник литовского канцлера привел около 7 тыс. конницы и пехоты. Паны надеялись поправить свои дела за счет грабежей в Русском государстве. Собирались, кроме того, и отдельные отряды из шляхтичей. Здесь были промотавшиеся и пропившиеся паны, которые спасались от своих кредиторов; здесь были и присужденные за различные преступления к смертной казни и искавшие спасения за границей; были и просто шляхтичи-бандиты, живущие грабежом (таких тогда среди польского панства

было немало). Все эти отряды вербовались в Польше совершенно открыто, «за позволением Сигизмунда III».

ВООРУЖЕНИЕ РУССКОГО ПЕШЕГО ВОИНА в XVII в.

Когда эти «рыцари» собрались в лагере «царевича», они сразу же начали грызться между собой из-за командных должностей. Хотя сам «царевич» и поддерживал Меховецкого, ему пришлось признать командующим войском (гетманом) князя Рожинского. Князь Адам Вишневецкий был назначен бояринэм-конюшим при самозванце. Кстати, когда во время выборов гетмана началась драка, паны арестовали «царевича» и посадили его под стражу, чтобы он не убежал во время ссоры. Говорят, что с этого времени самозванец запил. Паны называли самозванца «цариком», а русский народ называл его просто «вором». Сами паны, в частности князь Вишневецкий, у которого в 1604 г. объявился первый самозванец, конечно, были прекрасно осведомлены, что этот бродяга не царевич Димитрий и ничего общего не имеет с первым самозванцем. Но это нисколько не смущало панов. «Нужно, чтоб он был тот самый—вот и все»!—говорили они.

Весной 1608 г. Заруцкий съездил на Дон. Оттуда ему удалось привести несколько тысяч казаков, которых он заверил, что они будут служить настоящему русскому царю, обещал им лучшую жизнь. К самозванцу стали присоединяться и те, которые в свое время изменили Болотникову.

Весной 1608 г. Василий Шуйский опять собрал войско против нового самозванца. Во главе войска был поставлен

брат царя, князь Дмитрий Шуйский, человек тупой и не имевший знаний и опыта в ратном деле. Шуйский доверял ему больше, чем другим боярам.

В апреле 1608 г. под Болховым войско Шуйского встретилось с панскими интервентами. Передовой полк Шуйского под командованием князя Голицына, враждовавшего с царем, отступил. Поляки начали преследовать его. Но стоявший за полком Голицына сторожевой полк князя Ивана Куракина не пустил врага дальше, уничтожив целую польскую часть. К вечеру поляки отступили. Однако Дмитрий Шуйский и его бояре решили тоже отступить в Болхов. В это время служившие в русском войске немецкие наемники завязали сношения с самозванцем и панами. Изменники донесли Рожинскому о начавшемся отступлении русских. Рожинский воспользовался этим, ударил ночью на отступавшую армию Шуйского и разбил ее. 1 мая бояре сдали Болхов. Путь к русской столице был открыт. Самозванец двинулся на Москву через Козельск, Калугу, Можайск и Звенигород.

Примирившись со своим положением «царя» при Рожинском, самозванец не пытался больше бежать. Но паны требовали, чтобы «вор» начал расплачиваться с ними. Авантюрист, по совету Рожинского, отвечал шляхтичам: «Я надеюсь с вашей помощью скоро сесть на столице предков! Заплачу вам тогда за все ваши труды и отпущу в отечество. Умоляю вас не покидать меня! Когда я буду государем в Москве, и тогда без поляков не могу я сидеть на престоле; хочу, чтобы при мне всегда были поляки: один город держать будет у меня московский человек, а другой—поляк. Золото и серебро—все, что есть в казне,—все ваше будет, а мне останется слава, которую вы мне доставите. Когда вам придет нужда уйти домой, не покидайте меня, покуда не придут на ваше место другие поляки из Польши» [1].

Первое время шляхетские бандиты не распыляли своих сил, стремясь скорее добраться до Москвы и ее сокровищ. Их отряды не расходились далеко для грабежа отдельных городов и земель. Поэтому русские люди еще не почувствовали того, что несет им новый «царь» и его «войско». Некоторые русские люди, никогда не видавшие ни настоящего царевича Димитрия, ни первого самозванца, верили, что к ним идет действительно сын Грозного, который

---

[1] *Костомаров,* Собрание сочинений, кн. 2, стр. 309—310.

может, прогнав боярского царя, дать им лучшую жизнь. Все это учитывали паны, еще раз пытаясь путем обмана пробраться в столицу Русского государства. Но все труднее становилось играть эту комедию. Уже во время движения на Москву царский гарнизон, сдавшийся в Болхове, отделился от «вора» и ушел к Шуйскому. А с весны 1608 г., когда Шуйский не мог остановить самозванца, начали составляться отряды из «мужиков»—рязанцев, арзамасцев и др. Они сами «воевали» самозванских «воров».

Под Звенигородом войско самозванца встретило одного шляхтича из состава польского посольства, отправленного королем еще в 1606 г. к первому самозванцу и задержанного Шуйским. Боясь, как бы движение Рожинского не повредило послам, этот поляк начал убеждать шляхтичей не нарушать мирного договора между Польшей и Москвой. Бандиты ответили: «Не оставим своего предприятия, пока не посадим на престол того, с кем пришли!»

В июне 1608 г. «вор» подошел к Москве. Кроме поляков в его войске были и немцы, ранее служившие в войске Шуйского; теперь их пригласили к себе на помощь паны.

Самозванец расположился лагерем у села Тушино. Отсюда Рожинский в ночь на 5 июня повел наступление на Москву. Бояре не были готовы к обороне, и панам вначале удалось потеснить войско Шуйского, которому изменил князь Василий Мосальский.

Еще по дороге на Москву Рожинский послал большой отряд под командованием пана Лисовского на Рязанскую землю. За Коломной отряд князя Ивана Куракина разбил Лисовского, который бежал с остатками «войска» в Тушино и присоединился к Рожинскому. В это время к «вору» перешли от Шуйского бояре-изменники—князь Димитрий Трубецкой, князья Черкасские, Засекины, Сицкий и др. У «вора» завелись уже свои бояре, можно было даже составить свое «правительство». Наряду с русскими чинами здесь были установлены заимствованные в Польше такие звания, как канцлер, маршалок и др. На эти должности были назначены польские паны (Валавский, Харлипский и др.). Наиболее подходящим кандидатом в патриархи был ростовский митрополит Филарет Романов, который имел связи еще с первым самозванцем. Теперь, захватив и ограбив Ростов, «воры» привезли этого митрополита в Тушино и назначили его патриархом.

Но не в этом была сила тушинского лагеря. Польские шляхтичи—вот кто был главной силой самозванца.

Участие панов в авантюре второго самозванца было, конечно, выгодно панской Польше. В 1608 г. один польский пан сообщал в Лифляндию, что в Польше решено «упование все держати на тех, которые ныне в Русской земле пасутся, потому что им посяместа все счастливо на руки шло... Мы одноличпо чаем и есть мое кончее мнение, что мы потом будем имети верх»[1].

Успешное продвижение на Москву вызвало новый приток интервентов из Польши. Прибыли паны Бобровский, Млоцкий, Зборовский с гусарами и др. Двинулся Ян Сапега, староста усвятский, племянник Льва Сапеги—литовского канцлера, члена польского правительства.

Когда осада Москвы затянулась, паны начали отправлять из тушинского лагеря отряды, которые грабили города и села. Отряды пытались захватить все дороги, ведущие к Москве, и отрезать таким образом столицу.

В это время послы Шуйского вели переговоры с послами польского короля. Последние требовали, чтобы из московского плена были выпущены Мнишек, его дочь, все паны, задержанные в качестве заложников после разгрома поляков 17 мая 1606 г. Еще в июне 1606 г. польское правительство открыто угрожало, что будет продолжать выдвигать и поддерживать самозванцев, если Шуйский не выпустит пленных. Польские послы нагло заявляли: «Только государь ваш отпустит Сендомирского воеводу с товарищами и всех польских и литовских людей, которые ныне на Москве, ино и Дмитряшки и Петрушки не будет; а только государь ваш вскоре не отпустит всех людей, ино и Дмитрей будет и Петр прямой будет, и наши за своих с ними за одно станут»[2]. Когда Лжедимитрий II был уже под Москвой, а в Тушино все продолжали прибывать новые польские отряды, правительство Шуйского решило выдать Польше пленных. Польские послы заверили, что как только выпустят пленных панов и Марину Мнишек, шляхтичи уйдут из Тушина в Польшу. Этим лишний раз официально подтверждалась прямая связь и второго самозванца с польским правительством.

25 июля 1608 г. Шуйский заключил с Польшей новое перемирие на 3 года 11 месяцев. Согласно договору Мнишек обязывался не называть самозванца своим зятем, а

---

[1] Акты археографической экспедиции, т. II, стр. 187.
[2] Сборник Русского исторического общества, т. 137, стр. 345—346.

Марина отказывалась от титула московской царицы. Пленные были отпущены в Польшу в сопровождении небольшого конвоя. Мнишек тайно сообщил в лагерь «вора», чтобы их перехватили. Рожинскому и «вору» было выгодно захватить Мнишка и Марину только в том случае, если они согласятся признать Лжедимитрия II. Это признание должно было укрепить положение самозванца и было на руку панам. Но Рожинский некоторое время колебался, не будучи уверен в том, что Марина согласится признать своим мужем второго бродягу-самозванца. Сам пан Мнишек согласен был вернуться в Тушино, если ему хорошо заплатят.

В конце августа 1608 г. тушинцы догнали Мнишка с дочерью и увезли их в Тушино. В Звенигороде тушинцы остановились на два дня: Марина упрямилась, ее нужно было уговорить, и эту задачу выполнил Сапега. С «вором» сначала встретился Мнишек-отец. Он согласился признать «вора» зятем и отдать ему Марину за 300 тыс. руб. и за передачу Мнишкам в полное владение городов южной, так называемой Северской, земли. Вельможный польский пан Мнишек просто продал свою дочь!

На второй день Марина встретилась с «вором» и признала его «мужем», а затем перед глазами всего лагеря она бросилась в объятия «мужа». Прожив четыре месяца у «зятя», пан Мнишек уехал в Польшу.

Говорят, что именно в это время была разработана в Польше инструкция самозванцу: «Как ему действовать для собственной безопасности и для введения унии в Московское государство» [1].

По этой инструкции предполагалась уния русского государства с Польшей, за что иезуиты и паны обещали «вору» признать его императором. При этом предполагалось подчинить русскую церковь римскому папе. Самозванец должен был перенести русскую столицу ближе к польской границе, чтобы облегчить получение подкреплений из Польши или, в крайнем случае, ускорить вывоз казны из Русского государства. Инструкция предписывала раздавать высшие должности только полякам и изменникам-боярам, в телохранители «царя» нанимать иностранцев, отправить в Польшу в качестве заложников некоторых русских, организовать тайную полицию и т. д. Иезуиты и польское правительство рекомендовали учесть опыт

---

[1] *Соловьев,* История России, кн. II, т. VI—X, стр. 842—846.

катастрофы 17 мая 1606 г., этот «недавний пример», по выражению инструкции. Эта инструкция интервентов еще раз подтверждает прямую связь польского правительства Сигизмунда III с первым и со вторым самозванцами.

Наступила зима 1608/09 г. Взять Москву все еще не удавалось. Население столицы страдало от длительной осады. Зато наживались бояре-изменники, обманывавшие и Шуйского и «вора» и переходившие за большую награду иногда по нескольку раз от одного к другому. Бояре-изменники наживались на этих «тушинских перелетах».

В Тушине интервенты заставили население выстроить им землянки и жили в них. Часть отрядов разместилась на постой в близлежащих селах, насильничая, грабя и убивая жителей. С панами были их слуги; вскоре сюда были выписаны из Польши и распутные женщины. К этому времени в Тушине было уже несколько десятков тысяч всякого сброда; одних регулярных шляхетских сил здесь было более 20 тысяч. Отсюда начали регулярно рассылать отряды в села и города России, чтобы награбить и для себя, и на пополнение «царской» казны. В лагере шляхтичи вели праздную жизнь, пропивая и проедая то, что им платили из казны «вора» и что удавалось награбить. Среди польских «рыцарей» особенно была распространена такая форма грабежа: они брали в плен русских женщин, девушек и требовали за них выкуп. Получив его, пленниц отпускали, чтобы, догнав, снова взять в плен, и так «зарабатывали» по нескольку выкупов на одной «пленной». Пьянство, драки, азартные игры, разврат процветали в тушинском лагере: здесь, как в зеркале, отражались вся культура и быт панской Польши того времени.

Окружить Москву у «вора» нехватало сил. И паны решили пока на досуге грабить другие русские города и села. Некоторые из них действовали автономно, не желая делиться добычей. Так, Ян Сапега наметил себе Троице-Сергиевский монастырь, где было чем поживиться.

Старейший и богатейший на Руси Троице-Сергиевский монастырь представлял завидную добычу для грабителей. Но для тушинцев важно было взять этот монастырь еще и потому, что он стоял на перекрестке дорог на север и восток, по которым шли товары и продовольствие в Москву. Кроме того, монастырь, обнесенный толстой каменной стеной, был в сущности крепостью. Обладание этой крепостью обеспечило бы «ворам» важный опорный пункт. Василий Шуйский не мог выделить большую

военную силу для защиты монастыря, и «ворам» казалось, что именно здесь можно легко поживиться. На этот монастырь и решил напасть Сапега, привлекший с этой целью на помощь отряд другого известного бандита—пана Лисовского.

23 сентября 1608 г. Сапега подступил со своими «ворами» к монастырю. Там находился русский военный отряд под командованием воевод Григория Долгорукого-Рощи (в свое время служившего первому самозванцу) и Алексея Голохвастова. Воеводы ссорились между собой за первенство. Силы гарнизона были явно недостаточны: всего насчитывалось 609 человек служилых, стрельцов и казаков. Это была скорее застава, чем войско, способное надолго задержать врага. Но вскоре монастырь превратился в крепость и героически выдержал тяжелую осаду, потому что на защиту встал сам народ.

Подступая к монастырю, поляки грабили, разоряли, сжигали окрестные поселения. Население спешило укрыться за каменной стеной монастыря. Таким образом здесь собралось много окрестных крестьян, которые пополнили военную силу крепости-монастыря и работали над поддержанием его укреплений. Монастырь был забит беженцами и их скарбом. И мужчины, и женщины были готовы защищаться до конца.

Панам казалось, что они близки к цели, что добыча у них в руках. Сапега предложил монастырю сдаться. В своем письме к монастырскому начальству он требовал, чтобы попы «не учили войско противиться царю Димитрию Ивановичу, а молили бы бога за него и за царицу Марину Юрьевну, а нам город отворили безо всякой крови; а не покоритесь, так мы *зараз* возьмем замок ваш и вас, беззаконников, *порубаем* всех!»

«Мы приняли писание ваше,—гласил ответ осажденных,—и оплевали его»[1].

Более 20 воинских частей, свыше 30 тысяч войска привел с собой 23 сентября 1608 г. Сапега под Троице-Сергиевскую лавру. Участвовать в этом предприятии вызвалось много охотников в тушинском лагере. Здесь были и пехотинцы, и кавалеристы, и артиллеристы—Сапега вез с собой около 100 орудий. Но артиллеристы у Сапеги были плохие и не оправдали надежд «воров», ибо особого вреда их стрельба монастырю не приносила.

---

[1] *Костомаров,* Собрание сочинений, кн. 2, стр. 342; *Соловьев,* История России, кн. II, т. VI, стр. 856.

«Воры» построили передвижные деревянные башни, начали подводить вал к стенам, готовились к штурму. Они были уверены, что не встретят в монастыре сильного сопротивления.

Вечером 13 октября 1608 г. Сапега повел свое войско на штурм. Вскоре паны убедились, что крепость подготовилась к защите. Их подпустили к стенам, а потом начали расстреливать из пушек и пищалей, нанося большой урон. «Воры» бросились бежать в свой лагерь. Русские отряды преследовали бежавших и отобрали у них лестницы и деревянные башни. Первый штурм монастыря кончился поражением поляков. Тогда Сапега решил осадить монастырь и принудить его сдаться.

Удача способствовала сплочению защитников монастыря и укрепила в них веру в успех. Осажденные упорно оборонялись, причиняя врагу серьезный ущерб своими частыми вылазками. Случалось брать поляков и в плен. От одного из пленных осажденные узнали, что поляки решили сделать подкоп под стену, взорвать ее и потом броситься на штурм. Защитники монастыря начали строить вторую линию укреплений. Одновременно они произвели ряд неожиданных вылазок с целью найти и уничтожить подкоп.

Современники указывают, что основной силой, защищавшей крепость, были крестьяне. Они готовы были отдать свою жизнь, чтобы отразить врага. 9 ноября 1608 г. два крестьянина—Никон Шилов и Слота во время вылазки обнаружили подкоп. Они вошли в него, закрыли выход и взорвали подземную галлерею, погибнув вместе с поляками, работавшими в ней. В этой вылазке показали чудеса храбрости и мелкие служилые люди из гарнизона. Так, особенную храбрость проявили Иван Внуков, Данило Селявин и др., помогавшие пробиться к подкопу. Вопреки запрещению воеводы Голохвастова, отряд осажденных по собственной инициативе прорвался за стену монастыря и захватил первую линию вражеских укреплений с пушками и деревянными башнями. Поляки снова бежали в свой лагерь. Сапега в этот день потерял больше тысячи человек.

Трусливые «воры» поняли, что не удастся легко и быстро взять эту крепость, самоотверженно защищаемую русскими людьми. Тогда Сапега, чтобы заставить монастырь сдаться, решил не допускать подвоза в него продовольствия, дров и воды. Но блокаду не так легко было

ШТУРМ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВСКОЙ ЛАВРЫ ВОЙСКАМИ САПЕГИ в 1608 г.

осуществить. Из крестьян создавались новые кадры ратных людей, готовых до конца бороться против врагов родины. Очевидец рассказывает об одном крестьянине по прозвищу Суета, который пользовался большой популярностью как один из самых храбрых защитников крепости.

Осажденные стойко боролись. Они почти ежедневно совершали вылазки. Ценой крови защитники добывали себе воду, дрова, продукты. Наступила тяжелая зима 1608/09 г., когда положение осажденных особенно ухудшилось. Пришлось переносить и голод, и холод, и болезни, легко распространявшиеся в условиях крайней тесноты. Каждый день в монастыре хоронили десятки умерших. Живые едва держались на ногах. Труднее всего пришлось беженцам-крестьянам, у которых не было средств на покупку одежды, дров и продуктов. Но именно крестьянская масса, несмотря на всю тяжесть осады, и не думала о сдаче, требуя борьбы до конца.

Представитель монастыря в Москве просил царя Василия Шуйского оказать осажденным помощь. Царь выделил небольшой отряд из 60 ратников под начальством Сухого-Осташкова. Отряд получил 20 пудов пороха. Эта горсточка храбрых русских воинов, горя желанием помочь осажденным соотечественникам, взялась пробиться в монастырь. 15 февраля 1609 г. Сухой-Осташков прорвался в крепость, доставив осажденным порох.

Проходили месяцы, а осажденные не сдавались. В ночь на 28 мая 1609 г. «воры» пошли на штурм монастыря. У них было достаточно времени, чтобы хорошо подготовиться к штурму. Деревянные башни, стенобитные машины, лестницы, большие щиты прикрывали штурмующих, помогая им двигаться и взбираться на стены монастыря. В монастыре все, кто только мог, бросились защищать стены. Мужчины стреляли из орудий, били врага копьями, мечами, бросали вниз камни, опрокидывали лестницы со штурмующими. Женщины и дети кипятили воду, варили смолу, серу и обливали ими со стен врагов, поднимавшихся по лестницам, засыпали штурмующим глаза известью и песком. Осажденные были обессилены, с трудом держались на ногах. Штурмующие же были многочисленны, сильны, они даже разжирели на грабежах и от праздной жизни. И все же осажденные нашли в себе силы сделать еще вылазку и, наконец, прогнали «воров», отобрав у них много вооружения и снаряжения.

ЗАЩИТА ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВСКОЙ ЛАВРЫ ОТ ПОЛЬСКИХ ИНТЕРВЕНТОВ

С картины художника Милорадовского

Так же плачевно для «воров» закончился штурм и на следующую ночь. Дорого обошелся панам этот штурм: они потеряли около пяти с половиной тысяч человек.

Осада затягивалась, ибо паны не хотели отказаться от добычи. Но успех еще более укрепил решимость осажденных продолжать борьбу против захватчиков. Мужественная борьба патриотов, героических защитников небольшой крепости-монастыря имела большое значение для всего государства, служила образцом героизма для народных масс.

В начале выступления второго самозванца народные массы отдаленных районов могли еще верить, что это и есть долгожданный «хороший царь». Крестьяне и городские низы поднимались против угнетателей. Но очень скоро Лжедимитрий II, подавляя восстания народа, показал свое настоящее лицо—защитника панов, бояр и помещиков. Так было, например, в Ярославле, где началось восстание низов против богатых. Воевода князь Барятинский поспешил признать «вора». Тот прислал в Ярославль польский отряд численностью около тысячи человек, который подавил движение низов, наложил на народ контрибуцию деньгами и продуктами, а потом учинил разгром беззащитного города.

Первое же знакомство с новым «царем» и его бандой толкнуло народные массы на освободительную борьбу против захватчиков-грабителей и связанных с ними изменников из среды бояр и помещиков.

В городах, захватываемых «ворами», комендантами чаще всего были польские паны. Так, в Суздале при воеводе-изменнике Федоре Плещееве был отряд во главе с паном Иеремией Боярским. В Угличе стоял с отрядом пан Очковский, в Ростове—пан Яздовский.

В 1608—1609 гг. интервенты стремились захватывать новые земли, крупные и богатые города, особенно в направлении на восток и на север от Москвы. Там, где не помогало уже имя царевича Димитрия, «воры» силой приводили население к подчинению тушинскому самозванцу. «От нужи со слезами,—писали устюжане в ноябре 1608 г.,—крест целовали»[1].

Паны наглели, их отряды расходились по всем направлениям. Дерзкий, наглый враг был уверен, что теперь

---

[1] «Памятники по истории смутного времени» № 12, стр. 43, изд. Клочкова.

можно безнаказанно грабить Русское государство. Ведь боярское правительство царя Василия Шуйского фактически было осаждено в Москве, а другое «правительство»—в Тушине—состояло из польских ставленников во главе с самозванцем. Но и в этих тяжелых условиях народ выступал на защиту своей земли, своих городов, не допуская интервентов утвердиться в Русском государстве.

Так было, например, в Новгороде. Этот древнейший русский город был очень заманчивой добычей для панов. Казалось, здесь не от кого было ждать сопротивления. В Новгород из Тушина послали пана Кернозицкого с его польско-литовским отрядом. В городе оказались изменники-бояре, на которых паны также рассчитывали. Но они просчитались. Как только население Новгородской земли услышало о приближении врага к Новгороду, начали составляться народные ополчения. Народ убил воеводу-изменника Татищева. Окрестные крестьяне спешили присоединиться к городскому ополчению. Из Тихвина, из Заонежских районов шли отряды на выручку славного русского города. Заонежские крестьяне составили свое ополчение под командованием Евсея Резанова. Паны, видя, что вокруг них все приходит в движение, испугались и отступили. Русский народ доказал, что даже при отсутствии организующего центра он не допустит захвата земель своего государства. Правда, эти выступления против захватчиков носили еще стихийный характер и не были повсеместны. Но дальнейшая деятельность захватчиков вызвала вскоре всенародное движение.

Рассылая шайки в разные стороны от Москвы, паны принялись грабить города и крестьянство, собирая, якобы по приказу «царя» Димитрия, налоги, жалованье, припасы и т. д. Из тушинского лагеря с грамотами от имени самозванца отправлялись отряды панов и их слуг для грабежа жителей сел и городов.

Бандиты забирали все, что попадалось под руку, вырезали крестьянский скот, уничтожали посевы, забирали хлеб, одежду, ценные вещи и т. п., варварски истребляя то, что не могли взять с собой. Часто бывало, что в один город или село являлось сразу несколько отрядов. Случалось, что грабители ссорились из-за добычи. Вначале пострадавшие жители пытались жаловаться тушинскому «царю», думая, что он не знает, какие бесчинства творятся под прикрытием царского имени.

Эти жалобы рисуют картину тяжкого гнета, который принесли с собой иноземные захватчики русскому народу: «Царю и государю и великому князю благоверному Димитрею Ивановичу всея Руси биют челом и плачутца и повинуютца божии сироты... все крестьяне Закубежские волости... Пощади сирот своих государевых, не вели нас Литовским (польским.—*А. К.*) людем воевати и на смерть побивати, и женишек, и детишек наших в полон имати, и животишек наших грабити, и... деревень Закубежские волости пожигати; твое, государь, Литовские люди нас, сирот твоих, в Закубежской волости многих людей на смерть пересекли и животишка наши все поимали; а кои, государь, досталные твое государевы крестьянишка́ осталися, и оне с страху и с ужасу скитаютца по лесу и болоту душею и телом, хлебишко наше рожь и ярь не жата и озимная не сеяна...»[1]

В русских селах появились польские паны. У них на руках были грамоты от имени тушинского «царя» с предписанием крестьянам подчиняться панам и работать на польских помещиков. Наглость захватчиков доходила до того, что они даже не всегда считали нужным прикрываться именем Димитрия. Пан Сапега, например, начал самостоятельно раздавать своим шляхтичам поместья и села с русскими крестьянами. Иногда в результате такой «несогласованности» на шею крестьянам садилось одновременно несколько панов, ссорившихся потом из-за добычи, от чего, в конечном счете, еще больше страдали русские крестьяне.

В Переяславском уезде, например, в одну деревню явился пан Талинский, а через некоторое время на ту же деревню предъявил свои «права» пан Мошницкий. Мало того, что этот пан грабил крестьян, заставлял их кормить и поить его, варить ему пиво; он еще позволял себе издеваться над крестьянами, требуя от них каждую ночь женщин.

С особым пристрастием «воры» охотились на женщин, не щадя ни детей, ни старух. Многие женщины, не перенеся позора, кончали самоубийством или бежали в леса, пустоши, погибая там от холода и голода[2]. Помещиков, которые не хотели присоединиться к панам, «воры» часто убивали. Во время одного налета на Владимирский уезд было убито до сотни русских помещиков.

---

[1] Дополнения к актам историческим, т. I, № 159, стр. 277.
[2] См. Акты исторические, т. II, стр. 149.

Польские паны всячески проявляли свою звериную ненависть к русскому народу, издеваясь над его тогдашней верой, обычаями, языком, нравами, над национальным чувством русского крестьянина. Бандиты-шляхтичи грабили и разоряли церкви.

Даже самому темному крестьянину становилось ясно, что дальше терпеть насилия и гнет интервентов и изменников нельзя, что только восстановление независимости, силы и единства Русского государства может избавить от захватчиков.

«Поговорили с Устюжаны с посадскими людьми и с волостными крестьяны: как, коим обычаем, тем делом промыслити»,—говорится в одном документе 1608 г.,— «...говорили накрепко, что креста целовати тому, которой называется Царем Дмитреем, не хотят; а хотят стояти накрепко, и людей сбирати хотят тотчас со всего Устюжского уезда поворотно головами. А про Московское Государство они же и иные люди сказывали, что Московское Государство дал бог стоит по старому здорово... А наша мысль то: ...что нам с вами, а вам с нами и ожить, и умереть вместе»[1].

Народ начал борьбу против захватчиков, за освобождение Русского государства от ига иноземцев. Создавались отряды; иногда во главе этих отрядов становились крестьяне. В Юрьеве и его уезде, например, выступил отряд сотника Федора Красного. У Решмы крестьянский отряд возглавлялся крестьянином Григорием Лапшой. Крестьянин Иван Кувшинников командовал балахнинским крестьянским отрядом. В Городецком уезде отрядом командовал староста Федор Ногавицын, в Хóлуе—крестьянин Илья Деньгин. Так из народных низов выдвигались непримиримые борцы—руководители боровшегося народа.

Но борьба продолжала носить стихийный характер, хотя иногда разобщенные борющиеся отряды одного района устанавливали связь с другим районом, чтобы сообща громить врага. Когда в районе Поволжья появились польские отряды, крестьяне договорились между собой и напали на город Лух, где разгромили «воров» и изменников, поддерживавших самозванца.

То же произошло в районе города Шуи. Здесь восстали доведенные до отчаяния крестьяне и ремесленники. Сюда

---

[1] «Памятники по истории смутного времени» № 12, стр. 44—45, изд. Клочкова.

подходили крестьянские отряды. Восставших собралось до 25 тыс. человек. Но борьба была неравной: крестьяне были плохо вооружены, не знали ратного дела, не имели единого руководства. Под Шуей, у села Данилова, польские паны их разбили. Остатки крестьянских отрядов отступили в Шую. Здесь повстанцы решительно отказались сдаться, даже после того как «воры» подожгли город.

Захватчикам становилось все труднее и труднее подавлять вспышки народного возмущения.

Среди изменников были не только отдельные русские бояре и помещики, но и крепостники окраин Русского государства. Против крепостников, против национального и крепостнического гнета, против польских интервентов стихийно выступали теперь вместе с русским народом трудящиеся массы различных народностей. В марте 1609 г. Лжедимитрий II сообщал Сапеге, что «писал к нам Ил Мурза Исупов: ...пришли де под Романов изменники наши, Вологодцкие и Белозерские, и Пошахонские, и Каргополские, и Кирилова монастыря и Унжеские мужики; и он де, Ил Мурза Исупов, под Романовым, с нашими изменники бился, а с ним был на том бою пан Петр Головичь; и изменники де наши им были не в силу, и они от них, бився, отошли»[1].

Народные массы окраин, борясь против «своих» угнетателей и польских панов, одновременно боролись и за освобождение России. За русским народом подымались на борьбу все народы Российского государства. На своих сходках горожане и крестьяне выносили решения о выступлении против врага и о сборе средств. В 1609 г. жители Галицкого уезда договорились об организации ополчения и обратились с соответственным призывом к луговым и горным мари. Горные мари откликнулись на призыв галицких жителей. Луговые мари быстро собрали и выслали к Галичу отряд в 5 тыс. человек.

Движение, начатое в Галиче, быстро разрасталось. В Соли-Галицкой составился большой отряд из крестьян. В Костроме восставшие посадские люди схватили и утопили воеводу-изменника, побили и заключили под стражу польских «воров». Но при всей озлобленности народных масс эти восстания не всегда кончались успешно,

---

[1] Акты исторические, т. II, стр. 198.

так как движение оставалось стихийным. Однако, разрастаясь, борьба все больше ухудшала положение тушинских «воров».

Во многих районах даже при подавлении восстания «воры» не могли получить большой добычи. Они стремились захватывать новые районы, искать новые объекты грабежа.

Но и население таких районов, в частности народы Поволжья, тоже не допускали утвердиться власти польских панов, сохраняя верность Русскому государству; формально это выражалось в признании на окраинах московского правительства. Из Астрахани в Казань прибыл воевода с военной помощью. Из Казани был послан значительный отряд в Нижний-Новгород, чтобы не допустить захвата города «ворами». В этот отряд вошли, кроме русских, татары и башкиры.

Затем в Казани составилось новое ополчение, в которое добровольно вступили даже бывшие пленные немцы и другие иностранцы. Попав сюда еще во время войн XVI в., эти бывшие рядовые солдаты сжились с новой родиной и теперь выступили вместе с русским народом на борьбу против польских захватчиков.

Ополчения успешно отражали врага. Особенно отличился отряд воеводы Алябьева, разбивший несколько «воровских» шаек. Вести об успехах этих казанско-нижегородских ополчений дошли до других городов. В городе Лухе восставшие жители разгромили польский отряд, а его командира пана Арамского отвезли в Нижний-Новгород.

Надвигалась народная война против польских интервентов. Чтобы подавить восстание, польские отряды были брошены в места, где освободительное движение достигло большого развития. Паны и изменники-бояре взяли Кострому, затем Галич. Но борьба в этих уездах не прекращалась. Жители разбегались в леса, где окапывались, ставили острожки и готовились к новым восстаниям.

Польские отряды, силой устанавливая власть, вели себя, как в завоеванной стране: они выжигали посады непокорных городов, на оставшееся население налагали контрибуцию в свою пользу. В Поволжье в декабре 1609 г. карательной экспедицией руководил пан Лисовский, которого специально для этого командировал пан Сапега из лагеря под Троице-Сергиевским монастырем.

Но подавленное в одном месте, восстание вспыхивало с новой силой в другом. В декабре восстали Кашинский, Городецкий и другие уезды, население которых истребляло польские отряды. Только решимостью и упорством русского народа в борьбе с иноземными захватчиками объясняется то, что иногда поселения без всяких укреплений и ратной силы отражали захватчиков. Так было, например, в городе Устюжная. Этот город не имел укреплений и пушек, и все же жители прогнали врагов. Понимая, что враг может повторить попытку захватить город, устюжане укрепили его, выкопали ров, набросали вокруг железные шипы, чтобы не допустить налетов кавалерии, подготовили артиллерию, добыли в Новгороде порох. Вскоре, действительно, пришел второй отряд «воров». После восьмидневного боя, в котором принимало участие все население города, враг был окончательно прогнан.

Недолго удерживали власть захватчики и в тех городах, которыми им удавалось овладеть. Народ вскоре опять восставал и расправлялся с изменниками и «ворами». В Костроме в марте 1609 г. вспыхнуло восстание. Восставшие решительно расправились с изменниками, призывая к тому же соседние города—Галич, Соль-Галицкую и др. Было собрано ополчение, проведена самомобилизация; костромичи связались с Вологдой, представлявшей более крепкий очаг восстания.

В марте 1609 г. Галич выслал в Кострому крестьянский отряд из лыжников и конных. Галичане, не доверяя помещикам, выбрали свое начальство. Костромской воевода доносил тогда Сапеге, что вологодские и поморские крестьяне в количестве 5 тыс. человек находятся верстах в ста от Костромы и ждут из Галича отряд Ивашка Кологривка в количестве еще 5 тыс. человек[1]. Кроме Вологды в это время наметились и другие крепкие очаги освободительной борьбы—Нижний-Новгород и Рязань.

Восстал против «вора» и Ярославль. Панам и изменникам было очень выгодно владеть этим богатым городом. Отсюда они могли получать деньги, съестные припасы, забирать у купцов и ремесленников нужные товары. Но шляхтичей и это не удовлетворяло, и они позволяли себе врываться в дома, грабить, насильничать и безнаказанно убивать мирных жителей. Против панов, засевших в

[1] См. Акты исторические, т. II, стр. 199.

ЗЕМСКАЯ СТРАЖА В ГОДЫ ПОЛЬСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

С рисунка художника Н. Каразина

Ярославле, выступил воевода Вышеславцев. Чтобы увеличить в Ярославле свои силы, «воры» провели принудительную запись крестьян и дворян в ополчение. Но когда это ополчение встретилось под Ярославлем с Вышеславцевым, мобилизованные крестьяне отказались сражаться, а находившиеся в тылу польского отряда дворяне ударили на поляков сзади. «Воры» были разбиты. В городе началось восстание. Польский отряд был перебит, его начальник пан Тышкевич бежал. Ярославцы освободились от власти насильников.

Один за другим подымались города против самозванца и панов. Пан Сапега отправлял отряд за отрядом во главе с панами Лисовским, Будзило и др., чтобы с помощью карательных экспедиций подавлять восстания.

Один из польских отрядов направился к Владимиру. Жители решительно отказались признать «вора» и готовы были бороться с насильниками до конца. Владимирцы хорошо были вооружены артиллерией. Кроме владимирцев здесь были «поволжских городов многие мужики»[1]. Владимирцы отогнали бандитов.

Не взяв Владимира, «воры» во главе с паном Будзило пошли на Ярославль. Изменник-монах помог им войти в крепость. Но ярославцы дружно бились и прогнали Будзило. Вскоре сюда подошел и пан Лисовский. Через немца-купца он предложил ярославцам сдаться. Ярославцы отказались.

Ненависть к захватчикам была так велика, что они жестоко расправились с панским «послом»: его сварили и выбросили собакам на съедение. Как и Будзило, Лисовский вынужден был уйти из-под Ярославля. Тем временем на помощь Ярославлю подходили ополчения из окрестных жителей.

Лисовский пошел к Кинешме, которая тоже восстала. И здесь силы восставших состояли преимущественно из крестьян, но в их ополчении были дворяне и стрельцы даже из таких далеких окраин Русского государства, как Сибирь. Сначала Лисовскому удалось взять Кинешму, но вскоре подошли новые русские ополчения и окружили Лисовского. С большим трудом ему удалось пробиться сквозь их кольцо и бежать.

Голландец Масса рассказывает о восстании в Вологде, очевидцем которого он был. Паны привезли в город несколько саней с награбленным имуществом. Здесь грабители намерены были отдохнуть. Но вслед за ними в Вологду пришли толпы крестьян, ограбленных панами. С помощью крестьян восставшие горожане схватили бандитов и изменников—воеводу и дьяка и всех их перебили.

Паны с невиданной жестокостью подавляли народные восстания. Бандиты на глазах родителей убивали детей, жарили их на огне, перебивали пленным ноги, топили в реках, жгли и уничтожали имущество мирных жителей и т. д.

Неисчислимые бедствия принесли польские захватчики народам Русского государства. Один польский поэт, подсчитывая «трофеи» панов, захлебываясь от восхищения,

---

[1] Акты исторические, т. II, стр. 226.

писал: «...несколько сот тысяч москвитян погибло тогда, кроме детей и младенцев. А сколько погибло, сколько осрамлено женщин и девиц! Сколько награблено народного достояния!» Современник-очевидец, немец, так характеризовал состояние русской земли и ее народов во время польской интервенции: «Камень бы заплакал о тогдашних бедствиях земли Московской!»[1]

Пользуясь ослаблением Русского государства, крымские ханы и мурзы возобновили нападения на южные русские земли, разоряя, грабя и уводя в плен население.

Поэтому ненависть русского народа к наглым захватчикам была вполне законна и понятна. С ними расправлялись беспощадно. Немецкий автор-очевидец Буссов записал, как русские бросали в реку под лед пленных польских грабителей с криком: «Вы пожрали наших коров и телят; ступайте теперь в Волгу, обжирайтесь там рыбы!»

Положение тушинского «вора» и польских захватчиков все ухудшалось. Но и Москве было не легко. Сил в столице осталось мало. Под Москвой стояли главные силы «вора» и панов, к которым продолжали подходить подкрепления из Польши. Официально польское правительство не разрывало дипломатических сношений с Русским государством, но интервенты становились все наглее, держа в осаде столицу государства, с которым Польша формально была в мире. Между тем бояре, окружавшие царя Шуйского, не прекращали враждовать между собой из-за власти. Враждебные Шуйскому группы бояр составляли заговоры, продолжали совершать «перелеты» к «вору», в Тушино, под Москву. Бояре и царь Шуйский не могли обеспечить защиту Русского государства и его столицы.

Тяжело жилось бедному люду в Москве во время осады, но сдать столицу врагам народ не хотел. На освобождение своей родины от гнета иноземных захватчиков и грабителей поднимался весь русский народ. Одновременно он жестоко расправлялся с изменниками.

Бояре не хотели возглавить эту борьбу народа против его угнетателей и насильников. Шуйский и поддерживавшие его бояре искали помощи за границей. Правительство Шуйского полагало, что для расправы с польскими интервентами лучше всего привлечь враждебную Польше Швецию. В лице Швеции крепостники

---

[1] *Костомаров,* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия, стр. 375.

надеялись приобрести союзника не только против польских интервентов, но и против восставших народных низов. Учтя это, правительство царя Василия Шуйского решило ввести в Русское государство шведские войска.

Такое решение царского правительства было очень выгодно для шведских захватчиков, получавших возможность ввести свои войска в русскую землю. Швеция давно ждала этого момента, чтобы захватить прежде всего русские прибалтийские земли с Новгородом и Псковом. Подобный «выход» из положения не обеспечивал освобождения Русского государства, ибо, если бы шведам удалось прогнать польских захватчиков, хозяевами в стране оказались бы новые интервенты.

В Польше в это время думали о дальнейшей организации борьбы за подчинение России. Вторая попытка польской интервенции со ставкой на Лжедимитрия II тоже себя не оправдала. Панам не удавалось завладеть Русским государством. Поднимавшаяся народная война грозила свести на-нет все прежние успехи польских панов. Польское правительство стало готовиться к открытому нападению на Россию. В таких условиях началась новая, шведская интервенция и третий этап польской интервенции в Русское государство[1].

ШВЕДСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ. ОТКРЫТОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ПОЛЬШИ

В 1608 г. царь Шуйский послал князя Михаила Скопина-Шуйского в Новгород заключить союз с Швецией и получить от нее помощь. 28 февраля 1609 г. в Выборге Скопин подписал договор с Швецией.

---

[1] Антиисторические, лженаучные взгляды «школы» Покровского проявились и в этом вопросе. Покровский и второго самозванца считал «казацко-крестьянским царем... холопским царем, из которого никоим образом нельзя было сделать царя дворянского и купеческого». (Русская история в самом сжатом очерке, ч. I—II, стр. 72—73,

По этому договору Швеция давала 5 тыс. пешего и конного войска. Формально это войско считалось на службе у московского правительства. Последнее должно было платить корпусу наемников жалованье 32 тыс. руб. и выдать единовременно 5 тыс. руб. Швеция формально заключала с Русским государством союз и обещала Москве увеличить военную помощь, если это окажется нужным; русское войско по требованию Швеции должно было выступить против ее врагов без жалованья. Ни Швеция, ни Москва не имели права мириться с Польшей в отдельности. Шуйский отказывался от притязаний на Ливонию, признав права Швеции на нее. Он обязывался также отдать шведам часть прибалтийской территории Русского государства—Корелу с уездом. Этим условия договора не исчерпывались. Шуйский обещал шведам давать лошадей, подводы, корм по дешевой цене. Кроме того, он разрешал свободное обращение шведских денег в Русском государстве.

Условия договора были кабальными для Русского государства. Россия в значительной степени теряла свою самостоятельность во внешней политике, а содержание шведских войск должно было лечь тяжелым бременем на ее истощенную казну.

Шведы, со своей стороны, вовсе не намерены были выполнять свои обязательства. Договор им нужен был лишь как повод для проникновения в Русское государство. В план Швеции входило, воспользовавшись слабостью Русского государства, захватить русские прибалтийские земли и, прежде всего, Новгород со Псковом. Кроме того, Швеция рассчитывала, что в союзе с Россией ей легче будет бороться против Польши за остальную часть Прибалтики.

1931 г.) Отсюда, по Покровскому, в Тушине были только казачество и восставшие крестьяне», которые держали будто бы в плену таких изменников, как «патриарх» Филарет Романов и др. Покровский выступал против признания того, что это была польская интервенция, считая, что «Тушино было сильно вовсе не польскими отрядами» (стр. 76). Взгляды М. Н. Покровского и на этот раз резко расходятся с действительной историей того времени: и второй самозванец был агентом польских панов. Если вначале его выступления были обманутые, которые еще жили надеждой, что в лице Лжедимитрия II они получат «хорошего царя», то очень скоро крестьянам и городским низам стало ясно, что самозванец—знамя польских захватчиков и грабителей. Ответ был дан скоро: народ выступил против польских интервентов и их ставленника—второго самозванца.

Вот почему Швеция, не дожидаясь даже окончания пере говоров, поспешила на правах «союзника» двинуть сво войско в Новгородскую область. Численность его значи тельно превышала обещанные 5 тысяч, что тоже свидетель ствовало о захватнических намерениях шведских «союзни ков». В шведском войске были и наемники-иностранцы преимущественно немцы. Во главе армии стоял Яков Пон тус Делагарди.

В марте 1609 г. шведское войско приблизилось к Нов городу, где его ждал князь Михаил Скопин-Шуйский. П признанию современников, это был умный политик и сп собный полководец. Скопин стремился держать в подчи нении шведское войско и как можно скорее использоват его против польских захватчиков, не допуская наемнико грабить и насильничать в русской земле.

В Старой Руссе в это время стоял большой польски отряд пана Кернозицкого. Объединенные русско-шведски силы разгромили этот отряд, а пан Кернозицкий, едв спасшись, бежал в Тушино, к «вору».

В это время в Пскове началось восстание народа проти бояр и купцов. По призыву местных бояр и купцов н Псков пошли отряды Скопина и Делагарди. Восставши твердо решили сопротивляться. Они выбрали начальнико крестьянина Тимофея Кудекушу Трепец и дали ему дик таторские полномочия. Восставшие геройски боролись и заставили отступить отряды Скопина и Делагарди. Пско вичи следили за тем, чтобы не было измены, жестоко ра правляясь с изменниками [1].

Правда, псковичи некоторое время еще продолжали верить, что царевич Димитрий жив. Этим пытался во пользоваться Лжедимитрий II и прислал сюда своег воеводу из русских изменников. Но изменник не смо ввести поляков в Псков, так как фактически народное вос стание было направлено и против бояр с Шуйским, и против польских захватчиков с их «вором», и проти шведов (или, как их называли псковичи, «немцев» Псковичи так и не пустили к себе ни польских, ни швед ских захватчиков.

Так развивались события в разных частях русско земли. А тем временем Лжедимитрий II и «воры» все ещ пытались овладеть русской столицей.

---

[1] См. Полное собрание русских летописей, т. IV.

ВЫДВИЖЕНИЕ НА ПОЗИЦИЮ ДЕРЕВЯННОГО ПЕРЕДВИЖНОГО УКРЕПЛЕНИЯ «ГУЛЯЙ-ГОРОД»

С рисунка художника В. Ковригина

5 июня 1609 г. тушинцы штурмовали Москву. Войско Шуйского выступило навстречу «ворам», применив русский прием боевого построения: впереди шла конница, прикрывавшая небольшие укрепления на колесах, так называемые «гуляй-городки». Войдя в соприкосновение с неприятелем, конница расступилась, открыв приблизившиеся укрепления, с которых была открыта по врагу стрельба в упор. Когда польские отряды попробовали атаковать городки, на врагов бросилась русская конница и смяла их. В этот день значительная часть участвовавших в штурме тушинцев была истреблена, остальные бежали в Тушино.

В июле 1609 г. войска Скопина и Делагарди, идущие из Новгорода на помощь Шуйскому, достигли Твери, где задержавшиеся остатки отряда пана Кернозицкого потерпели очередное поражение. Остатки польского отряда засели в Тверском Кремле. Делагарди, в войсках которого начался ропот, намерен был заняться осадой Твери, чтобы легкой добычей успокоить своих наемников. Но Скопин настаивал на немедленном движении к Москве. Тогда наемники отказались двигаться дальше, требуя уплаты им жалованья и скорейшей передачи Швеции Корельского уезда. Делагарди вернулся обратно к Новгороду, надеясь захватить его.

Шведско-немецкие наемники не спешили сражаться с польскими войсками. Они, как и польские паны, пытались нажиться на грабеже беззащитного мирного русского населения. Англичанин-современник Бреретон свидетельствует, что шведские интервенты вели себя в русской земле не лучше всяких «воров», польских панов. Они нападали на села и деревни, грабили, сжигали крестьянские дворы, издевались над жителями.

Теперь и подавно царю Василию Шуйскому не под силу было избавить русский народ от всех его врагов. Ходили слухи, что царь хочет ценой такого же договора, как с Швецией, получить помощь от крымского хана.

Царь Шуйский не мог освободиться от тушинского «вора». Зато народ все успешнее громил польских захватчиков. Бандиты панов Сапеги и Лисовского все еще не могли одолеть ничтожных сил защитников Троице-Сергиевского монастыря, хотя осажденные умирали от голода, холода, болезней, особенно от цынги. Изменники (например, боярин Михаил Салтыков) пытались уговаривать осажденных сдаться, стремились вызвать в монастыре панику, сообщая ложные сведения о взятии

«ворами» Москвы, о переходе на сторону Лжедимитрия князя Скопина-Шуйского и т. д. Все эти попытки успеха не имели: героические защитники готовы были пожертвовать жизнью, но не сдаться наглому врагу.

31 июля 1609 г. паны, к которым подошли части польских банд из-под Твери, еще раз попытались взять монастырь. Целую ночь шло сражение. Мало осталось в монастыре мужчин-защитников. Об этом знали и на это теперь очень надеялись «воры». Но защита попрежнему оставалась упорной и стойкой: рядом с мужчинами на монастырских стенах сражались уже и женщины!

В это время в лагере Сапеги были получены сведения о том, что Скопин-Шуйский продолжает и после ухода шведов двигаться к Москве, что его войско значительно усилилось, так как в него начали вливаться народные ополчения, и что молодой командующий успел уже обучить и вооружить значительную часть этих пополнений.

Молодой полководец поставил своей целью освободить родную землю от ига польских захватчиков. И народ скоро оценил этот патриотический порыв Скопина, увидев в нем человека, который мог возглавить освободительную борьбу против захватчиков. Скопин стал центром, вокруг которого начали объединяться стихийно восстававшие города и села Русского государства.

Из далекой Астрахани к Скопину спешил воевода Шереметев со стрельцами и казаками. По дороге к нему присоединялись «вольные, охочие» отряды татар, башкир, марийцев и др. Они освобождали от «воров» окраинные области и восстанавливали связь с Москвой, с Русским государством.

Скопин подошел к Калязину и здесь остановился, собирая силы. У него было около 11 тыс. человек, из них всего около тысячи шведов. Тушинский же лагерь с каждым днем слабел. «Воры» требовали жалованья, между тем экспедиции за добычей становились все рискованнее: панам все больше угрожало пламя народного восстания. Интервенты решили попытаться во что бы то ни стало разбить войско Скопина-Шуйского, пока оно не закончило своего формирования. Пан Сапега собрал отборное двадцатитысячное войско интервентов. В войско Сапеги влились остатки польских банд, прогнанных из Новгородской земли, из-под Твери и других городов. Под Троице-Сергиевским монастырем поляки оставили силы, необходимые только для поддержания осады.

В августе 1609 г. Сапега двинулся на Калязин. Скопин-Шуйский, заранее узнав о движении «воров», разработал план борьбы. По этому плану было намечено напасть на врага, когда он будет переправляться через болотистую речку Жбану. 3 августа Сапега начал переправу. Русские войска ударили на противника, смяли его и загнали в болото. Значительная часть «воров» погибла в Жбане, а остальные собрались у села Пирогова. За ними двинулся со своими силами Скопин-Шуйский.

Началась вторая битва, продолжавшаяся до вечера. Обе стороны упорно сражались. Русские войска показали в этой борьбе высокие образцы героизма: раненые не хотели оставлять поле битвы. К вечеру Сапега отступил. Русские преследовали его до Рябой Пустыни, после чего Скопин вернулся в лагерь под Калязином.

Сапега собирался повторить сражение, но его войска, памятуя уроки боев 3 августа, отказались сражаться. Четыре дня пан Сапега безуспешно уговаривал своих «воров» сразиться со Скопиным и в результате 23 августа вынужден был окончательно отступить.

Не хотели части войск Сапеги сражаться еще и потому, что до них дошли слухи, будто сам польский король выступил со своим войском на Русское государство. Паны возмутились, так как не хотели уступать королю и его войску добычу на Руси. Они с возмущением говорили: «Король отнимет у нас нашу корысть», и выражали готовность служить и дальше тушинскому «вору». Встречу же с войсками Скопина «воры» предпочитали оставить для своего короля. Разложение в войсках Сапеги усилилось, когда на сторону русских стали переходить и панские люди, оставляя своих господ.

Когда Сапега отступил, часть его сил пошла в Тушино, а с остальными он вернулся под стены Троице-Сергиевского монастыря. Лисовский же с отрядом бандитов продолжал нападать на беззащитные города, монастыри, селения, грабя и разоряя их жителей; он мстил им за все неудачи и пытался кровью залить народное возмущение.

А в это время царь Василий Шуйский выслал жалованье войску Делагарди и отдал приказ передать шведам Корельский уезд, население которого упорно не хотело отделяться от Русского государства и переходить под власть Швеции. В сентябре 1609 г. Делагарди с войском прибыл в лагерь под Калязином.

В октябре паны Сапега, Рожинский и др. пытались под Александровской Слободой еще раз дать бой русским войскам Скопина-Шуйского. Потеряв много убитыми и пленными, поссорившись между собой, паны опять разошлись—часть с Рожинским под Москву, а часть с Сапегой под Троице-Сергиевский монастырь.

Из-под Калязина русские войска двигались к Москве. Скопин-Шуйский осторожно продвигался вперед, укрепляясь на каждом шагу, строя засеки, городки, захватывая важные дороги, лишая панов возможности регулярно подвозить в Тушино продовольствие. К русскому войску продолжали подходить ополчения.

В декабре Скопин послал к Троице-Сергиевскому монастырю два отряда под командованием Жеребцова и Валуева. 4 января 1610 г. осажденные произвели последнюю вылазку и разорвали кольцо осады. Монастырь получил подкрепление, установил связь с Москвой и лагерем Скопина. Видя, что «ворам» угрожает изоляция и полный разгром, Сапега 12 января 1610 г. прекратил осаду монастыря и бежал к гор. Дмитрову.

Борьба народов Русского государства против польской интервенции, прикрывавшейся фигурой Лжедимитрия II, к началу 1610 г. настолько успешно развивалась, что угрожала наглым захватчикам полной катастрофой. Народное движение было направлено также и против изменников—бояр и помещиков.

Некоторые бояре-изменники, заявив о своем раскаянии, возвратились в Москву; другие же, в том числе тушинский «патриарх» Филарет Романов, не намерены были порывать свои связи с панами. Они начали тайные переговоры с польским правительством, рассчитывая и дальше на помощь Польши.

Правительство Польши до сих пор энергично помогало второму самозванцу, перебрасывая все новые и новые банды через русскую границу. В то же время Сигизмунд III вел бесконечные дипломатические переговоры с правительством Шуйского, следя за развитием интервенции. Теперь Сигизмунд видел опасность полного разгрома Лжедимитрия II и польских отрядов восставшим русским народом. Король предложил правительству Польши разработать план открытого наступления на истощенное Русское государство. Паны решили не ждать, пока польские банды будут уничтожены, и объявить открытую войну Русскому государству. «Если бы король,—говорится в дневнике

штаба Сигизмунда,—не наступил на русских, то полякам, находящимся при Димитрие, пришлось бы сделать позорное и вредное отступление»[1].

Правительство Сигизмунда III в продолжение всего 1609 г. готовилось к открытому вторжению в Русское государство. Военную агрессивную партию в польском правительстве возглавлял в то время Лев Сапега, канцлер литовский, дядя бандита Яна Сапеги, так долго бесславно подвизавшегося под стенами Троице-Сергиевского монастыря. Военные силы Русского государства были сосредоточены в центре страны. Панам казалось, что русскую границу можно перейти легко и безнаказанно. Большинство провинциальных сеймиков одобрило мысль о военном походе на Россию. Сейм в 1609 г. ввел налог для ведения войны и установил даже ряд льгот для шляхтичей, вступивших в войско короля.

Польские магнаты предлагали различные планы похода. Так, пан Александр Гонсевский предлагал смоленское направление, считая, что Смоленск—ключ к Москве—остался без защиты и может быть легко взят. Магнат гетман Жолкевский предлагал направить удар в сторону Северской (Черниговской) земли с юго-западной ее границы, где не было сильных крепостей и большого войска. Правительство Сигизмунда приняло проект Гонсевского, так как он предлагал кратчайший путь на Москву и, кроме того, можно было надеяться, что здесь королю окажут помощь паны из тушинского лагеря.

Уже летом 1609 г. польско-литовские отряды начали нападать на пограничные русские поселения. К осени 1609 г. Сигизмунд III собрал около 30 тыс. войска, в которое вошли кроме отрядов польских панов и шляхтичей наемные отряды из немцев, венгров и казаков.

Сигизмунд III заручился сочувственным отношением к походу на восток со стороны римского папы и германского императора, обезопасив себя таким образом с запада и обеспечив себе поддержку. Несмотря на то, что польское правительство все время поддерживало дипломатические сношения с правительством царя Шуйского, в сентябре 1609 г. без объявления войны Сигизмунд III перешел русскую границу и приблизился к Смоленску.

Смоленск представлял первоклассную по тому времени крепость, расположенную в удобной для обороны местности.

[1] «Русская историческая библиотека», т. I, стр. 502.

Недаром Годунов так укрепил Смоленск: он правильно учел, что польские паны при первой возможности попытаются захватить этот город, чтобы открыть себе путь на Москву.

Некоторые польские современники утверждают, что Смоленск защищало 200 тыс. человек. Эта цифра, несомненно, сильно преувеличена. Более осторожные «свидетели» из польских панов писали, что крепость защищало 70 тыс. человек. Мы склонны думать, что и это число не соответствует действительности. К тому же сюда зачислено, например, более 40 тыс. беженцев, преимущественно окрестных крестьян. Пленные показывали на допросах в польском лагере, что крепость защищало всего 20 тыс. человек. Но даже из этих 20 тысяч большинство составляли добровольцы—крестьяне и ремесленники. Смоленск защищал народ. Панам казалось, что отсутствие профессиональной военной силы облегчит осаду и взятие крепости. На деле же именно народ обеспечил длительную, героическую защиту этой твердыни Русского государства. Во главе защитников стоял воевода Шеин—«воин храбрый, искусный и в делах рыцарских неусыпный»[1].

Польский король начал с того, что обратился к смоленским жителям с «манифестом», беспримерным по своей наглости[2]. В этом «манифесте» Сигизмунд III, прикидываясь искренним другом русского народа, уверял, что он прислан в Русское государство богом для защиты русской веры, русского народа от шведов.

Король лицемерно писал, что к нему, как «ближайшему приятелю Русского государства», родственнику вымершего московского царствующего дома, обращались, мол, русские с просьбой о помощи и защите. Поэтому польские паны, вторгаясь в русскую землю, по словам Сигизмунда III, стремились не воевать с русским народом, а «избавить от рабства и конечного погубления... утвердить православную русскую веру и даровать всем спокойствие и тишину».

Это наглое заявление короля было рассчитано на то, чтобы обмануть народ. Однако в конце «манифеста» Сигизмунд раскрывал все действительные намерения панов. Жителям Смоленска под угрозой разгрома предлагалось стать королевскими подданными. «Если же вы пренебре-

---

[1] Сказания современников о Димитрии-Самозванце, т. V, стр. 18.

[2] См. *Карамзин,* История государства Российского, т. XII, гл. III, примечания, № 440.

жете,—угрожал король,—настоящим божиим милосердием и нашею королевскою милостью, то предадите жен ваших, детей и свои домы на опустошение войску нашему».

Знали уже жители Смоленска, что несло с собой панское владычество,—сами испытали при самозванцах и наслышались вдоволь о грабежах и издевательствах панов на Руси. Воевода Шеин от имени смолян приказал королевскому посланцу удалиться без ответа. «Если в другой раз придешь с такими делами,—закончил Шеин,—то напоим тебя водой»[1].

Тем временем войско Сигизмунда приблизилось к Смоленску. Жители смоленской окраины предпочли лишиться имущества, но не подчиниться захватчикам: посадские сами сожгли около тысячи домов на окраинах города и ушли под защиту крепостных стен. Панам пришлось начать борьбу за овладение городом, и войско короля Сигизмунда III надолго застряло под смоленскими стенами.

Смоляне героически отстаивали свой город с осени 1609 г. до лета 1611 г. Более 20 месяцев были отрезаны осажденные от всей страны. Им пришлось переносить болезни, холод, голод и жажду. В марте 1611 г. они хоронили по 150 человек в день. И все же город не сдавался! Паны пробовали взрывать стены и ворота города, но население быстро заделывало проломы. Подкопы, производившиеся поляками, не имели успеха: смоляне открывали направление подкопов через ходы—«тайные послухи» и контрминами взрывали поляков.

С первых же дней защиты своего города смоляне проявили необычайное мужество и отвагу. Их героизм вызывал изумление даже среди врагов, которые оставили нам немало свидетельств о героическом поведении русских. Так, например, однажды днем шестеро смолян бросились вплавь через реку Днепр, подкрались к польскому лагерю, отбили королевское знамя и благополучно вернулись тем же путем в город[2].

Почти два года держали смоляне врага под стенами своего города, не давая возможности Сигизмунду двинуть свое отборное (по выучке) войско в глубь русской земли. Уже в этом заключалось колоссальное значение этой обороны.

Известия о героической борьбе защитников Смоленска находили горячий отклик во всей стране. В одном

---

[1] «Русская историческая библиотека», т. I, стр. 440.
[2] Сказания современников о Димитрии-Самозванце, т. IV, стр. 20.

подметном письме, найденном в Москве в конце 1610 г., писалось: «Поревнуем городу Смоленску, как в нем наша же братия... сидят и великую скорбь и тесноту терпят... Если бы таких крепкостоятельных городов в Российском государстве хоть и немного было, неповадно было бы входить в нашу землю нашим врагам».

Героическая защита города находила отклик и в лагере осаждавших. Были случаи перебежек в крепость, преимущественно панских крепостных. В дневнике лагеря от 1 мая 1610 г. говорится: «Один гайдук хотел передаться в крепость, но когда он пробирался тайком к стенам ее, то немцы заметили его и схватили... он и на пытках ни в чем не сознался... На страх другим приказано его повесить»[1].

После каждого неудачного штурма Сигизмунд предлагал смолянам сдаться. Смоляне даже не отвечали на такие предложения. Поляки пытались окружить город и бомбардировать его. Но из-за отсутствия достаточно сильной артиллерии бомбардировка не причинила Смоленску серьезного вреда.

Изменники оказались и в Смоленске. Это были отдельные представители господствующего класса. «Бояре, духовенство и воеводы стоят за то,—говорит один документ,—чтобы сдаться на имя короля... а посадские люди... никак не хотят отложиться от столицы». На этой почве в городе возникали горячие споры и столкновения. Но изменникам не удалось уговорить защитников сдать Смоленск даже тогда, когда в Москве уже сидели поляки. «На кого же вы держите город и за кого проливаете кровь?»—спрашивали изменники. В ответ на это жители «стали кидать в них камнями»[2].

С пойманными изменниками смоляне сразу же расправлялись. Так, в дневнике польского лагеря от 28 сентября 1609 г. есть сообщение о том, что в Смоленске повесили дворянина-изменника. В руке у повешенного была записка: «Это висит вор Михаил Борисович за воровство, какое делал с Львом Сапегой, давая ему знать, что делалось в крепости»[3]. Но таких изменников было немного.

30 тыс. человек, приведенных Сигизмундом под Смоленск, оказалось недостаточно, чтобы взять город. В ноябре

---

[1] «Русская историческая библиотека», т. I, стр. 578; также стр. 547 и др.

[2] *Там же,* стр. 705—706; также стр. 666, 667 и др.

[3] *Там же,* стр. 441—442.

1609 г. Сигизмунд III послал в тушинский лагерь предложение присоединиться к его войску. В лагере начались горячие споры. На собраниях «воры» заявляли, что король посягает на их интересы, что они будут поддерживать самозванца и не оставят его даже после взятия Москвы.

«Воры» послали к королю под Смоленск депутатов для переговоров. Пан Мархоцкий, представитель прибывших депутатов, выступил перед королем с речью, которую записал потом в своих воспоминаниях. «Воры» прямо заявляли, что они готовы за свою добычу бороться даже против самого короля. «Рыцарство,—говорил Мархоцкий,—через нас извещает ваше королевское величество, что оно не замышляет ничего против отечества; но если кто пойдет против царя Димитрия и станет препятствовать нам получать свои выгоды в Московской земле, то мы уже не будем уважать в таком враге ни отечества, ни государя, ни брата!»

Нужно сказать, что не все «воры» были единодушны в этом решении. Паны ссорились и в самом тушинском лагере, устраивая там настоящие побоища. Часть их не надеялась на успех самозванца и предпочитала договориться с королем о совместном дележе будущей добычи. Потрепанный под Троице-Сергиевским монастырем пан Сапега отдельно прислал к королю своих послов.

Переговоры затянулись. Прибывшие в декабре 1609 г. в Тушино королевские послы лицемерно заявляли, что если Димитрий—настоящий царевич, то за него будет сражаться и король, если же это самозванец, то Польша не может «делать бесчестное дело». Эта речь была построена с явным расчетом на то, чтобы переманить войска польских панов от самозванца к королю. Ведь в Польше прекрасно знали, что в Тушине—самозванец, ставленник польских панов.

Но это не смутило «воров»—Рожинского и др. «Не хотим вас обманывать, господа королевские послы,—ответили «воры»,—он не тот, который царствовал прежде, и не тот, за кого себя выдает, но так дела требуют, и особенно так следует поступать ради Москвы, которая смотрит в оба глаза на ваше посольство. Если его явно отвергнуть и пренебречь, сделается смута. Предоставьте нам... для вида... мы лучше знаем свойства нашего Димитрия... Мы сумеем сохранить достоинство нашего государя»[1].

---

[1] *Костомаров,* Собрание сочинений, кн. 2, стр. 407, 409.

Королевские послы добивались согласия «воров» поддержать новую панскую авантюру, возглавляемую королем Сигизмундом III. Но «воров» останавливало двойное опасение. С одной стороны, они боялись, что это окончательно разоблачит самозванца и вызовет еще большее возмущение народных масс (а «воры» уже испытали народную расправу). С другой стороны, «воры» боялись потерять добычу, или, по крайней мере, право первенства при дележе. Однако бандиты понимали и то, что собственными силами им не взять Москвы. Поэтому вскоре они согласились итти на союз с королем, предлагая ему компенсацию русскими землями на юге. В свою очередь, королевские послы тоже шли на уступки, предлагая выделить самозванцу княжество из русских земель и уплатить «ворам» часть жалованья, которое они «выслужили», но не получили от самозванца.

«Воры» считали, что они имеют настолько большие заслуги перед Польшей, чтобы требовать жалованье, не дожидаясь, пока Русское государство будет завоевано. «Пусть король нам заплатит долг, который нам обязан выплатить Димитрий; выйдет всего на двадцать миллионов злотых: из них пять миллионов пусть нам уплатится теперь же от Речи Посполитой за нашу службу Димитрию, а пятнадцать мы получим с Московской земли, когда его величество овладеет ею. А если почему-нибудь не состоится предприятие, то все-таки пусть наша награда не пропадает. Мы проложили королю дорогу в Московское государство и дали к нему доступ». Так отстаивали свои «права» на грабеж Русского государства панские бандиты. В этом своем ответе польские бандиты из тушинского лагеря еще раз подтверждали связь походов первых двух самозванцев с открытым вторжением Сигизмунда III в Россию осенью 1609 г.

Королевские послы убеждали «воров» не запрашивать много, доказывая, что сопротивляемость русского народа возросла, что самозванец окончательно скомпрометирован. «Москвитяне думали, что он настоящий и воевали за него с вами за одно с успехом, а как узнали, что он обманщик, то стали отпадать от него, особенно после ваших грабежей и потерь... А теперь куда вам ее (Русь.—*А. К.*) получить, когда вы ослабели, а силы ваших неприятелей возросли!.. Король не покинет этой войны, не отойдет домой; не с тем он сюда пришел; если бы он ее оставил, то неприятель, оправившись, стал бы искать короля в его

собственных пределах, сохрани бог!.. Если король или мечом, или договором покорит Московское государство, то знайте, что вас за упрямство ожидает гибель... Если удастся овладеть Москвою,.. мы предложим москвитянам, в числе условий, заплатить вам, ...лишь бы у них казны достало; а если же они не захотят мирно покориться, то нужно будет войну вести с ними... А то ведь у нас нет перуанских рудников!»[1]

Таким образом, во время этого бесстыдного торга паны-интервенты выболтали все сокровенные планы своих захватнических авантюр.

В задачи королевских послов входило также сколотить какое-нибудь «посольство» к королю из изменников-бояр, находившихся в тушинском лагере, чтобы можно было с их помощью сфабриковать «договор», «приглашение» польских захватчиков в русскую землю. Паны не очень надеялись на силу своего оружия и поэтому предпочитали продолжать действовать и путем обмана.

Королевские послы начали переговоры с тушинским «патриархом» Филаретом Романовым и другими изменниками. Если бы все эти переговоры почему-либо не увенчались успехом, послы намерены были отправиться к Шуйскому в качестве обыкновенного посольства, имеющего в виду помирить царя с «ворами». Так лицемерно, подло и трусливо действовали паны в декабрьские дни 1609 г.!

Тушинские бояре видели, что «воры» с самозванцем не обеспечат перехода власти в их руки, что самозванец неспособен подавить поднимающиеся народные массы, угрожавшие и угнетателям-боярам. Один из таких изменников—келарь Троице-Сергиевского монастыря Авраамий Палицын писал, что «лучше польскому королю служить, чем от своих холопов потерпеть поражение и в вечной работе у них мучиться». Наконец, изменники понимали, что они не смогут бороться с Шуйским за власть, если к королю уйдут «воры» из Тушина. Вот почему тушинские бояре-изменники приняли предложение королевских послов помочь Сигизмунду III захватить Русское государство.

Тушинский лагерь разлагался. Самозванец доживал последние дни: он явно не нужен был больше «ворам». Но

[1] *Костомаров,* Собрание сочинений, кн. 2, стр. 413—414.

дожидаясь, пока его уберут, самозванец, переодевшись, бежал из лагеря в Калугу, куда вскоре прибыла и Марина Мнишек. В начале января 1610 г. тушинский лагерь оказался без «царика». Но некоторое время лагерь еще существовал: «воры» ждали результатов переговоров с Сигизмундом.

В январе того же 1610 г. под Смоленск прибыли из тушинского лагеря бояре-изменники. Здесь были князь Василий Рубец-Мосальский, князь Юрий Хворостинин, боярин Михаил Салтыков и др. Тепло встретили изменников в королевском лагере. На приеме 31 января 1610 г. Салтыков говорил, что король пришел в Русское государство по приглашению народа и что бояре благодарны ему за это. Подлый изменник уверял даже, что выступает от имени всех московских бояр. Словом, предатели говорили то, что нужно было захватчикам.

Изменники предложили избрать московским царем сына Сигизмунда — королевича Владислава. На этом, как будто, сошлись; специальным «договором» от 4 февраля 1610 г. предатели выговорили себе ряд прав, прежде всего—сохранение с помощью панов власти над крестьянами. Официально король не оформлял «воцарения» сына на московском престоле будто бы потому, что ждал, пока Москва его признает. На деле же король хотел продолжить эту игру, чтобы довести дело до конца и просто захватить Русское государство. Наглые захватчики, еще не взяв Смоленска—ключа к Москве, уже считали себя хозяевами русской земли.

Одновременно Сигизмунд вел переговоры и с послами тушинских «воров», обещая им доходы с Северской и Рязанской земель, подарки из московской казны и т. д.

К началу марта 1610 г. предатели-бояре вместе с «воровскими» послами вернулись в Тушино. Здесь был полный развал. Князь Димитрий Трубецкой и др. ушли в Калугу, рассчитывая, что там без панов они будут первыми людьми при самозванце. Но вскоре туда же пришла и часть панов. 15 марта 1610 г. оставшиеся в Тушино «воры» окончательно перессорились. Значительная часть «воров» во главе с панами Зборовским, Мархоцким и др. ушла к королю. Часть тушинцев поспешила в Калугу к самозванцу, а одна банда во главе с паном Рожинским сожгла тушинский лагерь и ушла к Волоку. Москва фактически освободилась от осады.

Ян Сапега еще 12 января 1610 г. снял осаду с Троице-Сергиевского монастыря и отступил к Дмитрову. В марте 1610 г. войско Скопина-Шуйского нанесло под Дмитровом новое сильное поражение пану Сапеге, который с остатком своих банд бежал к королю под Смоленск.

Простояв около полугода под Смоленском, король мог расплачиваться со своими войсками только обещаниями. Возмущенные этим «воры» во главе с паном Сапегой снова отправились к Лжедимитрию II в Калугу. Есть сведения, что Сапега уехал с провокационной целью, по указаниям короля. Застрявшие под Смоленском паны считали, что может оказаться полезным сохранить на некоторое время самозванца и даже поддержать его, чтобы связать царя Шуйского и не дать ему возможность бросить все силы к Смоленску.

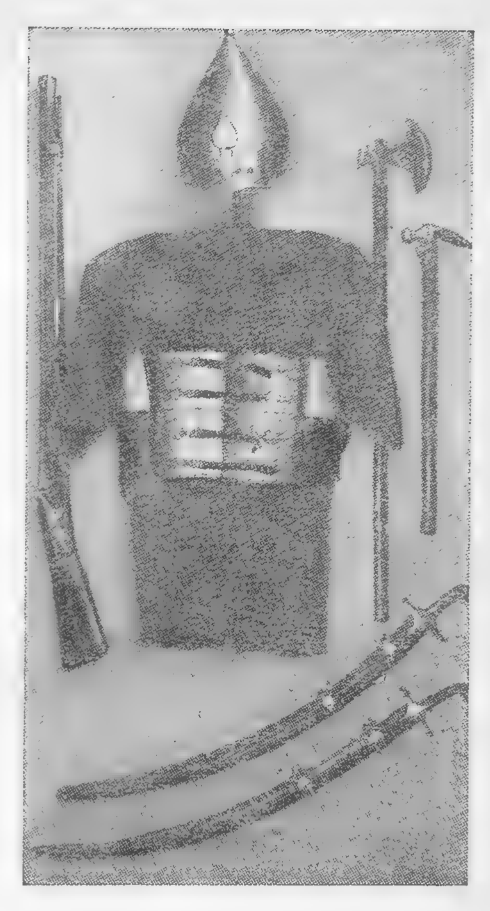
Отдельные королевские отряды тем временем захватывали беззащитные пограничные русские города, прикрываясь именем королевича Владислава, якобы призванного на русский престол. Города Стародуб, Почеп, Чернигов, Новгород-Северский, Рославль и др., оставшиеся фактически без гарнизонов, стали «трофеями» Сигизмунда III. Но даже эти беззащитные города королевские войска не всегда могли легко взять. Жители Стародуба, например, предпочли погибнуть в горевшем городе, но не сдаться польским захватчикам.

Сведения о том, как хозяйничают захватчики в западных русских землях, быстро доходили до Москвы, становились известными народу. Успешная оборона Смоленска и освобождение Москвы от осады, а также бегство самозванца в Калугу—все это говорило о том, что польским захватчикам не жить на русской земле.

12 марта 1610 г. князь Скопин-Шуйский во главе русского войска вступил в освобожденную от осады Москву, приветствуемый народом.

Князь Скопин-Шуйский сразу же начал готовить силы для похода к Смоленску. Силы эти быстро росли. Русское войско горело желанием прогнать врага и верило в своего полководца. Популярность молодого военачальника росла. Некоторые, например рязанский дворянин Прокопий Ляпунов, считали даже, что Скопин должен стать царем, что именно он сумеет восстановить силу государства. Это еще более усилило активность боярских групп, боровшихся за свержение Шуйского и замену его своим ставленником. Царь Василий Шуйский начал

опасаться племянника Скопина-Шуйского; брат царя, боярин Димитрий Шуйский, считавший себя первым кандидатом на престол после бездетного царя, открыто выступал против Скопина, обвиняя его в измене. Бояре всячески задерживали поход Скопина против Сигизмунда.

ОРУЖИЕ РУССКИХ ВОИНОВ В НАЧАЛЕ XVII в.

В конце апреля 1610 г. молодой полководец внезапно умер. Ходили упорные слухи, что Шуйские отравили Скопина. Эти слухи использовала для борьбы против Шуйских боярская группа, возглавляемая князем Василием Галицыным. Отдельные московские бояре и церковники начали тайно сноситься с польскими панами. Так, боярин князь Федор Мстиславский вел тайную переписку с паном Сапегой. Келарь Троице-Сергиевской лавры Авраамий Палицын пересылал Сапеге сведения о состоянии Москвы и о положении правительства Шуйского.

Рязанские помещики во главе с Прокопием Ляпуновым открыто заявили о том, что отказываются поддерживать боярское правительство Шуйских.

Задержка похода на Смоленск и смерть любимого полководца вызвали рост недоверия к командованию и возмущения народных масс против бояр. Тем временем в Русское государство под видом «союзников» вторгались все новые и новые банды шведских наемников, грабивших и разорявших народ. Случалось, что шведы встречались с недобитыми польскими бандами, и тогда из-за добычи

между захватчиками разыгрывались настоящие сражен...
Вся тяжесть этого двойного гнета захватчиков ложила... на плечи русского народа. Когда, например, под Рже... шведские бандиты побили польских, последние сорва... злость на окрестном населении—все русские, даже гр... ные дети, были вырезаны, а строения сожжены.

В 1610 г. русское войско осадило в Волоке монасты... в котором было 2 тыс. поляков. Только двум-трем с... ням из них удалось бежать, остальные были захваче... в плен. Среди них оказались и изменники, ездившие в с... время к Сигизмунду приглашать от имени русского ... рода на московский престол королевича Владислава. В... пленных, в том числе и бывшего тушинского «патриар... Филарета Романова, отправили к царю Васил... Шуйскому.

Сигизмунд III, видя, что Смоленск не удается взят... решил попытаться напасть на Москву. Польский гетм... Жолкевский, став во главе отборного войска, двинул... в глубь Русского государства. Паны надеялись воспо... зоваться боярскими усобицами и тем, что народные ма... недовольны царем Василием Шуйским.

В это время в Царевом Займище стоял с отрядом царе... воевода Валуев, который до сих пор успешно сражал... с польскими интервентами. На соединение к Валуе... Василий Шуйский выслал из Москвы войско, во главе ... торого стоял брат царя, бездарный и тупой боярин Д... митрий Шуйский. С ним шел шведский отряд Делагар...

Русские не доверяли как боярскому командованию, ... и своим «союзникам». В отряде Делагарди был всяк... иноземный наемный сброд, главным образом из германс... дворян, искавший легкой наживы. «Союзники» все вре... требовали денег, жалованья, грабили русское населен... кроме того, среди них были шпионы, сообщавшие в ла... герь Жолкевского о движении русских войск. Благода... этим сведениям Жолкевский сумел избежать засады, кото... рую готовил ему Валуев под Царевым Займищем. Жолк... ский, в свою очередь, уговаривал наемников из отря... Делагарди изменить Шуйскому, обещая им больше запл... тить. От этих же шпионов узнал Жолкевский, что воен... совет, собранный Димитрием Шуйским, решил двинут... на деревню Клушино и неожиданно ударить во фланг Ж... кевскому. Сил Шуйского было достаточно, чтобы окру... жить поляков и взять их в плен, хотя к Жолкевско... пристали уже банды из остатков тушинского лагеря.

23 июня 1610 г. войско Шуйского остановилось около Клушина. Бояре и Делагарди не приняли никаких мер на случай неожиданного нападения Жолкевского. Они были уверены, что их движение и план не известны полякам. Между тем Жолкевский со своим войском 24 июня напал на лагерь Шуйского. Русские ратные люди храбро бились с противником, но шведские наемники начали переходить на сторону Жолкевского. Первыми изменили немецкие отряды ротмистров Линка и Таубе: они бросились на русский лагерь и начали грабить обоз. Когда Делагарди попытался усмирить свое «войско», его чуть не убили; скоро после этого и сам Делагарди перешел к Жолкевскому. Князь Димитрий Шуйский бросил войско и бежал.

Так кончился поход Шуйского. Он показал еще раз, что бояре не могут обеспечить безопасность Русского государства, что нельзя с помощью иноземцев защитить его.

Жолкевский своей победой под Клушиным в значительной мере обязан был не польскому войску, а предателям-шведам—«союзникам» Шуйского. Силы поляков были слабы. Поэтому Жолкевский, несмотря на успех под Клушиным, старался избежать столкновения с воеводой Валуевым. В свою очередь, Валуев, узнав о поражении Димитрия Шуйского, считал более выгодным для себя договориться с гетманом.

В Царевом Займище Жолкевский 25 июня подписал договор с воеводой Валуевым. По этому договору, который потом паны, конечно, нарушили, гетман обязался не захватывать земель Русского государства, вернуть русских пленных, вывезенных в Польшу и Литву, ликвидировать остатки тушинских банд, не претендовать на Смоленск и т. д. Со своей стороны, Валуев согласился признать Владислава московским царем.

Вскоре Жолкевский, игнорируя договор с Валуевым, решил итти на Москву. Гетман больше надеялся на успех при помощи обмана и предательства, нежели на свою военную силу. В обозе Жолкевского находились изменники из тушинского лагеря—боярин Салтыков и др. Жолкевский вез их с собой, рассчитывая на то, что они помогут ему добиться признания Владислава московским царем. Поляки и связанные с ними бояре-изменники начали распускать слухи о скором воцарении Владислава, обещая в связи с этим прекращение «лихолетья» в Русском государстве.

К этому времени положение Василия Шуйского стало критическим. С одной стороны, народ был возмущен тем, что боярский царь довел Русское государство до разорения. С другой стороны, бояре, надеясь, что власть перейдет в их руки, решили отказаться от Шуйского и признать царем Владислава. Шуйский после поражения под Клушиным, оставшись без войска, предпочел вызвать еще одну интервенцию—он призвал войска крымского хана.

Между тем и самозванец, услышав, что Шуйский остался без войска, тоже двинулся к Москве. Лжедимитрий II и Марина Мнишек надеялись, что они захватят столицу раньше, чем туда придет Жолкевский.

Велика и крепка была связь народа с русской столицей! Ни один город на пути движения Лжедимитрия II к Москве не согласился признать его. Город Зарайск, в котором воеводой был князь Димитрий Михайлович Пожарский, отказался целовать крест самозванцу. Примеру Зарайска последовали и другие города, заявив, что признают царем только того, кого признает Москва.

В Москве 17 июля 1610 г. на собрании дворян под руководством Ляпунова было решено низложить Шуйского и прогнать самозванца, ибо «московское государство доходит до конечного разорения и расхищения. Тут пришли на него поляки и литва, а там калужский «вор»[1]. Бояре поддержали решение дворян о низложении Шуйского и взяли инициативу в свои руки. Часть бояр надеялась посадить на освободившийся престол королевича Владислава; другие же, памятуя о своей знатности, подумывали о собственной кандидатуре в московские цари.

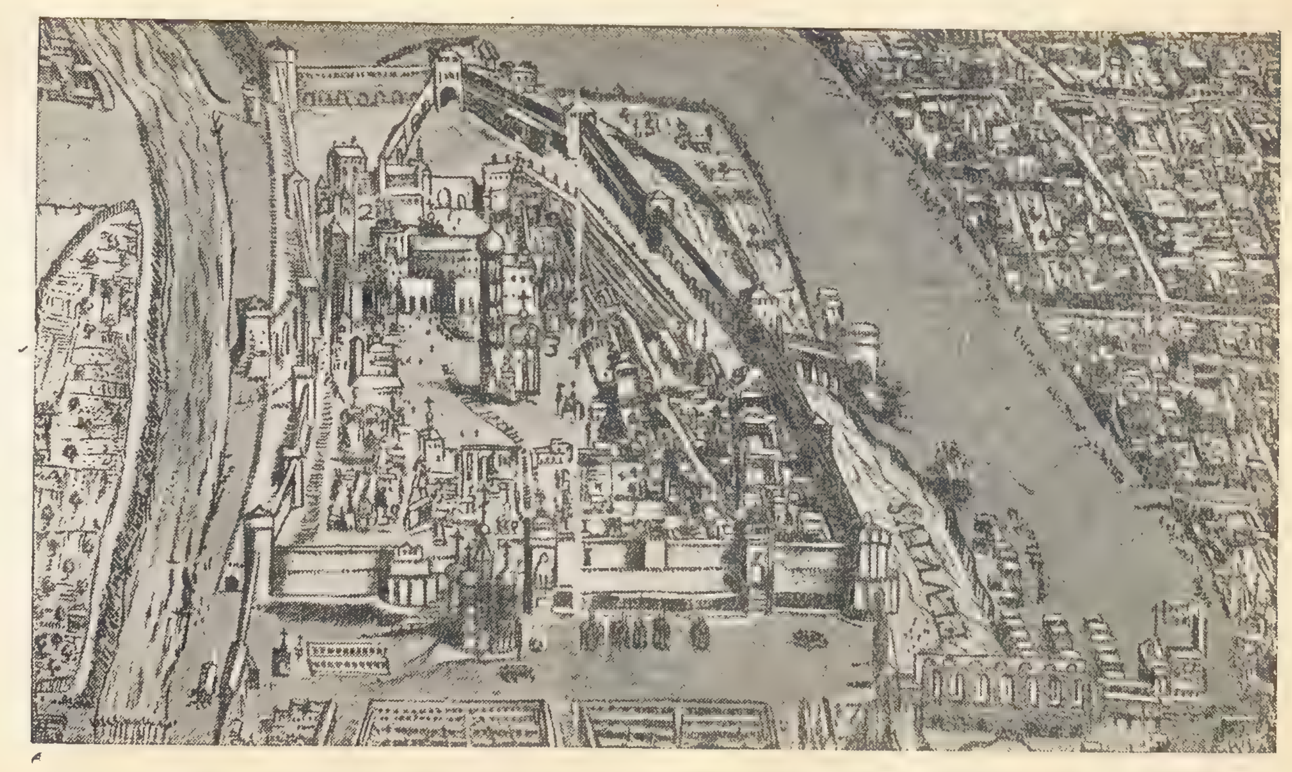
Народ был также за свержение Шуйского, требовал объединения всех сил русской земли, чтобы прогнать пана Жолкевского и тушинского «вора».

17 июля 1610 г. бояре сообщили царю Василию о его низложении. Народу же объявили, что власть временно переходит в руки семи бояр во главе с князем Федором Мстиславским. Бояре постригли Шуйского в монахи. Чтобы подготовить признание Владислава московским царем, семибоярщина вошла в тайные сношения с Жолкевским. Изменники надеялись, что с приходом польского войска можно будет не бояться восстания холопов, крестьян, посадских людей.

23 июля 1610 г. Жолкевский подошел к Москве и оста-

---

[1] *Костомаров,* Собрание сочинений, кн. 2, стр. 448.

КРЕМЛЬ, ЧАСТЬ КИТАЙ-ГОРОДА, БЕЛОГО ГОРОДА И ЗАМОСКВОРЕЧЬЯ НА ТАК НАЗЫВАЕМОМ СИГИЗМУНДОВОМ ПЛАНЕ ГОР. МОСКВЫ (1610 г.)

новился за милю от нее, на р. Сетуни. Бояре стали договариваться с гетманом об условиях, на которых соглашались принять в цари Владислава. Они настаивали, чтобы королевич крестился, чтобы приехал в Россию без поляков. Паны же требовали, чтобы им были отданы пограничные русские крепости и назначены польские командиры над русскими войсками.

Король писал Жолкевскому: «Если ничего не сделаете убеждением... то придется действовать силою и быстротою»[1]. Но Жолкевский не мог применить силу, ибо у него было недостаточно войска; да и то, которое было, роптало, долго не получая жалованья. Главное же, чего требовали бояре, это чтобы паны не отбирали у них поместий и вотчин, чтобы господство в стране было сохранено за ними. Ради этого бояре-изменники готовы были итти на уступки Жолкевскому даже за счет независимости Русского государства и его народов.

Не народ, даже не вся Боярская дума договаривались с Жолкевским! Это сделала группка бояр-изменников — князья Федор Мстиславский, Василий Голицын, Данило Мезецкий и др. Обещая народу добиться установления порядка и немедленного возвращения панов в Польшу, изменники объявили себя правомочными решать все вопросы, связанные с призванием Владислава. На деле они обманывали народ, стремились усыпить его, чтобы тем временем провести в цари Владислава и закрепить за собой власть.

17 августа 1610 г. эти изменники родины заключили с Жолкевским «договор»[2]. Бояре обязались официально обратиться к королю с просьбой отпустить королевича Владислава на московский престол. Православному духовенству «договор» обеспечивал прежнее привилегированное положение. Боярам и помещикам было обещано, что поместья и службы будут раздаваться только русским, что вотчин и поместий Владислав отбирать не будет, а все дела будут вершиться только по приговору Боярской думы. За боярами и помещиками сохранялась власть над крестьянами, которых нельзя было вывозить в Польшу и Литву. После установления «порядка» и окончательной ликвидации самозванца польское войско должно было

---

[1] *Костомаров,* Собрание сочинений, кн. 2, стр. 466.

[2] *Карамзин,* История государства Российского, т. XII, стр. 149—152; Сборник русского исторического общества, т. 142, стр. 95—99.

отойти от Москвы. В Москву гетман обязывался пропускать своих людей только по боярским пропускам. Жолкевский брал на себя обязательство добиться снятия осады Смоленска и отправки Марины Мнишек в Польшу. Соглашаясь на крещение Владислава, Жолкевский все же не ввел этого пункта в «договор».

Таково основное содержание «договора», заключенного между изменниками-боярами и Жолкевским. Этот «договор» охранял интересы класса эксплоататоров. Все пункты этого предательского «договора» служили прежде всего интересам Польши. Такие же условия, как крещение Владислава, выставлялись лишь с целью обмануть народ, отвлечь его внимание от основных условий.

Вероломные польские паны одновременно вели переговоры и с послами самозванца. Последние доказывали, что Русское государство надо окончательно подчинить Польше, а легче это сделать с помощью Лжедимитрия, чем Владислава.—«Надо эту птичку (Русь.—*А. К.*) подщипать,—цинично говорили паны из лагеря «вора».—Разве мало пользы—такое царство держать в неволе?.. Москва крепче будет во власти Польши с Димитрием, чем с Владиславом... Он все будет делать для Польши».

В конце августа 1610 г. Жолкевский уговорил Сапегу и других тушинских бандитов окончательно оставить самозванца и перейти в войско короля. «Вору» ничего не оставалось, как опять бежать с Мариной в Калугу, где он вскоре был убит. Тем временем Жолкевский ездил в Москву и подготовлял захват столицы поляками. В сентябре по требованию Жолкевского бояре-изменники выслали послов к Сигизмунду с просьбой отпустить на царство Владислава. Участников этого «посольства» отбирал сам гетман; сюда вошли и такие изменники, как Филарет Романов, князь Василий Голицын и др. Предусмотрительный Жолкевский имел в виду также убрать из Москвы под этим предлогом всех возможных претендентов на московский престол.

Однако польское правительство и король Сигизмунд уже не намерены были удовлетвориться призванием Владислава на московский престол. Паны решили просто подчинить Русское государство королю Сигизмунду III и «поработить,—как говорил на совещании у короля пан Потоцкий,—московитян, теперь уже разоренных и потерявших силу от междоусобий». «На Московскую землю следует смотреть,—заявляли другие паны,—как на край, завоеванный

польским оружием»[1]. Еще в первой половине августа Сигизмунд сообщил Жолкевскому о новом решении польского правительства—добиться полного захвата Русского государства, вручив царскую корону самому Сигизмунду.

Гетман Жолкевский и изменники-бояре (Салтыков и др.) понимали, что сообщение о новых планах короля и польского правительства может вызвать новое возмущение народа. Опасаясь народного восстания, бояре продолжали настаивать на приглашении Владислава и вели тайные переговоры с Жолкевским о вводе польского войска в Москву.

Народ уже начал догадываться, какие новые сети плели бояре-изменники, и подозрительно относился к их мероприятиям, заявляя, что не допустит сдачи Москвы полякам.

16 сентября 1610 г. пан Гонсевский был послан Жолкевским в Москву, чтобы подготовить вступление польского войска в русскую столицу. Народ быстро узнал об этом и собрался по колокольному звону. Массы угрожали боярам избиением и выражали готовность не допустить захвата столицы поляками. Некоторое время Жолкевский боялся занимать Москву. Гетман помнил, как расправился русский народ с панами после убийства Лжедимитрия I. Но польские банды не хотели стоять под Москвой в осеннюю пору, они начинали волноваться.

Тогда гетман решил выманить остатки русского стрелецкого войска из столицы. По его поручению Гонсевский прибыл в Боярскую думу и сообщил, что поляки готовы выступить против «вора», но для этого нужно выслать вперед все русское войско, а за ним двинется и польское. Для внутренней охраны столицы гетман обещал выделить небольшой польский отряд.

Князь Мстиславский с группой изменников провел в жизнь эти предложения. Нужно сказать, что в Боярской думе далеко не все склонны были верить панам и не все хотели пустить их в Москву. Но Мстиславский арестовал сопротивлявшихся. С согласия бояр-изменников (по словам летописца—всего четырех человек) в ночь на 21 сентября 1610 г., стараясь не разбудить население, в Москву вошли польские войска.

Польские части вступали в спящий город так, чтобы не было никакого шума, могущего привлечь внимание народа: знамена были свернуты, оружие не бряцало, копыта не стучали. В столицу вошли не только все части

[1] *Костомаров,* Собрание сочинений, кн. 2, стр. 474, 479—480.

Жолкевского, но и остатки тушинского сброда, присоединившиеся к королю. Вошли сюда и бывшие «союзники» Шуйского—немецкие наемники из частей Делагарди, рассчитывавшие, что здесь они смогут поживиться.

Паны заранее поделили между собой Москву: Кремль взял гетман Жолкевский; Китай-город был отдан «полку» Казановского; Белый город забрали «воры» Зборовского, оставившие самозванца; в Девичьем монастыре расположились бандиты из «полка» Гонсевского. Наконец, в разных районах были размещены отряды немецких наемников, готовые оказать помощь любой панской части. Для обеспечения связи с королевским лагерем в отдельных городах по Смоленской дороге были расставлены «полки» Жолкевского, Струся и Корецкого.

Так, не в открытом бою, не в сражении захватили паны столицу Русского государства—Москву, а, как воры, тайком захватили злодеи этот город.

ПОД ГНЕТОМ ПОЛЬСКИХ ИНТЕРВЕНТОВ

С 21 сентября 1610 г. польские паны засели в Москве. Горькую чашу страданий испил русский народ под гнетом польских панов, этих исконных врагов Русского государства. Наглые паны и их король с первых же дней захвата столицы вели себя, как хозяева Русского государства.

Прежде всего Жолкевский принял меры к тому, чтобы обезопасить свое пребывание в городе. Остатки стрелецкого войска были почти все высланы из столицы под предлогом защиты Новгорода, а над остальными был поставлен начальником пан Гонсевский. Начальником над стрельцами мог быть только боярин, и Жолкевский получил от Сигизмунда грамоту, в которой пан Гонсевский объявлялся... русским боярином.

Жолкевского беспокоило, что под боком у него были такие «союзники», как немецкие наемники,—а их насчитывалось около 2½ тысяч. Судя по опыту под Клушиным, от этих «союзников» можно было ожидать всего. Гетман оставил в Москве только третью часть немцев, а остальных выслал. Для расчета с ними он не пожалел царских сокровищ, захваченных в Кремле.

Был еще один претендент на эти сокровища—пан Ян Сапега, но его Жолкевский явно «обошел». Боясь, что Сапега вырвет из его рук добычу, Жолкевский не пускал Сапегу в Москву. Ему отдали на разграбление Северскую землю, которая упорно не хотела признавать Владислава московским царем. Эта область была сильно разорена в предыдущие годы, и Сапега просил доплаты. Жолкевский решил не скупиться, лишь бы отделаться от своего соотечественника. Гетман выдал Сапеге из русской казны всяких ценностей больше чем на 20 тыс. руб. (по тому времени это были очень большие деньги), и Сапега ушел в Северскую землю.

Так засевшие в Москве захватчики стали расхищать государственную казну. Они щедро платили кормовые деньги и жалованье польским войскам и немецким наемникам. Когда не стало денег, начали выдавать ценности: меха, дорогие металлические изделия и т. п. Подсчитано, что за первые семь месяцев хозяйничанья панов в Москве для одних только немецких наемников было взято из государственной казны 41 672 руб.[1], или, в переводе на польские деньги, 135 963 злотых. На польских бандитов за то же время израсходовано ценностей на 187 970 руб., или на 624 233 злотых[2]. В подсчет вошли только учтенные тогда суммы, фактически же было разграблено значительно больше.

Кроме денег и ценностей захватчики получали еще дополнительные «доходы». В распоряжение бандитских отрядов были отданы города с волостями, откуда интервенты выкачивали продовольствие, деньги и товары. Из Москвы систематически посылались отряды, которые грабили население городов и волостей. Делали все это паны от имени Боярской думы. Между королевскими захватчиками типа Жолкевского и «ворами» самозванца не было никакой разницы: у всех была одна цель—подчинить и ограбить Русское государство. Наконец, вскоре они стали захватывать отдельные села, имения, становиться помещиками.

---

[1] См. «Русская историческая библиотека», т. II, стр. 240, 248.

[2] Перевести эти суммы на русские дореволюционные деньги можно, исходя из следующего расчета исследователя историка В. Ключевского: «В смутное время рубль по ценам хлеба равнялся 12 нынешним» (*В. Ключевский*, Русский рубль XVI—XVIII ст. Опыты и исследования, I, стр. 161). Это соотношение, как признает сам Ключевский, «вышло несколько ниже надлежащего». Но если все же принять его, то выйдет, что по курсу 1913 г. паны в одном только Кремле забрали (только по записям) почти на 2 760 тыс. руб.!

Для этого паны брали себе у короля или командования «листы на поместья».

Польское правительство готовилось уничтожить Русское государство, сделать его польской колонией. Однако об этом открыто не говорили; наоборот, из Москвы рассылались грамоты, в которых захватчики заверяли население, что новый царь Владислав Жигимонтович скоро приедет в Москву креститься и что порядок в государстве будет восстановлен.

Нужно признать, что Жолкевский был умный и хитрый враг. Он прекрасно понимал, что такое положение долго тянуться не могло. Чтобы не отвечать самому за все данные обязательства, договоры, обещания и избежать восстания народа, гетман решил уехать в Польшу, оставив вместо себя в Москве «боярина» пана Гонсевского. Уезжая, Жолкевский в качестве трофея взял с собой бывшего царя Василия Шуйского.

Паны создали в Москве подобие «правительства», которое оформляло задания и распоряжения интервентов. Группа бояр-изменников (Мстиславский и др.) во главе с паном Гонсевским величала себя Боярской думой. Королевские агенты и сподвижники второго самозванца—боярин Салтыков с сыном, князь Василий Мосальский, думный дьяк Иван Грамотин, князь Хворостинин, богатый купец Андронов и др. были поставлены во главе московских центральных ведомств и приказов. Они делали все, что им приказывали паны. Изменники безоговорочно подписывали от имени Боярской думы все указы, предложенные Гонсевским.

Своеволие пана Гонсевского иногда возмущало даже изменников, и они жаловались на него Сигизмунду. Но тот не хотел ссориться с Гонсевским. Недовольных успокаивали, щедро раздавая им от имени Сигизмунда вотчины, поместья, должности, подарки. Сигизмунд жаловал бояр-изменников и чинами. Характерно, что больше всего досталось на долю тех изменников, которые служили польским интервентам еще со времени первого самозванца. Это лишний раз доказывает, что польское правительство во главе с королем Сигизмундом считало авантюры самозванцев своим кровным делом.

Укрепившись в столице Русского государства, паны больше не упоминали о королевиче Владиславе. Король посылал в Москву грамоты от своего имени, называя себя королем Польши и Литвы. Когда официальное

«посольство» от Боярской думы, подобранное лично Жолкевским, в сентябре 1610 г. прибыло под Смоленск, польский король и его правительство отказались вести переговоры о Владиславе, заявив, что речь может итти только о подданстве Русского государства польскому королю. Мало того, паны потребовали, чтобы «послы» помогли уговорить смолян сдать город. Прибывший в королевский лагерь под Смоленском Жолкевский отказался от всех своих обещаний и договоров, подписанных им в Москве.

Большинство из состава «посольства» решительно отказалось выполнить наглые требования польского короля. Некоторые бояре-изменники, как Филарет Романов и князь Голицын, тоже поддержали отказ, так как боялись с переходом под власть Польши потерять право участвовать в государственном управлении или же думали, наконец, о собственных кандидатурах на московский престол. Часть «посольства», однако, согласилась выполнить требования панов и обратилась к смолянам с предложением сдаться польскому королю. Но осажденные, полные решимости продолжать борьбу, отказались сдать город полякам. «Хоть наши матери, жены и дети в Смоленске, пусть они погибнут, а в Смоленск не пускать ни одного человека... Хоть бы и вы позволили, так смоленские стрельцы не послушают вас ни за что... не впустят королевских людей»[1]. Кончилось тем, что польское правительство арестовало «послов» и отправило их в Польшу.

Паны, засевшие в Москве, издевались над русскими людьми, над их языком, верой, обычаями. Захватчики грабили население, насильничали. До крайнего предела доходил произвол панов, когда они отправлялись в отведенные им города и волости за продуктами и деньгами. Жаловаться было некому, даже если бы пострадавшему и удалось добраться до Москвы.

В народе нарастало массовое возмущение. Русский народ почувствовал всю тяжесть гнета польских интервентов, осознал угрозу иноземного порабощения.

Признаки нарастающего возмущения были замечены и польским командованием в Москве, которое спешило принять меры для подавления народного восстания. Гонсевский оставил в Москве только польские и немецкие военные отряды. На стенах Кремля, Китай-города и по улицам Москвы день и ночь ходили вооруженные патрули.

---

[1] *Костомаров*, Собрание сочинений, кн. 2, стр. 503.

Последние остатки русского стрелецкого войска были высланы в другие города, где должны были поступить под командование польских панов. Тайком, по ночам много стрельцов было убито поляками.

С целью обезоружить московское население Гонсевский перевез артиллерию со стен Белого города в Кремль и Китай-город, где захватчики сосредоточили почти все свои силы. Одновременно населению было приказано сдавать оружие.

Народное возмущение против интервентов началось не только в ближайших к Москве русских, но и в окраинных, инонациональных городах и областях. Так, уже в январе 1611 г. против поляков начал вооружаться народ в Казани и в далекой Вятке. В Нижнем-Новгороде жители вынесли решение начать борьбу за освобождение столицы—Москвы и послать ополчение против поляков, «чтоб то перво Государству Московскому помочь»[1]. Такие же решения были приняты в Костроме, Ярославле, Владимире, Угличе и других городах России.

В Рязанской земле против поляков подготовлял выступление дворянин Прокопий Ляпунов. Он установил связь с восставшими городами. Организация выступления была связана с большими трудностями: по стране рыскали польские отряды, столица и вся центральная власть находились в руках интервентов, отсутствовал центр, признанный всеми, его нужно было создавать.

Все же подготовка восстания шла успешно. Из Москвы от патриарха Гермогена получались письма, в которых он сообщал о хозяйничанье поляков в столице. Духовенство, за исключением изменников вроде Авраамия Палицына, было недовольно ростом влияния католической церкви. Гонсевский вместе с Салтыковым решили заключить Гермогена под стражу.

Польские интервенты начинали нервничать. На помощь короля они рассчитывать не могли—Сигизмунд со своим войском застрял под Смоленском. Когда в Москве у возчиков на телегах под зерном нашли оружие, Гонсевский стал еще зорче следить за русским населением. Начались повсеместные обыски и массовые расправы с населением. Но это не могло остановить организацию народного ополчения и поход его на Москву.

[1] Собрание государственных грамот и договоров, т. II, стр. 500.

ПЕРВОЕ ВСЕНАРОДНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ПОЛЬСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ. ОПОЛЧЕНИЕ ЛЯПУНОВА И ЕГО НЕУДАЧА

Польская интервенция ввергла Москву и все Русское государство в неслыханные бедствия. Но, несмотря на разгул панского террора, истинные патриоты не оставляли мысли об организации всенародного выступления. Борьбу за освобождение Москвы эти люди правильно связывали с защитой и освобождением от захватчиков всего Русского государства. Из Москвы и других городов рассылались письма с призывом к восстанию против поляков.

В январе 1611 г. Прокопий Ляпунов обратился к городам с грамотой, в которой предлагал выступить на освобождение столицы.

Призывы к выступлению против польских захватчиков доходили до самых отдаленных окраин Русского государства—Перми, Верхотурья и даже Сибири. Обращение русского народа встречало живой отклик у всех народов, населявших Русское государство. Лозунг освобождения родной страны от наглых захватчиков был популярен среди всего населения русской земли. Вот почему на призывы нижегородцев откликались ярославцы, на призывы ярославцев—новгородцы и псковичи, сами стонавшие под игом шведских и польских грабителей. «Биться до смерти» за освобождение родной земли—такова была воля многонациональных народных масс Русского государства уже в начале 1611 г.

Народ шел в ополчения, горя желанием прогнать интервентов из родной земли. В ряде городов народ выступал вопреки воле изменников-воевод. Так было, например, в Коломне, где жители по инициативе беднейшей части населения города присоединились к Ляпунову против воли воеводы.

Известие о начавшемся движении распространилось очень быстро по русским и окраинным инонациональным районам. Под городом Шацком к Ляпунову подошли ополчения из Рязанской земли, а также из районов, заселенных мордвой, чувашами, марийцами[1].

Народное движение получило широкий размах. Авантюристские элементы из лагеря интервентов попытались

---

[1] См. Акты Археографической экспедиции, т. II, стр. 384, 395—396.

использовать народное движение в своих гнусных целях. Так, Сапега заявил Ляпунову, что тоже хочет «за православную веру и за свою славу отважиться на смерть, и вам было бы с нами советоваться»[1]. Ляпунов не поверил Сапеге, так как знал, что Сапега поддерживает связь с Гонсевским, добиваясь от него новых подачек из кремлевских сокровищниц.

Зато другому бандиту, атаману Заруцкому, вместе с остатками тушинцев, преимущественно из обманутых казаков, удалось присоединиться к Ляпунову. Заруцкий обещал бороться до конца против панов и даже выступил с призывом к жителям Тулы и уезда итти на Москву. В действительности же Заруцкий хотел добиться русского престола для «воренка»—сына Лжедимитрия II и Марины Мнишек, которая после убийства самозванца стала женой Заруцкого.

С остатками сил самозванца выступил из Калуги и знатный боярин князь Димитрий Трубецкой. Он тоже поддержал призыв к походу на Москву в надежде, что ему самому, как в свое время Шуйскому, удастся стать царем.

Все эти люди занимали командные должности и в дальнейшем имели возможность вредить народному выступлению против польских захватчиков.

Поляки пытались подавить народное движение в самом его начале. Неожиданно для Ляпунова польский отряд осадил его в городе Пронске. Но на выручку Ляпунову пришел зарайский воевода князь Димитрий Михайлович Пожарский. Бандиты были прогнаны. Через некоторое время паны пытались напасть на Зарайск и убить Димитрия Пожарского. Но Пожарский и на этот раз прогнал врагов.

За первые два месяца 1611 г. в ряде городов и волостей местные ополчения сумели освободиться от захватчиков и расправиться с изменниками-боярами. 11 февраля 1611 г., например, крупную победу над польскими бандитами одержало ополчение под Владимиром. В начале марта поляков разбили новгородцы. Постепенно ополчения стягивались к Москве.

К началу марта 1611 г. Ляпунов уже объединил руководство движением в ряде городов и районов. Вскоре он двинулся к Коломне.

---

[1] *Костомаров*, Собрание сочинений, кн. 2, стр. 518.

Не сидели сложа руки и москвичи. Им пришлось претерпеть от польских интервентов больше, чем жителям других городов. Москвичи знали и радовались успехам движения, возглавляемого Ляпуновым, и тоже готовились выступить против Гонсевского. Всему народу было ясно, что паны обманом захватили Москву, что они собираются подчинить себе Русское государство, что объявление Владислава царем было только очередной уловкой со стороны поляков и новым предательством со стороны бояр.

Неспокойно стали себя чувствовать в Москве польские захватчики и бояре-изменники. Последние, как утверждает немец-очевидец, еще в январе предупреждали Гонсевского, что в ответ на издевательства и насилия над народом может вспыхнуть народное восстание, от которого не сдобровать всем им.

Интервенты стали, как никогда, предусмотрительны и осторожны. Жителям столицы было запрещено носить не только оружие, но даже топоры, ножи и большие палки. По улицам города днем и ночью ходили патрули, осматривая и обыскивая всех подозрительных на улице и в частных домах. Поляки завели тайных агентов, сообщавших о настроениях населения, о толках в народе. Все чаще агенты сообщали о растущей вражде, о ненависти народа к интервентам.

В массах заметно росло чувство национального достоинства. Однажды, например, агенты донесли о таком разговоре среди москвичей:

«Мы выбрали польского королевича не на тот конец, чтобы всякий безмозглый поляк помыкал нами... а нам, московским людям, (чтоб) пропадать пришлось! Король, старая собака, целый год не будет пускать к нам своего щенка... Пусть навеки себе в своей земле остается. Не хотим, чтобы он был у нас государем; если эти шесть тысяч глаголей добром отсюда не уберутся, то перебьют их, как собак, даром что они так здесь уселись. На них наших семьсот тысяч найдется... стоит только взяться дружно за дело... Много можно сделать!»

«Недолго вам тут сидеть»,—говорили москвичи.

«Скоро собаки потащут вас..., если добром не выйдете из нашего города»,—слышались угрозы на рынке.

Приведем рассказ немца-очевидца о событиях 13 февраля 1611 г. в Москве. Подробности этих событий позволяют судить о силе возмущения русского народа и о настроении захватчиков. В этот день на базаре за Москва-рекой про-

СТАРАЯ МОСКВА

С картины художника *А. Васнецова*

изошла ссора между москвичами и поляками из гарнизона. Продавец отказался продать панам овес по той цене, по какой перед тем продавал москвичам. «Полякам не покупать его дешевле!»—сказал продавец. Поляк бросился на него с саблей. Вступились москвичи, началась свалка, были убитые и раненые с обеих сторон.

Быстро распространился слух, что начался бунт. Дали знать Гонсевскому, который прибыл на базар с военной силой и прекратил ссору. Гонсевский понимал, что эта ссора имела более глубокие корни, что она может так же

неожиданно вспыхнуть по любому поводу и привести к самым неожиданным последствиям. Понимал он и то, что они легко могут оказаться в осаде, окруженные враждебно настроенным народом.

Паны струсили. Это видно из того, что московский комендант пан Гонсевский тут же выступил перед народом с речью, полной упреков и просьб. Он жаловался на то, что, мол, москвичи не уважают, ругают короля и его сына, признанного русским царем. «Его самого щенком, а короля, отца его, старой собакой называете! Бог своими наместниками поставил их, а вы их своими свиными пастухами считаете!.. А теперь вы его людей бьете!.. Что вы делаете нашему государю Владиславу, то вы не человеку делаете, а самому богу... Зачем вы бунтуете? Мы служим тому же, чьи и вы слуги и подданные».

Во время речи пана из толпы, по словам немца-очевидца, раздавались угрозы: «Полно врать, без ружей и дубин мы побьем вас колпаками!» Когда Гонсевский начал умолять народ не восставать: «Я прошу вас и умоляю—не начинайте кровопролитий!»—москвичи отвечали: «Ну так убирайтесь отсюда и очистите наш город!» [1]

Возмущение против интервентов быстро нарастало. К этому времени захватчики начали отбирать у населения столицы продовольствие, чтобы приготовиться к осаде. Они знали о движении на Москву ополчения Ляпунова. В начале марта около 3 тыс. москвичей двинулось в Кремль, чтобы покончить с захватчиками и боярами-изменниками—Салтыковым и др. Быстро подтянутые военные силы интервентов (немецкий отряд) подавили попытку восстания. Но не надолго.

19 марта 1611 г. в Москве народ снова восстал. Здесь стало известно, что ополчение Ляпунова уже недалеко. Передовые отряды его спешили к столице.

Еще 8 февраля на Москву двинулось нижегородское ополчение. 21 февраля выступил ярославский отряд. 3 марта из Коломны двинулся Ляпунов. Во второй половине марта к стенам столицы двинулось много земских и казачьих дружин. Это были рязанцы, муромцы, понизовые и поморские люди, татары, костромские, галицкие и другие отряды, а также казаки Заруцкого и Трубецкого.

[1] Сказания современников о Димитрии-Самозванце, т. I, стр. 121—123, 1834 г.; стр. 135, 1859 г.; *Костомаров,* Собрание сочинений, кн. 2, стр. 529—530.

Небольшие передовые отряды ополчения подходили 18 марта к московским слободам: князь Димитрий Пожарский со стороны Сретенки, Бутурлин—к Яузским воротам.

Поляк-очевидец в своих воспоминаниях говорит, что московские возчики намеревались загородить улицы, когда поляки захотят отступить в Кремль.

19 марта утром польские паны, стремясь как можно лучше укрепиться, стали заставлять возчиков устанавливать на стенах Кремля и Китай-города пушки, вывезенные раньше из Белого города. Возчики отказались выполнить приказание, а некоторые из них даже начали снимать со стен Китай-города крепостные пушки. Поляки и немцы бросились на русских с саблями. Началось, по словам шляхтича-очевидца, массовое истребление русских. Говорят, что в это утро в Китай-городе было убито около семи тысяч безоружных русских людей без различия пола и возраста. Это варварское истребление населения сопровождалось безудержным грабежом и насилиями над мирным населением.

Следует предполагать, что захватчики стремились такой расправой с жителями отдельных частей Москвы еще до подхода ополчения обезопасить себя от восстания населения. Но паны и на этот раз ошиблись.

Жестокие расправы Гонсевского не смогли предотвратить восстания народа, наоборот, они еще больше разожгли ненависть к поработителям. Весть о расправе в Китай-городе с быстротой молнии разнеслась по посадам Москвы. Колокольный звон собрал народ в Белый город.

Когда польские части после расправы в Китай-городе направились в Белый город, к Тверским воротам, здесь народ уже приготовился к сопротивлению: улицы были загорожены. Извозчичьи возы, столы, рыночные палатки были использованы москвичами для устройства баррикад. Это были первые в истории Москвы баррикады и баррикадные бои восставшего народа! Баррикады затрудняли маневрирование противника, отрезали его от основных воинских частей. Здесь, на окраинах столицы, бедняцкая часть населения, несмотря на то, что была почти безоружна, как один выступила на врага. Только у некоторых москвичей оказались ружья, большинство же действовало камнями, палками и т. п. С башен городских стен свезли пушки, которых поляки не успели вывезти в Кремль. Началось сражение.

Шляхтич Маскевич в своем дневнике так рассказывает об этом восстании:

«Итак, 29 (19) марта... завязалась битва сперва в Китае-городе, где вскоре наши перерезали людей торговых... потом в Белом-городе; тут нам управиться было труднее: здесь посад обширнее и народ воинственнее. Русские свезли с башен полевые орудия и, расставив их по улицам, обдавали нас огнем. Мы кинемся на них с копьями, а они тотчас загородят улицу столами, лавками, дровами; мы отступим, чтобы выманить их из-за ограды (баррикады.—*А. К.*), они преследуют нас, неся в руках столы и лавки, и лишь только заметят, что мы намереваемся обратиться к бою, немедленно заваливают улицу, и под защитою своих загородок стреляют по нас из ружей; а другие, будучи в готовности, с кровель, с заборов, из окон бьют нас самопалами, камнями, дрекольем. Мы, т. е. всадники, не в силах ничего сделать, отступаем; они же нас преследуют и уже припирают к Кремлю.

Тут мы послали к пану Гонсевскому за пехотою; он отрядил только 100 человек: помощь слабая, в сравнении с многолюдством неприятеля, но не бесполезная. Часть наших сошла с коней и, соединясь с пехотою, разбросала загороды; Московитяне ударились в бегство; только мы мало выиграли; враги снова возвратились к бою и жестоко поражали нас из пушек со всех сторон: ибо по тесноте улиц мы разделились на четыре или на шесть отрядов. Каждому из нас было жарко»[1].

Так народ громил интервентов. В это время к Москве подошли небольшие передовые отряды Ляпунова. Движение по весенним дорогам очень утомило ополченцев, но, несмотря на это, патриоты сразу бросились в бой. Пожарский со своим маленьким отрядом вместе с пушкарями из Пушечного двора оттеснил панов со Сретенки и устроил на Лубянке укрепление—«острожек», откуда и начал обстреливать поляков.

За Москва-рекой и у Яузских ворот появились также небольшие русские передовые отряды. Конечно, сами по себе эти отряды были слишком слабы, чтобы бороться с поляками. Но в Москве народ наступал на захватчиков, и авангард ополчения замыкал окружение польского гарнизона, создавал угрозу с тыла.

[1] Сказания современников о Димитрии-Самозванце, т. V, стр. 76—77.

УЛИЦА В МОСКВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

С рисунка из книги XVII в. А. Олеария «Описание путешествия в Московию»

Плохо пришлось панам-захватчикам: их скоро загнали в Китай-город и Кремль. В это время кому-то из бандитов пришла гнусная мысль воспользоваться сильным попутным ветром, дувшим в сторону Белого города. Поляки начали жечь строения, чтобы морем огня задержать народ, заставить его отступить.

«Мы не могли,—продолжает тот же шляхтич Маскевич,—и не умели придумать, чем пособить себе в такой беде, как вдруг кто-то закричал: *огня! огня! жги домы!..* Достали смолы, прядева, смоленой лучины и тут едва успели запалить этот дом; то же делали и с другими домами, где кто мог. Наконец, занялся пожар»[1].

Пожар оказал захватчикам большую услугу. Он спас интервентов. Пожар расчистил вокруг Кремля и Китай-города огромные пространства. Это облегчало панам возможность защиты в дальнейшем, так как со стен крепости удобнее было отражать наступающих. Кроме того, открывался свободный проход для ожидаемых от короля войск.

---

[1] Сказания современников о Димитрии-Самозванце, т. V, стр. 77.

«Ветер,—рассказывает дальше шляхтич Маскевич,—дуя с нашей стороны, погнал пламя на русских и принудил их бежать из засад, а мы следовали за разливающимся пламенем, пока ночь не развела нас с неприятелем. Все наши отступили к Кремлю и Китай-городу. Я стоял в Белом городе и едва успел выбрать из своей квартиры в Кремль, что было получше, все прочее пошло к чорту: одно разграбили, другое сгорело; съестные припасы истреблены»[1].

Паны решили и на следующий день продолжать жечь Москву. «Отдан был приказ,—говорит тот же Маскевич,—завтра... зажечь весь город, где только можно. В назначенный день, часа за два до рассвета, мы вышли из Кремля, распростившись с теми, которые остались в крепости, почти без надежды когда-либо увидеться. Жечь город поручено было 2 000 немцев, при отряде пеших гусар наших, с двумя хоругвями конницы...

Пламя охватило дома и, раздуваемое жестоким ветром, гнало русских, а мы потихоньку подвигались за ними, беспрестанно усиливая огонь, и только вечером возвратились в крепость. Уже вся столица пылала; пожар был так лют, что ночью в Кремле было светло, как в самый ясный день; а горевшие домы имели такой страшный вид и такое испускали зловоние, что Москву можно было уподобить только аду, как его описывают. *Мы были тогда безопасны: огонь охранял нас!*»[2]

Трусливые бандиты не остановились перед тем, чтобы и на третий день продолжать жечь город. Паны сожгли не только Белый город, но и Замоскворечье. Маскевич пишет: «Смело могу сказать, что в Москве не осталось ни кола, ни двора...»[3]

Москвичи оказались в трагическом положении. Но даже враги не могли отказать им в твердости и непримиримости к захватчикам: москвичи предпочитали гибнуть в огне, чем подчиниться интервентам. Гетман Жолкевский писал в своих воспоминаниях об этих страшных днях: «В чрезвычайной тесноте людей происходило великое убийство: плач, крик женщин и детей представляли нечто, подобное дню страшного суда; многие из них с женами и детьми сами бросались в огонь, и много было убитых и погоревших;

---

[1] Сказания современников о Димитрии-Самозванце, т. V, стр. 78.
[2] *Там же,* стр. 80—82. (Курсив наш.—*А. К.*)
[3] *Там же,* стр. 82.

большое число также спасалось бегством к войскам, о которых знали, что находятся близко... Таким образом, столица Московская сгорела с великим кровопролитием и убытком, который и оценить нельзя. Изобилен и богат был этот город, занимавший обширное пространство: бывавшие в чужих краях говорят, что ни Рим, ни Париж, ни Лиссабон величиною окружности своей не могут равняться сему городу»[1].

В это время в Кремль на помощь Гонсевскому прорвался пан Струсь, прибывший со своим отрядом из Можайска. Положение захватчиков значительно улучшилось. Они оттеснили и небольшие передовые отряды Ляпунова; только Пожарский со своего острожка на Лубянке продолжал разить врага. Но огонь угрожал и Лубянке, где укрепился со своим небольшим отрядом князь Димитрий Пожарский. Поляки с большими силами обрушились теперь на Пожарского.

Отражая атаки поляков, Пожарский одновременно энергично боролся с пожаром. Но битва была неравная, а главные силы Ляпунова были еще далеко. Сам Пожарский сражался в самых опасных местах во главе кучки патриотов—зарайских крестьян-ополченцев, поспешивших вместе с ним на выручку Москвы. Вскоре князь был тяжело ранен. Говорят, когда Пожарский упал раненый, он заплакал: «О, хоть бы мне умереть, только бы не видать того, что довелось увидеть!» Уцелевшая горсть патриотов из отряда Пожарского вывезла раненого князя из Москвы. По дорогам тянулись толпы беженцев, покинувших сожженную, разгромленную столицу.

Пожар 19—21 марта 1611 г. еще раз показал звериное лицо наглых разбойников—польских панов. Пользуясь общим смятением, бандиты врывались в московские дома и церкви и грабили их, убивали жителей, насиловали и издевались над ними. Золота, серебра, жемчуга, одежды грабители набрали столько, что и мечтать не могли об этом раньше. Вот когда Москва заменила польским бандитам перуанские рудники! Рассказывают, что даже свои ружья захватчики заряжали жемчугом, расстреливая москвичей. Даже сам гетман Жолкевский в своих «Записках» называет захватчиков за их грабежи в Москве «негодяями»[2].

---

[1] Записки гетмана Жолкевского, стр. 122—123, СПБ, 1871 г.
[2] *Там же,* стр. 123.

Так закончилось восстание москвичей против панского гнета. Ополчение Ляпунова не успело оказать ему помощь, и восстание потерпело неудачу.

Но напрасно захватчики праздновали победу—сожжение Москвы не усилило, а ослабило их: они вскоре очутились в новой осаде, окруженные пожарищем, без продовольствия, без припасов.

1 апреля 1611 г. к Москве подошел со своими войсками Ляпунов и занял подгородные московские селения.

6 апреля поляки пытались вытеснить оттуда русских, но Ляпунов обратил их в бегство. Его части, преследуя противника, вступили в Белый город, заняв Яузские, Покровские, Сретенские и Тверские ворота.

Захватчики фактически оказались осажденными. Скоро у них стал ощущаться недостаток съестных припасов и воды. Попытка Гонсевского склонить патриарха Гермогена к тому, чтобы помочь разложить ряды ляпуновского ополчения, потерпела неудачу. Патриарх Гермоген отказывался убедить Ляпунова прекратить борьбу с поляками. Тогда паны заточили Гермогена в Чудов монастырь. Все труднее приходилось панам. От короля помощи не было. В начале июня под Москву прибыл Сапега со своей бандой, но, не сторговавшись с Гонсевским и не сумев обмануть Ляпунова, пан Сапега ушел к Переяславлю—грабить и разорять местное население. В руках Ляпунова были все ворота Белого города; Гонсевский был осажден в Китай-городе и Кремле.

Первые успехи ополчения еще больше воодушевили народ на борьбу против захватчиков. Из разных частей государства в помощь Ляпунову посылались отряды и деньги. Известно, например, что такую помощь русскому войску под Москвой организовали татары, мордва, чуваши, марийцы, коми и др.

При командовании ополчения были созданы Дума и приказы—центральные ведомства. Грамоты, выданные вторым самозванцем, а равно и польскими захватчиками от имени короля Сигизмунда, были признаны недействительными. Таким образом, под Москвой было создано новое правительство Русского государства.

Казалось, близко освобождение. А между тем борьба затянулась. В ополчении были элементы, ослаблявшие движение, стремившиеся не допустить объединения сил народа, разложить его или использовать в своих личных, корыстных целях. Войско под Москвой не было однородно

по своему социальному составу, а его руководители не были единодушны. Все это были совершенно разные люди.

Ляпунов был помещиком. В свое время, когда шла борьба между крестьянами и боярами, он стал на сторону последних. Но вместе с тем это был безусловно храбрый человек, горячо любивший родину, искренно желавший ее освобождения от иноземных захватчиков. Ляпунов хорошо разбирался и в сложной политической обстановке того времени, хотя и делал из нее не всегда правильные выводы.

Ляпунов правильно учитывал необходимость объединения сил для борьбы против захватчиков. Он добивался укрепления дисциплины и жестоко расправлялся со всякими проявлениями своеволия, от кого бы они ни исходили. Он добивался установления единого командования и управления, повышения боеспособности войск.

Все это создавало ему большую популярность среди тех, кто стремился к одной с ним цели. Князь Пожарский, как мы уже видели, поддерживал Ляпунова и его ополчение. И все же объединить в своих руках всю власть Ляпунов не смог.

Фактически ополчением руководили трое—Ляпунов, Заруцкий и Трубецкой. Им, по приговору войска, была вручена власть не только военная, но и административно-судебная над всей землей. На том, чтобы Ляпунов разделил власть с Заруцким и Трубецким, настаивали авантюристские элементы, приведенные в ополчение этими атаманами.

Заруцкий и Трубецкой раньше служили самозванцам, а теперь пристали к ополчению. Обоим им было выгодно очистить Москву от поляков. Заруцкий рассчитывал, что ему и Марине Мнишек с «воренком» удастся захватить власть.

Заруцкий давно был связан с Польшей. Не случайно Сапега, летом 1611 г. побывав под Москвой, поспешил связаться с Заруцким и, уходя, советовал Гонсевскому поддерживать и дальше эту связь с казацким атаманом.

Что же касается князя Трубецкого, то, как уже мы говорили, он надеялся в силу своей знатности стать царем.

Заруцкий и Трубецкой не намерены были поддерживать объединительную деятельность Ляпунова. В погоне за популярностью среди авантюристских элементов атаманы

поощряли своеволие, бесчинства, натравливали казаков на части Ляпунова, угрожали убить его. В лагере под Москвой начались раздоры, сопровождавшиеся столкновениями. Все это должно было ослаблять ополчение, помогало засевшим в Москве захватчикам.

Ляпунов, несмотря на сыпавшиеся со всех сторон угрозы, продолжал сурово наказывать за ссоры, буйства и т. п. Его деятельность имела все больший успех: в правящей тройке Ляпунов фактически стал занимать первое место. Это обстоятельство объединило на некоторое время Заруцкого с Трубецким.

30 июня 1611 г. была созвана Дума из представителей городов и областей. Большинство собравшихся составляли помещики, поддерживавшие Ляпунова. Дума приняла ряд постановлений, которые правительство ополчения должно было проводить в жизнь. Так, были приняты решения о поместьях, о вотчинах, о помощи обедневшим дворянам, о возвращении в войско всех здоровых помещиков и служилых людей, об изъятии поместий у тех, кто не явится на службу в ополчение, и ряд других постановлений, касающихся положения дворянства. В интересах крепостников было проведено также решение о возврате крестьян прежним владельцам. Это решение помещиков, направленное против крестьян, конечно, также должно было ослабить ополчение.

Был принят ряд постановлений, направленных и па укрепление дисциплины. Так, приказано было усилить суд и расправу над уличенными в разбое и своеволии; решено было не посылать в города казачьих атаманов, в большинстве связанных с Заруцким, а назначать туда дворян со стрельцами и казаками. В этой части приговор имел большое положительное значение и поддерживал Ляпунова в его деятельности.

С этого момента авантюристско-боярские элементы готовы были пойти на все, только бы избавиться от Ляпунова. В июле положение интервентов стало особенно критическим. Паны, очевидно, договорившись с Заруцким, пошли на очередную провокацию, чтобы избавиться от Ляпунова и ополчения. Сам Гонсевский, подделавшись под руку Ляпунова, сфабриковал письмо, в котором говорилось, что Ляпунов собирается истребить всех казаков. Фальшивку показали казакам Заруцкого. 22 июля 1611 г. вспыхнул казачий бунт, который атаманы всячески старались раздуть. Ляпунов пошел к казакам дать

ВОЕВОДА Д. ШЕИН В ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ОБОРОНЫ ГОРОДА СМОЛЕНСКА ОТ ПОЛЬСКИХ ВОЙСК

С картины художника К. Лебедева

объяснения по поводу подложного письма, не взяв с собой охраны. На собрании Ляпунов был схвачен и изрублен.

Поляки, Заруцкий и Трубецкой избавились от вождя первого всенародного ополчения. Основной причиной начавшегося развала ополчения, при разнородном его классовом составе, была попытка Ляпунова провести дворянскую программу, направленную против крестьян и казаков. Ошибкой Ляпунова было и то, что он привлекал в ополчение всякого рода авантюристов, только на основании заявлений о готовности их итти на Москву. А все это поставило под угрозу освобождение родной земли от интервентов.

Гибель Ляпунова и последовавший за нею развал ополчения совпали еще с одним поражением защитников родной страны. По указке Гонсевского изменническая Боярская дума потребовала от смолян сдать Смоленск королю. Но мужественные защитники Смоленска отказались подчиниться приказу и, в свою очередь, потребовали от захватчиков очистить русские земли.

К лету 1611 г. Сигизмунд стянул к Смоленску дополнительные военные силы, артиллерию и осадные орудия,

но храбрые защитники не собирались сдаваться. Начиная поход, король обещал шляхте быструю победу, а между тем осада длилась второй год, защитники Смоленска стойко переносили всякие лишения и геройски отражали наступления врага. По свидетельству современников, из 70—80 тыс. жителей в живых осталось не более 8 тыс., но сдаться врагу они не хотели. Ясно было, что панскому войску Сигизмунда не взять в открытом бою этот славный город-крепость. Но полякам удалось найти предателя-перебежчика из помещиков, который указал место около Крылосовских ворот, где можно было легче всего взорвать стену города и ворваться в Смоленск. Враги начали подкоп, чтобы подвести порох под стену.

В ночь на 3 июня 1611 г. польские отряды бросились на штурм Смоленска. Защитников города фактически насчитывалось всего 3—4 сотни. Но и на этот раз врагу была оказана достойная встреча: штурмующие вскоре были обращены в бегство. В то время когда поляки побежали с поля сражения, вдруг раздался сильный взрыв, и в образовавшийся пролом в стене малозащищенного участка крепости бросились польские части. Одновременно в городе начался пожар. Спасти город уже было нельзя.

Но смоляне все еще не сдавались. Чтобы ничего не досталось врагу, жители сами начали жечь дома. В одном здании хранилось много всякого добра, сданного жителями на хранение во время осады. В погребе под этим домом было 150 пудов пороха. Поляки, узнав о складе, бросились туда, стремясь скорее захватить добычу. Смоляне взорвали дом вместе с бывшими в нем поляками. Главный храм Смоленска был также взорван защитниками города. Под развалинами погибло около трех тысяч человек.

Овладев городом, поляки начали зверскую расправу с жителями, не считаясь ни с возрастом, ни с полом. В одной из башен заперся воевода Шеин с несколькими служилыми. Попытки взять башню не увенчались успехом. Паны предложили Шеину сдаться, обещая оставить ему жизнь. Когда же воевода сдался, паны подвергли его допросу под пыткой,—они хотели узнать, где спрятаны сокровища в городе. Ничего не узнав, захватчики заковали Шеина в оковы и увезли в Польшу.

С переходом Смоленской крепости в руки поляков освобождалась польская военная сила, Сигизмунд получал

возможность помочь Гонсевскому, осажденному в Москве (в это время первое всенародное ополчение взяло Белый город).

Но король и паны, взяв Смоленск, не пошли со всеми силами на Москву. Они не хотели рисковать—это казалось им опасным, они боялись восставшего народа. Если бы этот поход кончился неудачей, положение короля в Польше пошатнулось бы еще больше. Паны и без того были недовольны беспримерно длительной осадой Смоленска. Паны отказывались содержать за счет Польши большое войско, которое посылалось на Москву. Часть панов в Польше, боясь усиления власти короля, не хотела оставлять в его распоряжении крупные военные силы.

Поэтому паны решили закрепить за собой Смоленск, превратив его в свою опорную базу в Русском государстве, и одновременно послать на помощь Гонсевскому большой отряд под командованием литовского гетмана пана Ходкевича.

Король заявил, что приобретает Русское государство и подчиняет «московский народ» не для себя лично, а для польской короны. Еще наглее было заявление подканцлера Криского в польском сейме. «Какие тут переговоры,— говорил Криский,—когда и столица, и государство Московское у нас в руках? Должны они принять такое правление, какое даст им победитель... Куда хочешь поведи москвитянина,—он переменит страну, а души своей не изменит!.. Оружием следует кончать с ним дела, как начали»[1].

Такова была программа польских интервентов, захватывавших русскую землю и собиравшихся усесться на шее народов, населявших ее. Программа эта была утверждена как раз в тот момент, когда первое русское ополчение потерпело неудачу. Тем большую опасность для народов Русского государства представляла реализация этой программы.

В сердце Русского государства—Москве засел враг. В ряде областей бесчинствовали банды интервентов. Пан Лисовский грабил Псковскую землю. К северу от Москвы неслыханную по своей жестокости дикую расправу над мирным русским населением чинил пан Сапега. Старикам, женщинам, детям бандиты пана Сапеги «отрезывали носы, уши, отрубливали руки и ноги, жарили людей на угольях,

---

[1] *Костомаров,* Собрание сочинений, кн. 2, стр. 562.

обсыпали порохом и зажигали жилища, куда приходили»[1]. Таким путем Сапега сумел собрать целый обоз с продовольствием для гарнизона, сидевшего в Москве.

В Москве шел усиленный грабеж кремлевских сокровищниц. Сигизмунд III прислал распоряжение раздать всю государственную казну на уплату жалованья полякам. Захватчики выделили специальных «депутатов», которые в счет жалованья от имени короля раздавали интервентам кремлевские сокровища. Когда нехватало денег, полякам выдавали «жалованье» мехами, иконами с дорогими окладами, посудой, пуговицами, конской сбруей, одеждой.

Отчет русской казны устанавливал за это время расход 344 128 руб.—в переводе на деньги 1913 г. это составляло около 4 128 тыс. золотых рублей. Сюда, по данным отчета, не вошли деньги, забранные войском Сапеги, и вообще не учтено все то, «что разграблено в Московскую разруху».

Вельможный пан Гонсевский не забыл и о себе: кроме того, что он сумел сам награбить, ему под видом «государственных дел» было официально выдано «деньгами и рухлядью... 4 780 рублев и 11 алтын с деньгою», что в переводе на деньги 1913 г. составляло около 56 900 золотых рублей.

Польский король, даже стоя под стенами Смоленска, ухитрялся грабить московскую казну. В этом же отчете встречаются указания, что Сигизмунд III получил из московской казны «соболей и всякие мягкие и иные рухляди на 3 980 рублев и на 8 алтын 2 деньги». Кроме того, в Москве оплачивали королевские векселя, как гласит одна из записей, «соболями и бархаты, и атласы, и запонами, дано деньгами и рухлядью 6 545 рублев и 29 алтын и 2 деньги»[2]. Так, по официальному отчету, в переводе на деньги 1913 г. король лично получил из Москвы около 126 тыс. золотых рублей.

Только за 12 дней июня 1611 г., когда особенно ухудшилось положение интервентов, они забрали из русской казны ценностей на «118 429 рублев 15 алтын ½ деньги»[3], что в переводе на деньги 1913 г. составляло около 1 410 тыс. золотых рублей.

Захват Смоленска не исчерпал всех бедствий, которые пришлось испытать в это время исстрадавшемуся

---

[1] *Костомаров,* Собрание сочинений, кн. 2, стр. 577.

[2] «Русская историческая библиотека», т. II, стр. 225—226.

[3] *Там же,* стр. 229—241.

Русскому государству. На западе ему угрожали шведские интервенты, окончательно сбросившие теперь маску «союзников». Шведский сейм и король Карл IX настаивали, чтобы шведские войска скорее захватили Русское государство и его столицу.

Шведы решили начать с северо-западных русских земель и послали сюда войска. Они пытались взять сначала прибалтийские русские города—Ивангород, Ладогу, Орешек, Корелу. Но соседние города и прежде всего Новгород посылали ополчения на помощь осажденным и успешно отражали наступавшие войска интервентов. Врагу удалось взять только маленькую Корелу, героически защищавшуюся до последней возможности: здесь из 3 тыс. жителей осталось в живых всего 100 человек!

Наконец, в апреле 1611 г. Делагарди со своими шведскими наемниками двинулся на Новгород. Долго стояли шведы под городом, но взять город в открытом бою не могли. Ночью 16 июля 1611 г. интервенты, по указанию предателя, неожиданно ворвались в город со стороны Чудинцевых ворот. Все население героически защищало родной город. Стрельцы и казаки во главе со стрелецким головой Василием Гаютиным и атаманом Тимофеем Шаровым героически защищали город. Они не хотели сдаться и были все перебиты шведами в неравной сече. Новгородцы упорно защищали каждый двор. Так, некий Аммос отбивался со своими людьми до последней возможности, после чего, не желая сдаться врагу, сам поджег свой дом и погиб в огне.

Город был взят. «Победители» принялись грабить и издеваться над населением, убивать жителей. Захватчики угрожали, что разгром Новгорода будет продолжаться до тех пор, пока новгородцы не согласятся «добровольно» признать себя подданными Швеции. Наконец, боярин Одоевский и епископ согласились подписать «договор» о подданстве.

По этому «договору» создавалось отдельное Новгородское государство во главе с царем из шведских принцев. Шведы надеялись, что этого «царя» признают и остальные русские земли. Шведские интервенты, как и поляки, готовились к захвату всего Русского государства, а пока стремились раздробить его и этим еще больше ослабить.

Таким образом, значительная часть Русского государства к лету 1611 г. оказалась захваченной польскими и

шведскими интервентами. С юга в пределы русской земли врывались шайки крымского хана. Только Север и Поволжье уцелели, но и над ними нависла угроза, и не только со стороны Польши и Швеции, но и со стороны Англии.

Английский купец Джон Меррик, живший в 1611 г. в Холмогорах, систематически посылал в Лондон шпионские сведения, собранные им через своих приказчиков и агентов. Джон Меррик, надеясь на ослабление Русского государства, разработал для английского правительства проект осуществления английского протектората над русскими землями.

Предполагалось, что в результате интервенции власть Англии будет установлена над русским Севером и волжским путем в Каспийское море. Проект этот был одобрен английским правительством, и король Яков I «был увлечен планом послать армию в Россию, чтобы управлять ею через своего уполномоченного».

Таково было положение Русского государства к концу 1611 и началу 1612 г.

В это время под Москвой, после того как был убит Прокопий Ляпунов, оставались только силы Заруцкого и Трубецкого. В августе 1611 г. Сапеге легко удалось доставить в Кремль Гонсевскому людей и припасы. Часть стен Белого города была снова занята поляками. Атаманы под Москвой предавали дело освобождения столицы, но их войско требовало продлить осаду города.

Среди ополченцев начались раздоры. Заруцкий и Трубецкой угрожали сторонникам убитого Ляпунова, и многим из них пришлось оставить ряды ополчения. Всем, кто сознательно боролся за освобождение родины, было ясно, что с Заруцким и Трубецким нельзя победить наглого врага.

Неудача первого ополчения не поколебала решимости народа бороться до конца за свою национальную независимость. Нарастала невиданная готовность народных масс итти на всякие жертвы для спасения любимой родины. Первое ополчение показало путь к освобождению через объединение сил для борьбы. Русский народ и другие дружественные ему народы Русского государства учли опыт первого ополчения и теперь готовили отечественную освободительную войну.

НАРОДНАЯ ВОЙНА И ВТОРОЕ ВСЕНАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ. МИНИН И ПОЖАРСКИЙ — ВОЖДИ НАРОДА

С лета 1611 г., после распада первого ополчения, на Руси начинается упорная партизанская народная война. Под Москвой, вдоль дороги на Смоленск, в районах, куда ходили польские бандиты, создаются партизанские отряды из местного населения, главным образом из крестьян и ремесленников. В эти отряды вливаются и ополченцы, оставившие Заруцкого и Трубецкого. Несмотря на свою стихийность и распыленность, это движение было следующей стадией народной войны, в которую вовлекались массы на местах в борьбе с польской и шведской интервенцией.

Интервенты вскоре почувствовали деятельность партизанских отрядов, прозванных «шишами». «Шиши» выслеживали польские воинские части и при удобном случае нападали на них. Собираясь на путях, по которым поддерживалась связь с Польшей, «шиши» нарушали эту связь своими неожиданными налетами, добывали важные сведения о положении и движении врага. Влияние «шишей» скоро стало сказываться и на моральном состоянии польских сил. Начались переходы, дезертирства к «шишам» панских слуг, вывезенных из Польши. «Шиши» нападали на польские обозы с награбленным продовольствием и часто отбивали их, срывая таким образом снабжение осажденных в Москве захватчиков.

В сентябре 1611 г. польское правительство послало гетмана Ходкевича на помощь осажденным в Москве полякам. Узнав об этом, партизаны напали на передовой отряд Ходкевича, когда он приближался к Москве, и разбили его. Вскоре партизанам стало известно, что из Москвы навстречу гетману выслан отряд под командованием шляхтича Маскевича. Маскевич выехал с отрядом и собственными 16 лошадьми, на которых, как это делали тогда паны, намерен был погрузить награбленное добро. Неожиданно днем на отряд напали партизаны и разбили его, отобрав всю добычу. «Все досталось «шишам», и остался я с рыжею кобылою да с чалым мерином»[1], — рассказывает

[1] Сказания современников о Димитрии-Самозванце, т. V; *Костомаров,* Собрание сочинений, кн. 2, стр. 583.

Маскевич в своих воспоминаниях. Ему удалось вернуться в Москву, но и здесь его ждала неприятность: его слуга—«пахолок» убежал из Москвы к «шишам».

4 октября 1611 г. гетман Ходкевич подошел со своим войском к Москве. 10 октября он попытался было пробиться в город со стороны Андроньевского монастыря. Но эта попытка была отражена русскими. Ходкевич расположился лагерем в Красном селе, где простоял весь октябрь, поддерживая связь с Гонсевским.

Интервенты, засевшие в Кремле, начали требовать от Ходкевича и польского правительства, чтобы их сменили и дали им возможность вернуться в Польшу. Захватчики по многим причинам предпочитали быть в Польше. Несмотря на все кажущиеся успехи, они фактически осаждены были в столице государства и испытывали сильный недостаток в продовольствии. К тому же они боялись разгоравшейся народной войны. Панам приходилось опасаться и своих собственных слуг: последние уходили в русские отряды, помогая партизанам еще успешнее бороться с захватчиками. «Мы,—жаловались поляки, засевшие в Кремле,—уже и так стоим в чужой земле больше года, теряем жизнь и здоровье, терпим голод. Мешок ржи стоит дороже мешка перцу; голодные лошади прогрызают дерево... Москва хватает у нас беспрестанно челядь... Возьми, пан гетман, Москву на себя, а нас отпусти»[1].

Но у Ходкевича не было достаточно резервов, и он не мог сменить осажденных. Гетман предложил Гонсевскому послать чуть не половину осажденных в ближайшие города и волости, чтобы раздобыть продовольствие для оставшихся в Москве. В счет «жалованья» Ходкевич предложил бандитам забрать из казны два царских венца, два единорога, царский посох и другие ценные вещи. По тогдашней оценке два венца стоили около 100 тыс. польских злотых, два единорога—674 тыс. злотых.

28 октября Ходкевич, пообещав в декабре прислать новую помощь и смену осажденным, двинулся в обратный путь, имея всего около полутора тысяч человек. Да и тех он в значительной степени растерял по дороге в столкновениях с партизанами.

Вскоре почувствовали присутствие партизан и польские отряды, ушедшие добывать продовольствие для Москвы.

[1] *Костомаров*, Собрание сочинений, кн. 2, стр. 584.

«ШИШИ» В ДОЗОРЕ

С рисунка художника С. Зейденберга

Партизаны выслеживали грабителей, часто помогали населению в схватках с ними. Внезапными нападениями партизаны не раз обращали отряды поляков в бегство, вынуждая их бросать награбленное. Партизаны выгоняли поляков даже из городов, например, из города Суздаля в декабре 1611 г. Под Ростовом партизаны разгромили польских грабителей, захватив их командира в плен.

В Москве захватчики уже сидели без продовольствия. Окрестное население не хотело поддерживать с ними связи, а у поляков не было сил заставить его снабжать Москву. Посылаемые экспедиции не могли регулярно снабжать продовольствием гарнизон интервентов: этому мешали партизаны. Польский дневник событий говорит, что в декабре 1611 г. гетман Ходкевич, «собрав сколько можно было продовольствия из всего войска, какое у него было, послал его с князем Корецким, который по причине морозов с великим трудом доставил его в Москву, потеряв несколько сот возов,—русские отбили их» [1].

[1] «Русская историческая библиотека», т. I, стр. 284.

Один поляк-очевидец пишет: «Нельзя было разводить огня, нельзя было на минуту остановиться,—тотчас откуда ни возьмутся шиши; как только роща, так и осыпят они нас. Сильный мороз не давал брать в руки оружия. Шиши отнимали запасы и быстро исчезали. И вышло так, что, награбивши много, поляки привезли в столицу очень мало»[1].

К началу 1612 г. польский гарнизон в Москве получил из Польши обещанные подкрепления. Опять пришел гетман Ходкевич и сменил часть гарнизона в Москве. Отсюда поляки продолжали высылать отряды за продовольствием, которое добывалось только путем грабежей и насилий. Это еще более усиливало сопротивление народа.

Росли отряды «шишей». Они пользовались всяким удобным случаем для нападения на польские отряды. Шляхтич Маскевич, неоднократно встречавшийся с «шишами», рассказывает о случае в деревне Родна. Здесь поляки стали грабить крестьян. Паны так увлеклись, что никто не подумал о карауле. Этим воспользовались партизаны. Они внезапно ударили на поляков и стали их громить. Паны должны были бросить все награбленное и своих лошадей и бежать кто куда. «Москвитяне так неожиданно напали на нас, что наши едва успели сесть на коней, и то многие без седел... Русские, имея теперь все в своей власти, захватили и мои вещи...—говорит Маскевич.— Я остался с одной клячей, на коей сидел»[2].

Паны, находившиеся в Москве, старались поддерживать постоянную связь с Польшей. Всеми силами интервентов в центре России командовал теперь гетман Ходкевич—гарнизоном, находившимся в Москве, отрядами, ходившими за продовольствием, и войском, с которым он пришел из Польши. Гетман стоял близ Смоленской дороги, обеспечивая связь с Польшей, откуда к нему подходили подкрепления. Так, в марте 1612 г. прибыла тысяча человек. Ранее ушедшие в Польшу паны, как, например, Струсь, набирали там новые отряды и возвращались с ними обратно.

Приход новых польских шаек сопровождался новыми грабежами и насилиями над русским населением. Защищая родную землю, отряды «шишей» боролись с отрядами интервентов с исключительной находчивостью и героизмом.

---

1 *Костомаров*, Собрание сочинений, кн. 2, стр. 586.

2 Сказания современников о Димитрии-Самозванце, т. V, стр. 115—116.

НИЖНИЙ НОВГОРОД XVII в.

Из книги XVII в. А. Олеария «Описание путешествия в Московию»

В феврале 1612 г. паны послали в Москву отряд полковника Косцюшкевича с награбленным продовольствием. С этим отрядом ехал и Маскевич. «Едва отошли мы на милю или на две от гетманского лагеря,—рассказывает Маскевич,—напали на нас шиши и без труда одержали победу: ибо находившиеся при возах наших Москвитяне тотчас передались к своим, а другие загородили путь повозками... враги разорвали наш отряд...»[1] Часть отряда Косцюшкевича бежала в Польшу, а остальные бросились в разные стороны, и только незначительная часть возвратилась потом к Ходкевичу.

Героически, самоотверженно боролись с захватчиками и одиночки из народа. Остатки шайки Косцюшкевича в дер. Вишенке взяли в проводники встретившегося им на пути какого-то русского крестьянина. Крестьянин повел шайку к городу Волоколамску, зная, что там стоит русский отряд. Такой героический поступок, стоивший ему жизни, мог совершить только истинный патриот своей родины.

Маскевич так рассказывает об этом эпизоде: «Тут в деревне Вишенке мы поймали старого крестьянина и взяли

[1] Сказания современников о Димитрии-Самозванце, т. V, стр. 117—118.

его проводником, чтобы не заблудиться и не набресть на Волок, где стоял сильный неприятель. Он вел нас в одной миле от Волока; ночью же нарочно повернул к сему месту. Уже мы были от него в одной только версте: к счастью, попался нам (пан) Руцкий... от него узнали, что мы сами идем в руки неприятелю, и поспешили воротиться. Проводнику отсекли голову, но страха нашего никто не вознаградит»[1]. Таких героев было тогда много на Руси. К сожалению, история сохранила имена немногих из них.

«Шиши» боролись с захватчиками не только в центре русской земли. Они действовали уже и у границ Польши, в частности под Смоленском, угрожая и польским отрядам, двигавшимся на Русь. Так, под Смоленском была разбита «шишами» и обращена в бегство вновь набранная в Польше и двигавшаяся на Москву шайка пана Струся. Народная война охватывала все большее пространство Русского государства.

Но и интервенты не собирались отказываться от добычи. Наоборот, они считали, что именно теперь эта добыча в их руках: ведь борющиеся не имели государственного центра, в столице уже сидели поляки, и, наконец, Русское государство не имело войска. Интервенты полагали, что силой и жестокостью удастся, наконец, принудить народы Русского государства признать власть польских панов.

Зверства панов зимой 1611/12 г. превзошли все, что видел народ раньше. Целые селения, города сжигались, люди оставались без крова, без пищи, без одежды, они гибли тысячами от мороза, от голода, от болезней. «Тогда была на Русскую землю такая беда, какой не бывало от начала мира»[2],—говорит одно современное сказание.

Но все это не могло убить в русском народе решимости бороться за свою национальную независимость, за свою родину. Наряду с разрозненной и стихийной партизанской войной в разных уголках русской земли шла уже подготовка второго народного ополчения, возглавляемого вождями, выдвинутыми самим народом.

Главная заслуга партизан заключалась в том, что они не дали захватчикам укрепиться в Москве, в Русском государстве. Своей борьбой «шиши» облегчили организацию

---

[1] Сказания современников о Димитрии-Самозванце, т. V, стр. 118.
[2] *Костомаров,* Собрание сочинений, кн. 2, стр. 589.

КОЗЬМА МИНИН ПРИЗЫВАЕТ НИЖЕГОРОДЦЕВ НА БОРЬБУ С ПОЛЬСКИМИ ИНТЕРВЕНТАМИ

С картины художника И. Репина

второго ополчения, война затянулась, силы врага истощались. «Шиши» подготовили разгром польской интервенции вторым ополчением, дали возможность создать это ополчение.

Как и при создании первого ополчения, мысль о необходимости объединения народных сил возникла сразу во многих местах. Из городов Поволжья рассылались грамоты в другие области государства, призывавшие объединиться для борьбы за родину. Жители Казани, например, писали в Пермь, что они вместе с поволжскими народами— татарами, чувашами, марийцами и удмуртами, вместе с жителями других русских городов, прежде всего Нижнего-Новгорода, приняли решение продолжать борьбу против польских захватчиков, стоять за Русское государство[1]. Города посылали не только призывы, но и послов. Так крепла связь между народами.

Вскоре руководящая роль в объединении народного движения перешла к Нижнему-Новгороду. Это был один из крупнейших после Москвы городов на Руси. Он был хорошо связан с северо-восточными областями и с восточными окраинами Русского государства и располагал большими средствами. Как ближайший крупный русский центр, этот город сыграл большую роль в объединении разных народностей России, в частности Поволжья, для борьбы против врагов государства. Город этот всегда чувствовал себя частью Русского государства, жил общей с ним жизнью.

Польские интервенты в Нижний-Новгород не решались заглядывать, хотя именно здесь им было, чем поживиться. Зато отсюда все время шли добровольцы в дружины, организуемые для борьбы против захватчиков. В этих дружинах были и дворяне, но преимущественно в них входили посадские люди, прежде всего ремесленники.

Нижегородцы все время внимательно следили за событиями на Руси. Они поддерживали письменную связь с городами, дружинами, со столицей, с патриархом Гермогеном. В Нижнем в массе посадского люда возникло движение, создавшее новое ополчение для борьбы против захватчиков. Первым, выдвинувшим мысль о всенародном ополчении, был Козьма Захарович Минин-Сухоруков.

Минин был небогатым человеком—мелким торговцем, который «убогою куплею питался» от продажи мяса и

---

[1] См. Собрание государственных грамот и договоров, т. II, стр. 593.

рыбы. Минин, хотя и неграмотный, всегда интересовался общественной жизнью и был популярен среди посадской массы. Посадские и выбрали его своим старостой, доверив ему судить и разбирать их споры, руководить ими. Минин не оставался в стороне и от вооруженной борьбы с захватчиками. Он участвовал добровольцем в ополчениях нижегородцев, не раз бился с поляками и изменниками. Он не знал «шатости», колебаний, это был убежденный патриот русской земли, лучший сын русского народа.

Вскоре после разгрома первого ополчения Минин стал «в земской избе и иде же аще обреташеся» убеждать народ и руководителей города взяться за организацию второго ополчения.

Свои выступления Минин начал прежде всего в «земской избе», т. е. перед своими избирателями—народом. Здесь, очевидно, и был вынесен первый «приговор» об организации всенародного ополчения.

Таким образом, начало движения безусловно шло непосредственно из народных масс.

«Почин принадлежал бесспорно нижегородской тяглой посадской общине, а в среде этой общины—ее земскому старосте—Минину» [1].

Опираясь на поддержку и решение народа, Минин еще шире развернул свою деятельность. По поручению народа, он взял на себя всю тяжесть организации великого дела освобождения родной земли. Козьма Минин проявил себя не только как горячий патриот, но и как крупнейший государственный деятель—организатор.

В октябре 1611 г. Минин, вопреки сопротивлению некоторых изменников, добился согласия нижегородских властей поддержать организацию ополчения. Вскоре на собрании народа у церкви Спаса после прочтения одной из грамот, описывавшей страдания русской земли под игом захватчиков, выступил Минин.

Он указывал на страшную угрозу Русскому государству со стороны польских интервентов.

Он выражал глубокую веру в силу народа.

Он призывал пожертвовать всем для освобождения страждущей родной земли.

Он говорил о своей личной готовности отдать все на это великое и правое дело.

---

[1] *С. А. Платонов,* Очерки по истории смуты, стр. 501, СПБ, 1910 г.

«Православные люди,—говорил Минин,—если нам похотеть помочь Московскому государству, не пожалеем животов наших, да не токма животов... дворы свои продадим, жен и детей заложим... Дело великое!.. Мы совершим его... И какая хвала будет нам от всей земли, что от такого малого города произойдет такое великое дело! Я знаю: только мы на это подпимемся, многие города к нам пристанут, и мы избавимся от чужеземцев!» Так говорил Козьма Минин с народом. Так мог говорить только патриот, выражающий мысли и настроения народа. Очевидец утверждает, что народ плакал, слушая эту речь.

Минин выступал еще много раз перед народом в разных концах города, горячо убеждая подняться на борьбу с интервентами.

На «миру», на собрании горожан, было решено поручить Козьме Захаровичу руководство организацией нового ополчения. «Ты будь нам старший человек; отдаем себя во всем на твою волю!»—заявило собрание[1]. Этим решением народ облекал Минина неограниченными полномочиями. Выбирая Минина, народ подчеркивал свою решимость бороться до конца. Ополчение скоро стало расти. В лице Минина народ выдвинул способнейшего своего сына, правильно выражавшего тогда мечты и чаяния народа, способного организовать народ на борьбу против чужеземных захватчиков.

Русский народ поет с того времени в песне:

Пойдем-ко мы сражатися
За матушку за родну землю,
За родну землю, за славный город Москву:
Уж заполонили-то Москву проклятые поляки злы!
Разобьем их, много перевешаем[2].

Вскоре встал вопрос о военном руководителе нового ополчения. И на этот раз волею народа был выдвинут человек, который тоже никогда не был в «шатости», никогда не пошел на измену, был известен как непримиримый враг захватчиков, не перестававший бороться против интервентов. Это был князь Димитрий Михайлович Пожарский.

Не случайно народ выбрал именно Пожарского. Пожарского видели отражающим интервентов в Зарайске;

---

[1] *Костомаров,* Собрание сочинений, кн. 2, стр. 592.

[2] *Киреевский,* Песни, вып. VII, стр. 22; *Костомаров,* Собрание сочинений, кн. 2, стр. 593.

Пожарского видели спешащим на выручку к Ляпунову; Пожарского видели во главе передового отряда, ворвавшегося в Москву на помощь восставшему народу 19 марта 1611 г.; Пожарского же видели сражающимся в первых рядах на Лубянке 19—20 марта 1611 г. в битве с захватчиками, когда он был тяжело ранен. О Пожарском и вспомнил народ, когда нужно было назначить военного руководителя нового ополчения.

Князь в это время после полученного тяжелого ранения находился на излечении у себя в Суздальской вотчине в 120 верстах от Нижнего.

Осенью 1611 г., когда Пожарский не совсем еще оправился от ранения, к нему обратились нижегородцы с предложением взять на себя руководство новым ополчением. Д. М. Пожарский оказался достойным руководителем великого дела освобождения народа от ига иноземных захватчиков. Он возглавил вместе с Мининым борьбу против врагов Русского государства.

Пожарский сразу же отказался вмешиваться в хозяйственно-организационные дела ополчения, оставив за собой только военное руководство. Он предложил передать все невоенные вопросы в ведение Минина, «чтобы мог быть со мною у великого дела, ведал бы казну на жалованье ратным людям».

Минин согласился взять на себя выполнение почетного и ответственного поручения народа—обеспечить организацию сил, их содержание и вооружение, став «выборным человеком от всей земли». Но он потребовал от народа, чтобы ему были даны неограниченные полномочия. Минин понимал, что без войска нельзя разгромить врага, что народ должен был пойти на всякие жертвы, чтобы создать крепкую военную силу.

Принимая на себя руководство, Минин говорил: «Когда так, я прошу, поставьте приговор, приложите руки на том, чтобы слушаться меня и князя Димитрия Михайловича Пожарского, ни в чем не противиться, давать деньги, нужные на жалованье ратным людям, а если денег не будет, то силою брать у вас животы, даже жен и детей в кабалу отдавать, чтобы ратным людям скудости не было»[1].

С выбором вождей был сделан первый шаг в организации сил всенародного ополчения.

---

[1] *Костомаров*, Собрание сочинений, кн. 2, стр. 593—594.

Не теряя времени, Минин энергично принялся собирать средства. Нижегородцы не только первыми вынесли решение об организации ополчения, но и первыми начали собирать средства. Минин строго придерживался правила: кто богаче, тот должен больше внести на ополчение. Сборщикам он дал наказ: «Богатым понаровки не делать, а бедных неправедно не утеснять», вообще, «денег взять, смотря по пожиткам и по промыслом». Для сбора была установлена с каждого жителя пятая и даже третья «деньга» (часть стоимости имущества). Кроме специального сбора с населения все местные поступления в казну также передавались на содержание войска.

Выделили людей, которые оценивали имущество облагаемых и брали положенную часть на народное дело. Сам Минин, все имущество которого оценивалось в 300 руб., внес третью часть—100 руб. немедленно после принятия постановления общим собранием горожан. Минин строго следил за тем, чтобы никто не уклонился от уплаты сбора. Но нужно признать, что таких почти не было; наоборот, часто наблюдалось, что жители вносили больше, чем с них полагалось. Современники приводят много примеров такого проявления патриотизма. Так, один очевидец рассказывает о вдове, которая оставила себе только одну шестую часть стоимости имущества, отдав пять шестых в казну ополчения[1].

Скоро распространилась весть о готовящемся ополчении, и еще до получения официальных грамот в Нижний-Новгород стали собираться ратные люди. С приездом Пожарского в Нижний (в конце октября 1611 г.) началась военная подготовка кадров нового ополчения.

Одними из первых присоединились к ополчению две тысячи смолян, уже имевших большой опыт в борьбе с захватчиками.

Смоляне очень помогли Пожарскому в обучении новых пополнений.

Из Нижнего рассылались грамоты по городам и волостям. В этих грамотах описывалось состояние Русского государства, грабежи и насилия интервентов, сообщалось об организации нового ополчения. Грамоты нижегородцев были полны горячих патриотических призывов—«стояти за один», «душами и головами стать обще», «ожить и

---

[1] См. Хронограф, «Отечественные записки», 1850 г.; *Костомаров*, Собрание сочинений, кн. 2, стр. 594.

умереть вместе». По получении этих грамот жители городов собирали средства, выделяли людей в ополчение и посылали их к Пожарскому.

Организационный период занял около 4—5 месяцев. В условиях того времени было очень трудно установить и поддерживать связь с разными частями государства. Не легко было также быстро собрать необходимые средства и людей. Тем не менее даже из тех мест, где давно господствовали захватчики, население посылало средства и людей. Так было, например, с коломенцами.

На борьбу за освобождение родины шли русские, татары, чуваши, мордва, удмурты и другие, откликнувшиеся на призыв «всяких людей Нижнего-Новгорода». Из Казани, Чебоксар и других мест поступали деньги и ополченцы. К февралю 1612 г. в Нижнем собрались уже значительные силы.

Находились люди—среди воевод, стряпчих и т. п.,—которые не верили в успех ополчения, поддерживали связь с захватчиками и изменниками-боярами и даже пытались добиться отделения национальных окраин от Русского государства. Так было, например, в Казани, где у власти стоял изменник Биркин. Народ выступал против таких изменников, ибо понимал, что раздробление только ослабило бы силы и обороноспособность родины.

Когда поляки в Москве узнали о подготовке нового ополчения, Гонсевский безуспешно пытался заставить патриарха Гермогена выступить против ополчения. Атаман Заруцкий решил перехватить верхневолжские города, в частности Ярославль, чтобы не дать движению разрастись.

В этот момент Минин и Пожарский выступили со своими силами из Нижнего. В одной из грамот вождей нового народного ополчения писалось, что начинается война «против безбожных латынян и против своих изменников».

М. Н. Покровский даже этот этап освободительной борьбы русского народа пытался извратить, загнав в свою антиисторическую схему. По его мнению, «в лице Минина и Пожарского одержали победу помещичье землевладение и торговый капитал» [1]. Покровский отрицал подъем народного патриотизма, утверждая, что «защита родины и защита мошны у этих людей (Минина и др.—*А. К.*), как у буржуазии всех времен, сливались таким образом в одно» [2].

---

[1] *М. Н. Покровский,* Русская история в самом сжатом очерке, т. I—II, стр. 79.

[2] *Там же,* стр. 78.

Самоотверженный порыв народных масс, поднявшихся по призыву Минина защищать родную страну, Покровский сводил к «подкупу служилых людей». Мол, «гениальная выдумка» Минина и заключалась в том, что он положил высокое жалованье тому, кто пойдет к нему в ополчение[1].

Покровский считал движение Минина и Пожарского даже контрреволюционным, так как оно, мол, направлено было против «демократической революции» с Тушиным во главе. И когда, по Покровскому, тушинские бояре изменили и «восставшие массы не могли оказать сопротивления», «перед купеческо-помещичьим ополчением был только один организованный противник—польское войско в Кремле», с которым, дескать, «справиться было нетрудно»[2].

Все эти «взгляды» не имеют ничего общего с действительной историей нашей родины. Они являются голыми схематическими и социологическими упражнениями, клеветнически извращают историю великого русского народа, который вместе с другими дружественными ему народами страны, во главе с истинными патриотами Мининым и Пожарским, разгромил наглых захватчиков-интервентов.

ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ И ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗГРОМ ПОЛЬСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

К моменту выступления Минина и Пожарского из Нижнего-Новгорода организация ополчения была еще далеко не закончена.

Минин и Пожарский верили в народ, в его силы, в его героизм, в его готовность до последней капли крови защищать родную страну. Призыв к освобождению родной земли и прежде всего русской столицы уже был подхвачен народными массами. Все время подходили пополнения. Руководители ополчения рассчитывали на то, что с

---

[1] См. *М. Н. Покровский*, Русская история в самом сжатом очерке, т. I—II, стр. 77.

[2] См. *Там же*.

выступлением в поход приток подкреплений и средств еще более усилится. Нужно было выступить и потому, что вражеские силы пытались сорвать организацию ополчения, захватить важнейшие города и области, готовые присоединиться к Минину и Пожарскому.

Узнав в феврале о движении отряда Заруцкого на Ярославль, Пожарский сразу же послал туда отряд под командованием князя Димитрия Петровича Пожарского-Лопаты и дьяка Самсонова. Этот отряд не дал возможности Заруцкому захватить Ярославль.

В феврале—начале марта 1612 г. (по словам летописца—«в великий пост») новое ополчение выступило из Нижнего-Новгорода.

Начиная поход, руководители ополчения всесторонне взвесили все соображения, связанные с выбором пути. Кратчайший путь на Москву лежал через Владимир и Суздаль. Но от этого пути Минин и Пожарский отказались. Они решили пойти более далеким путем—через Кострому и Ярославль. В этом районе Минину и Пожарскому легче было продолжать организацию ополчения, сноситься со сравнительно мало разоренными северными областями государства и очищать их от бродивших банд интервентов. Выбрав это направление, Минин и Пожарский могли использовать для связи с областями и удобные речные пути—Волгу с ее притоками и защитить от Заруцкого богатые и важнейшие узловые пункты—Ярославль и др.

С первых же дней похода ополчение встречало горячий прием у населения. Когда Пожарский пришел в Балахну, в его войско влился отряд, организованный местными жителями, а в казну ополчения были внесены значительные средства. Так же встретили ополчение и жители города Юрьевца: местные татары организовали отряд, который влился в ополчение.

Основное ядро ополчения составляли те силы, которые дал русский народ. Но призыв к освобождению русского многонационального государства был подхвачен и другими народностями России. Они тоже давали пополнения Пожарскому и Минину. Народы Поволжья, Севера и даже далекой Сибири прислали свои отряды во второе ополчение. Было здесь и несколько тысяч казаков.

Не всегда и не везде население дожидалось прихода Пожарского, чтобы принять участие в деле освобождения родины. Жители многих городов по собственному почину

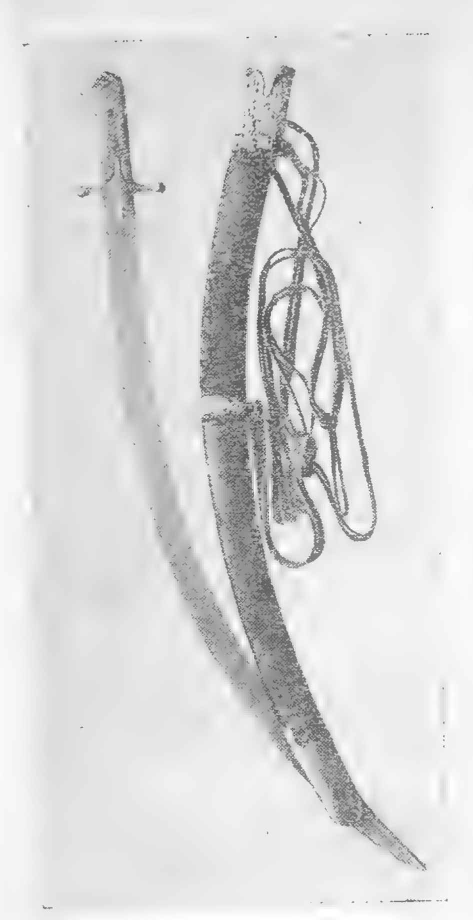
подымались против захватчиков и изменников. Народная война против интервентов часто была одновременно и классовой борьбой с изменниками-боярами. В Костроме, например, еще до прихода ополчения шла острая борьба между народом и городским воеводой бояриним Иваном Шереметевым. Предатель не хотел допустить перехода города на сторону ополчения и готовил силы против Пожарского. Но народ отказался подчиняться Шереметеву и готовился к восстанию, известив об этом Пожарского.

Ополчение успешно продвигалось вперед, везде получая помощь, всюду встречая восторженный прием со стороны народных масс. Из Юрьевца Пожарский пошел в Решму, откуда установил связь с Владимиром, получая от тамошнего воеводы Измайлова сведения о действиях Заруцкого и Трубецкого.

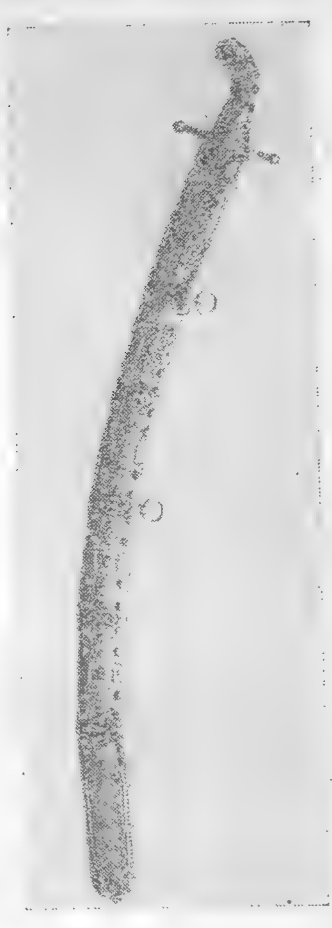
Заруцкий и Трубецкой видели, что им не остановить победного движения нового ополчения: казаков нельзя было заставить выступать против Пожарского, попытки выдвинуть новых самозванцев не имели успеха.

Заруцкий и Трубецкой решили внешне признать новое ополчение. Не отказываясь от своих планов, они решили до поры до времени итти вместе с Пожарским, чтобы при первой же возможности избавиться от него. Они прислали своих послов в Решму, которые выразили согласие бороться против интервентов и приглашали ополчение следовать прямо на Москву. Хотя Минин и Пожарский ответили этим послам, что ополчение скоро пойдет к Москве, все же оно продолжало двигаться в сторону Костромы и Ярославля. Пока ополчение не очистило от врагов значительной территории в своем тылу, пока оно не усилилось новыми подкреплениями, нельзя было рисковать итти к Москве, где Заруцкий и Трубецкой могли их каждую минуту предать. Это было правильное решение. Минин и Пожарский все время, помня в частности уроки Ляпуновского ополчения, проявляли большую осторожность в отношении всех тех, кто раньше был так или иначе причастен к самозванцам. Вот почему из Решмы ополчение пошло в Кинешму, а оттуда в Кострому. Здесь к тому времени вспыхнуло восстание, и костромичи присоединились к Минину и Пожарскому. Пожарский назначил им нового воеводу.

Уже в это время в лице Минина и Пожарского население видело свое правительство. Они посылали на места воевод, которые прежде всего должны были организовать

САБЛЯ КОЗЬМЫ МИНИНА

САБЛЯ ДИМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

сбор средств и людей для ополчения. Власть руководителей ополчения была признанной народом властью. Население обращалось к Пожарскому с просьбами о присылке отрядов для защиты от врагов. Так, в Кострому прибыли послы от жителей Суздаля с просьбой защитить их от Заруцкого и установить в их городе власть нового ополчения. Пожарский и сюда отправил отряд под командованием Пожарского-Лопаты, который успешно выполнил просьбу суздальцев.

Из Костромы ополчение двинулось на Ярославль, куда прибыло к 1 апреля. И здесь жители с радостью

встречали народное войско. Воодушевляемые чувство патриотизма, ярославцы объявили, что они готов отдать свою жизнь и все имущество для спасени отечества.

Народные массы глубоко верили Минину и Пожарско му, популярность которых росла с каждым днем. Основ этой популярности была верность родине, на деле д казанная народными вождями.

Пожарский стоял в Ярославле до августа, продолжа организацию ополчения. Крайне сложная обстановка, усу губляемая многочисленностью врагов, задерживала дв жение ополчения к Москве. Необходимо было очистить с верные и поволжские земли от захватчиков, укрепит связи с населением и создать крепкую государственну власть.

Из Ярославля Минин и Пожарский продолжали ра сылать по всей Руси грамоты с призывами присылат деньги и людей для пополнения ополчения. Грамоты эт показывают, какой силы достигло чувство любви к р дине, как выросла решимость народа отстаивать сво национальную независимость. «А будет вы,—говорилос в одной из таких грамот,—от того вора (Заруцкого.— *А. К.*) и от Марины, и от сына ее не отстанете, и с нам и со всею землею будете не в соединенье, и враги наш Польские и Литовские люди, царствующий град Москв и все грады Московского государства до конца разорят и всех вас и нас конечно погубят, и землю нашу пусту беспамятну учинят, и того всего взыщет бог на вас, что вы своим развратьем с нами не в соединенье; да и окрест ные все государства назовут вас предатели своей вере отечеству»[1].

В Москве сидели польские захватчики, которым Сигиз мунд III мог оказать помощь. Нельзя было забывать и шведских захватчиках. К этому времени Пожарский, ве роятно, имел уже сведения и о замыслах Англии. Пр таких условиях спешить было рискованно.

Трудности усугублялись тем, что среди людей, окру жавших Минина и Пожарского, находилось немало измен ников, в частности сторонников Заруцкого и Трубецкого Подозревая подлинные намерения Заруцкого и Трубецкого, Пожарский не спешил соединиться с ними. «Мы же,—

[1] Древняя Российская Вивлиофика, ч. XV, стр. 187, изд. II, М., 1790 г.

писал он,—видя злое начинание Ивана Заруцкого... под Москву не пошли»[1].

Минин и Пожарский даже в эти трудные минуты организации похода на Москву не забывали и о других землях, захваченных у России врагами. «И теперь надобно,—говорил Пожарский послам новгородцев,—чтобы Новгород с Российским государством был попрежнему». И новгородцы понимали этот призыв великих патриотов, отвечая: «Мы со всем Московским государством вместе... хотим помереть». Пожарский писал в Новгород, чтобы население присоединялось к ополчению и не доверяло лицемерным обещаниям шведских интервентов. «Мы уже искусились,—писал он,—изведали опытом, что ненадежно полагаться на государей иноземных»[2].

Минин и Пожарский проявили и крупные дипломатические способности, сумев оттянуть разрешение вопроса об официальном признании шведского королевича русским царем, чем задержали возможное наступление шведских интервентов.

Пожарский понимал, что великое дело освобождения родной земли не может быть доверено наемникам. Поэтому он наотрез отказывался от предложения группы иностранцев-офицеров, желавших наняться в ополчение. Напомнив им об изменах прежних иностранных наемников—Маржерета и др., Пожарский категорически отверг эти предложения, расценивая их как попытку перебросить шпионов и изменников в лагерь ополчения. «Нам его услуги и вообще наемные люди теперь не нужны: мы сами справимся с польскими и литовскими людьми—сами Российским государством и без наемных людей»[3].

В то время как среди бояр, окружавших руководство ополчения, начались интриги, наблюдались стремления захватить власть в свои руки, Минин и Пожарский дружными усилиями успешно пресекали козни врагов. В грамотах имя князя Пожарского «с товарищи» всегда стояло рядом с именем «выборного человека всей земли» «говядаря» Минина-Сухорукова. Минину князь в свое отсутствие поручал даже командование войском, как это было, например, вскоре после выступления из Ярославля.

---

[1] Собрание государственных грамот и договоров, т. II, стр. 595, № 281.

[2] Акты Археографической экспедиции, т. II, стр. 270.

[3] Собрание государственных грамот и договоров, т. II, стр. 606—607, № 285; *С. Смирнов,* Биография кн. Д. М. Пожарского, стр. 58, М., 1852 г.

При решении важных дел Минин и Пожарский всегда совещались «со всею ратью», со всеми властями и с посадскими людьми, «как бы земскому делу было прибыльнее» (полезнее.—*А. К.*). Эта связь вождей с народом укрепляла ополчение и обеспечивала успешную борьбу за освобождение родной страны. Минин и Пожарский требовали, чтобы и на местах сбор средств и людей для ополчения проходил «со всякими людьми общим советом», чтобы нигде ни на минуту не забывали об опасности, грозящей родине, чтоб «от таких находящих бед... Московское государство в конец бы не разорилося»[1].

Вожди, призванные народом и опирающиеся на его доверие и поддержку, сумели преодолеть все козни и интриги врагов.

В Ярославле была создана государственная власть. Минин и Пожарский проявили себя как крупнейшие русские государственные деятели того времени.

Крепли силы ополчения. В числе других в Ярославль прибыли и посланцы от южных земель Русского государства, давно стонавших под игом захватчиков. Посланцы сообщили, что южные земли, откликнувшись на призыв нижегородцев, послали к Москве ополчение, которое будет ожидать Пожарского у Никитских ворот.

Тем временем между Трубецким и Заруцким обострились разногласия. Трубецкой, не оставивший намерения стать царем, считал, что невыгодно итти против войска и народа, а лучше на время присоединиться к Пожарскому. Заруцкий же решил устранить Пожарского. Но убийцам, подосланным в Ярославль Заруцким, благодаря бдительности народа не удалось убить Пожарского.

В Польше спешно собирали силы против нового русского ополчения. Под командованием гетмана Ходкевича в Москву были высланы войска. Гетман надеялся, что и на этот раз панам поможет Заруцкий.

Наступил решительный момент. Нужно было немедленно двинуть русское войско, чтобы до прихода войск Ходкевича освободить столицу и изгнать польских захватчиков из родной земли.

Перед выступлением на Москву Пожарский своевременно принял меры к тому, чтобы не дать возможности шведам или англичанам нанести внезапный удар русскому войску.

[1] Акты Археографической экспедиции, т. II, стр. 256.

С этой целью один русский отряд был выслан в Белоозеро для прикрытия от шведов, другой—в Архангельск для отражения возможных попыток английской интервенции со стороны моря. Пожарскому были уже известны английские проекты интервенции, к которой Лондон начал готовиться, наметив для России даже... вице-королей (по плану короля Якова I—«уполномоченных») Джона Меррика и Вильямса Росселя. В конце навигации 1612 г. эти «вице-короли» отправились в Россию, но к моменту их прибытия Москва была уже освобождена от польских захватчиков. Оставив тогда мысль об интервенции, «вице-короли» поспешили в Москву в качестве послов Англии. Таким образом, только успешная борьба второго ополчения не дала возможности англичанам осуществить интервенцию в Россию.

В июле 1612 г. Пожарский послал к Москве два передовых отряда: один—Дмитриева и Левашева с приказанием занять позиции у Петровских ворот и другой—Пожарского-Лопаты и Самсонова с приказанием стать у Тверских ворот. Обоим отрядам Пожарский категорически запретил соединяться с силами Заруцкого и Трубецкого. И в данном случае князь Пожарский поступил опять правильно.

Заруцкий пытался ночью внезапно напасть на Пожарского-Лопату, но казаки не захотели сражаться, и Заруцкий, потерпев поражение, вынужден был бежать из-под Москвы.

17 июля ночью Заруцкий с Мариной и ее сыном тайно бежали в Коломну, а оттуда в Михайлов.

К этому времени уже была раскрыта тайная переписка Заруцкого с Ходкевичем. Казаки, несмотря на то, что Заруцкий и другие атаманы разжигали в них ненависть и недоверие к ополчению, стали переходить к Трубецкому.

28 июля Пожарский выступил с остальным войском из Ярославля. С ним был и Минин. Дождавшись в Шепуцком Яме (стане) новых подкреплений, Пожарский пошел на Ростов, а оттуда—к Троице-Сергиевской лавре. 19 августа ночью ополчение пришло в Ростокино и ночевало на берегу реки Яузы.

20 августа, отказавшись от соединения с Трубецким, Пожарский занял позиции у Арбатских ворот, закрыв таким образом путь в Москву со стороны Смоленской дороги. Ополченцы быстро построили здесь острожек и обнесли его рвом. Русское ополчение подошло к Москве

за день до прихода гетмана Ходкевича. 21 августа прибыло польское войско, занявшее позиции на Поклонной горе. У Ходкевича было несколько десятков тысяч войска и большой обоз с награбленным продовольствием для польского гарнизона в Москве. Гарнизоном в Москве командовали тогда паны Струсь и Будзило. Пан Гонсевский последовал примеру гетмана Жолкевского и поспешил перед этим уехать в Польшу.

К 21 августа все русское ополчение заняло местность от Петровских ворот до Алексеевской башни на Москва-реке. Пожарский же и Минин с основными силами попрежнему стояли у Арбатских ворот. Отряд из южных городов стал у Никитских ворот. Трубецкой с казаками занимал Замоскворечье и местность на восток от Белого города, где казаками были вырыты рвы и построены острожки (укрепления).

Отказываясь объединить силы с Трубецким и таким образом стараясь избежать измены, Пожарский, однако, соглашался на совместную борьбу против врага. Поэтому, когда Трубецкой, занимавший также правый берег Москва-реки у Крымского брода, видя намерение Ходкевича переправиться через реку, попросил у ополчения помощи, Пожарский послал казакам 500 человек отборной конницы. Князь надеялся, что и Трубецкой в нужный момент поможет ему.

22 августа Ходкевич перешел реку и у Девичьего монастыря стал у Пречистенских ворот (Чертольских), намереваясь отсюда перебросить в Москву помощь и привезенные с собой припасы. Надеясь, что Трубецкой ударит с тыла, Пожарский около полудня начал сражение с войском Ходкевича. Силы были неравные: сконцентрированному в кулак войску Ходкевича (в котором была лучшая наемная венгерская конница) противостояла только ближайшая часть ополчения, кроме того, русские силы были ослаблены в связи с помощью, оказанной Трубецкому.

Сражение продолжалось уже около восьми часов. Со стороны Кремля сделал вылазку Струсь, и, таким образом, Пожарский оказался под двойным ударом. Отряды ополчения изнемогали. Трубецкой же отказался помочь ополченцам и с злорадством ожидал поражения Пожарского.

Как ни обманывали изменники казаков, они не могли убить в них чувства любви к родине, чувства нацио-

БИТВА ДИМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО С ПОЛЬСКИМ ВОЙСКОМ ХОДКЕВИЧА ПОД МОСКВОЙ

С рисунка художника Коверзнева

нального единства со всем русским народом. Это особенно ярко проявилось в критические часы сражения 22 августа. Конный отряд Пожарского, находившийся у Трубецкого, потребовал, чтобы ополчению немедленно была оказана помощь. Трубецкой отказался. Тогда отряд оставил Трубецкого и бросился в битву.

Видя этот героизм и самоотверженность, казаки стали требовать, чтобы Трубецкой повел их в бой. Последний снова отказался и пригрозил казакам наказанием. Значительная часть казаков была возмущена предательским поведением Трубецкого и кричала: «В вашей нелюбви Московскому Государству и ратным людям пагуба точию чинится, чево ради не помогаеши погибающим?»[1] И вопреки воле Трубецкого казаки под командованием Филата Межакова, Марка Козлова, Афанасия Коломна и

[1] «Новый летописец», составленный в царствование Михаила Федоровича, стр. 155, М., 1855 г.

Дружины Романова с гиканьем ударили по врагу. Почувствовав помощь, Пожарский напряг все силы, и вскоре польское войско бежало, усеяв трупами поле сражения. Ходкевич отступил на Поклонную гору. У Пречистенских ворот насчитывалось больше тысячи убитых поляков.

Несмотря на гнусное предательство Трубецкого, ополчение победило. Пожарский занял берег Москва-реки между Кремлем и Замоскворечьем. Но враг, быстро перегруппировав свои силы, вскоре возобновил опять борьбу.

В ночь на 23 августа Ходкевичу удалось при попустительстве со стороны Трубецкого переправить в Кремль 600 человек и немного продовольствия. Поняв, что такое поведение Трубецкого можно использовать и дальше, Ходкевич утром 24 августа решил прорваться в Кремль, напав на стан Трубецкого, который отступил от Крымского брода и занимал теперь пространство от Лужников до Пятницкой улицы.

Собрав 23 августа свои войска на правом берегу Москва-реки, Ходкевич 24 августа неожиданно главными силами обрушился на казацкий лагерь и прорвал его.

Ходкевич заставил казаков отступить. Поляки захватили казацкий острожек у Климентовского переулка на Пятницкой улице и готовились пробиться в Кремль. Одновременно Ходкевич неожиданно напал на Пожарского, который предусмотрительно успел поставить и свой отряд в районе Ордынки.

Пожарский, сражаясь в первых рядах, не допустил замешательства. В это время казаки собрались с силами, бросились в атаку и отбили Климентовский острожек, предотвратив соединение Ходкевича со Струсем со стороны Пятницкой улицы. Но Трубецкой не захотел развивать наступление. Это дало возможность Ходкевичу бросить все силы против Пожарского и таким образом продвинуться до середины Ордынки, а одному из отрядов Ходкевича под командой полковника Неверовского удалось даже прорваться в Кремль.

Но опять вопреки приказу Трубецкого казаки ринулись в бой.

В этот критический момент Минин бился рядом с Пожарским. Правильно учтя положение, он предложил Пожарскому необычайно смелый план: разъединить польские силы и отрезать обоз, начавший продвигаться к Кремлю со стороны Замоскворечья. «Князь,—сказал

Минин,—дай мне войска: я пойду!» Пожарский дал ему отряд в несколько сот человек. Вечером отряд, возглавляемый Мининым, неожиданно переправился через Москва-реку и разгромил польские резервы, стоявшие у Крымского Двора — Якиманки. Преследуемые Мининым, поляки бежали, внося смятение в ряды главных сил гетмана.

Бой был «зело великий и преужасный», как говорит летопись. Битва развертывалась в направлении Замоскворечья, где Минин, с одной стороны, и казаки—с другой, бросились на польское войско. Пожарский, перейдя в наступление, тоже стал теснить Ходкевича. Вскоре в Замоскворечье была отрезана часть поляков с обозом.

Поражение поляков было очевидно. Ходкевичу не только не удалось прорваться в Кремль, но он, растеряв артиллерию и обоз, ночью бежал к Донскому монастырю, к Воробьевым горам. Русские войска были крайне утомлены сражением, которое длилось с 6 часов утра до 9 часов вечера, и не стали преследовать неприятеля. Но по приказу командования они всю ночь бодрствовали, чтобы не дать врагу застать себя врасплох.

В боях 22—24 августа Минин и Пожарский одержали блестящую победу над польскими войсками. Интервенты потеряли артиллерию и весь обоз, было взято в плен около 10 тыс. поляков; разгромили поляков так, что у них конных, например, осталось не более 400 человек.

Значение этой победы было огромно. Разгромлено было лучшее войско Польши—свое и наемное. Осажденным в Москве нечего было больше надеяться на скорую помощь. Исход сражений 22, 23 и 24 августа предопределил судьбу не только захватчиков, засевших в русской столице, но и всей интервенции. Победа способствовала также объединению сил русского войска и еще больше укрепила веру в успех той справедливой войны, которую вел русский народ с польскими захватчиками.

А гетману Ходкевичу пришлось думать о спасении остатков своего войска. Утром 25 августа гетман бежал из-под Москвы, «браду свою кусая зубами и царапая лицо ногтями», как говорит один современник. Бегство Ходкевича с горечью наблюдали поляки, осажденные в Кремле и Китай-городе.

«Предоставляю здесь каждому рассудить,—писал один поляк в своем дневнике,—какую скорбь испытывали осажденные, когда видели, с одной стороны, что их гетман

удалялся, с другой, что их томят недостатки и голод, а с третьей, что неприятель окружил их со всех сторон, как лев, собирающийся поглотить, разинул пасть...»[1]

Прогнав Ходкевича, русские плотным кольцом окружили Кремль и Китай-город. Пожарский требовал немедленно начать штурм. Но Трубецкой продолжал свои козни. Он настаивал, чтобы Пожарский подчинился ему, как более знатному по происхождению лицу. Этим воспользовались «клеветники и смутители», стремившиеся во что бы то ни стало ослабить силы ополчения. В лагере Трубецкого появились такие изменники, как князь Шаховской и Шереметев, прогнанный народом с костромского воеводства. Они настаивали на подчинении Трубецкому всего ополчения. Минин и Пожарский, продолжая не доверять Трубецкому, все же договорились с ним о том, чтобы, имея отдельные станы (штабы), слить, объединить административные органы управления (приказы).

Это был значительный успех Минина и Пожарского в борьбе за подчинение казацких сил единому командованию, в котором руководящая роль принадлежала народным вождям.

Пожарский и Трубецкой в своей грамоте сообщали населению, что они «по челобитью и по приговору всех чинов людей стали во единачестве и укрепились, что нам да выборному человеку Кузьме Минину Московского государства доступать и Российскому государству во всем добра хотеть безо всякие хитрости... и всякие дела делаем заодно».

С объединением сил нужно было спешить, так как были получены сведения, что Сигизмунд с Владиславом опять собирают войско для похода на Москву.

Ополчение начало упорную осаду Кремля и Китай-города. Одновременно были приняты меры к тому, чтобы отразить Сигизмунда, если он приблизится к Москве. Для этого у Пушечного двора, в Егорьевском монастыре и на Кулишках были расставлены пушки; берега Москва-реки были обнесены тыном с земляной насыпью, а лагери окружены рвами. За всеми этими работами наблюдал сам Пожарский. Пушки были установлены так, что из них можно было обстреливать как осажденных в Кремле и Китай-городе, так и тех, кто попытался бы напасть на осаждающих с тыла.

---

[1] «Русская историческая библиотека», т. I, стр. 325.

КНЯЗЬ ДИМИТРИЙ ПОЖАРСКИЙ В БИТВЕ ПОД МОСКВОЙ

С картины художника А. Шарлеманя

Положение осажденных поляков ухудшалось с каждым днем: русские все время тревожили их, обстреливая из пушек; запасы продовольствия истощились; начался голод.

15 сентября Пожарский от имени русского войска послал осажденным письмо с предложением сдаться. Полякам великодушно было обещано, что сдавшиеся будут отпущены в Польшу «без всякой зацепки», что будут даже даны подводы, если сил нехватит уйти из Русского государства. Но бандиты, засевшие в русской столице, не согласились принять это предложение—они надеялись еще на помощь из Польши.

В ответ на великодушное предложение Пожарского пан Струсь написал письмо, в котором отразилась вся ненависть панов к русскому народу, их бахвальство и уверенность в том, что они еще смогут поработить Русское государство. «Возложим на голову царя Владислава венец!.. Через него бог смирит гордые и твердые ваши выи...»,—писали чванливые польские паны.

В этом письме отразились также классовая ненависть и презрение польских панов к народным массам, во главе которых стояли лучшие сыны русского народа—Пожарский и Минин. «Лучше ты, Пожарский,—писали паны,—отпусти к сохам своих людей. Пусть холоп попрежнему возделывает землю... Кузьмы пусть занимаются своей торговлей...»[1]

Паны еще крепились, ибо Ходкевич, уходя, обещал скоро вернуться с войском. Кроме того, король еще 25 сентября 1612 г. писал из Орши в Москву, что едет венчать Владислава на царство. Но скоро бандиты должны были оставить всякую надежду на помощь. Попытки короля собрать новое большое войско не имели успеха: раньше паны охотно шли в Русское государство, так как были уверены, что не получат отпора. Теперь же, когда паны на себе почувствовали силу русского войска, они не хотели больше рисковать.

Не пришел с помощью и гетман Ходкевич, так как король Сигизмунд не смог быстро собрать новую армию в Польше. Между тем ждать нельзя было: из Москвы от поляков приходили известия, что долго они никак не смогут продержаться.

Тем временем русские успешно продолжали осаду Москвы. Цепко держались польские бандиты за российскую

[1] «Русская историческая библиотека», т. I, стр. 326—337.

столицу. Упорство осажденных объяснялось еще тем, что они боялись кары за все свои «подвиги» на Руси. Но голод все усиливался.

«Писать трудно, что делалось,—вспоминал впоследствии один из интервентов.—Осажденные переели лошадей, собак, кошек, мышей; грызли разваренную кожу с обуви, с гужей, подпруг, ножен поясов, с пергаментных переплетов книг,—и этого не стало».—«Грызли землю, в бешенстве объедали себе руки, выкапывали из могил гниющие трупы, и съедено было, таким образом, до восьмисот трупов, и от такого рода пищи и от голода смертность увеличивалась»[1]. То же подтверждают и русские источники. «Ели мертвечину, собак, кошек, мышей и всякую нечистоту,—пишет Палицын,—потом начали убивать друг друга и есть человеческое мясо»[2].

Польский купец Божко Балыка, бывший в числе осажденных, оставил очень подробное описание жизни осажденных «завоевателей». Он рассказывает, что наиболее жадно и без разбору набрасывались на всякую еду немцы—польские наемники. Это они, немцы, «кошки и псы все поели». Это они, а за ними и польская пехота первыми дошли до людоедства. «Пехота и немцы,—говорит Балыка,—потай почали людей резати и ести».

Вскоре людоедство из тайного стало явным и даже приобрело черты некоторой организованности. Сначала пустили в пищу арестованных русских, сидевших в тюрьме,—«тых всех поели». Потом стали охотиться за неосторожными жителями. Балыка, например, упоминает о денежном мастере, которого поляки подстерегли у Никольских ворот, «порвали и зараз забили и изъели». Когда один казак был повешен за то, что осмелился напасть на боярина Мстиславского, трупу не пришлось даже остыть на виселице: «зараз отрезали и на штуки разрубали и изъели».

«Лакомством» стали недавно умершие. «Пахолика одного, недавно умерлого, из гробу выкопали и изъели». Но гурманы-паны предпочитали детей. «Сын мытника Петриковского з нами ув осаде был, того без ведома порвали и изъели и иных людей и хлопят без личбы поели». Скоро установились цены: за мышь—1 злотый, за человеческую

---

[1] *Костомаров*, Собрание сочинений, кн. 2, стр. 614.

[2] Сказание Авраамия Палицына, стр. 243, 1822 г.; также Акты Археографической экспедиции, т. II, № 214—215.

голову—3 злотых, за ногу («по костики»)—2 злотых; черную ворону не хотели отдавать и за 2 злотых с придачей полфунта пороху и т. д.

В конце концов очередь дошла до рядовых польского гарнизона. «Всех людей больше двухсот пехоты и товаришов поели»[1],—рассказывает тот же купец-очевидец.

«Пехота сама себя съела...—пишет один поляк в своем дневнике. Пехотный поручик Трусковский съел двух своих сыновей... словом, отец сына, сын отца не щадил; господин не был уверен в слуге, слуга в господине; кто кого мог, кто был здоровее другого, тот того и ел. Об умершем родственнике или товарище, если кто съедал таковаго, судились, как о наследстве». Часто судившим ротмистрам приходилось плохо.

Ротмистру Леницкому пришлось судить людей, «незаконно» съевших кого-то. Обе стороны настаивали на своей правоте. «Ротмистр,—пишет автор того же дневника,—не знал, какой сделать приговор и, опасаясь, как бы недовольная сторона не съела самого судью, бежал с судейского места».

9 октября 1612 г. осажденные отправили к Ходкевичу послов «с просьбой спасать их ради бога поскорее!!!»[2]

Но Польша была истощена многолетней войной. Все, что удавалось награбить, шло в панские карманы. Между тем нужны были средства для пополнения войск, припасов, снаряжения. «Верноподданные» шляхтичи неоднократно доказывали, что они были далеки от того, чтобы бескорыстно служить Польше. Польская казна, как всегда, была пуста, взаймы королю никто не давал. С юга Польше продолжала угрожать Турция, заставляя думать об обеспечении границ. А упорное сопротивление и начавшееся наступление народов Русского государства сводило на-нет все завоевания Польши в России. Польша была истощена, и интервенции снова угрожал полный разгром.

При таких обстоятельствах авантюристское правительство Польши, полагая, что в успехе интервенции в России должны быть заинтересованы и другие державы, решило

[1] Записки Божка Балыка, «Киевская старина», июль 1882 г., стр. 103—105.

[2] «Русская историческая библиотека», т. I, стр. 347—349.

КОЗЬМА МИНИН В БИТВЕ У КРЫМСКОГО БРОДА В МОСКВЕ

С рисунка художника Р. Штейна

обратиться за поддержкой к европейским государствам, и прежде всего к испанскому королю.

Учитывая богатства Испании, родство королевских домов и общность религии, Сигизмунд считал, что Испания может оказать ему помощь в борьбе с Россией. С этой целью в Испанию было снаряжено целое посольство во главе с личным секретарем короля паном Грушецким. Оно получило от Сигизмунда инструкцию, как и чего добиваться у испанского короля: ведь это был обладатель настоящих перуанских рудников, которые так неудачно искал в России его родственник—польский король.

До нас дошла эта инструкция. Она представляет большой интерес уже из-за одной откровенности, с которой Сигизмунд III обращался к Филиппу III, вымаливая у него подачку. Здесь польский король прямо говорит, что втянулся в «тяжкую и затруднительную» войну с Россией. Здесь откровенно признается связь самозванцев с Польшей, начиная с Лжедимитрия I, «который под ложным именем Димитрия, с помощью польских войск, вторгнулся в Государство». Здесь интервенция открыто оправдывается желанием «утвердить оружием давнее право королевства и наследие предков своих».

Ненавистью к русскому народу дышит этот документ. Но наряду с этим в инструкции чувствуется и страх перед русским народом, перед его твердой решимостью защищать свою национальную независимость, перед его творческими способностями. «Они-то с предками его королевского величества, королями Польскими, за 600 лет назад и более... вели тяжкие и продолжительные войны и, будучи часто побеждаемы и разбиваемы, никогда не могли примириться».

Русский народ, по словам короля, является основным препятствием к успешному окончанию поляками этой войны. Русские, говорит король, «готовые к возмущению, воспротивляются всеми силами... и, при чрезвычайном изобилии людей... возобновляют войны за войнами». И вот теперь, жалуется король, когда «крепость и столица Московии занята королевскими гарнизонами, война внесена в самые недра обширнейшего государства». В заключение Сигизмунд просит Филиппа III «не оставить его», «оказать какую-нибудь благовременную и необходимую помощь».

Помощи Сигизмунд III из Испании, конечно, не получил. Скоро «королевские гарнизоны» сдались, а сам

король должен был удирать от «варваров» и очистить их государство[1].

22 октября 1612 г. русское войско приступом взяло Китай-город. Было убито, ранено и взято в плен много поляков; часть ушла в Кремль, где еще больше усилился голод.

Поляки пытались уменьшить в Кремле количество едоков. Для этого, по предложению кремлевских бояр-изменников, Пожарскому выдали русских женщин-боярынь и их служанок. Изменники, как и польские паны, все еще пытались отсидеться, боясь кары осаждавших. Наконец, и они поняли, что дальнейшее сопротивление бессмысленно. Кроме того, в польском войске начались волнения. «Нижние чины», «пахолики» и другие не хотели ждать, пока их съедят польские паны. Войско требовало сдачи.

Струсил и гордый пан Струсь. Он послал к русским послов с просьбой о пощаде. «З великим плачем всего рыцарства и нас, бедных купцов,—пишет Божко Балыка,—пан Струсь... мусили змиритися...» «И так,—кончает с грустью Балыка,—наши воевали Москву»[2]. Полякам и теперь была обещана пощада.

25 октября из Кремля были выпущены осажденные бояре.

Среди них были князь Мстиславский, будущий царь Михаил Романов с матерью и дядей и др. Изменники Андронов и Салтыков успели бежать: первый к Заруцкому, который ушел в Астрахань, второй—в Польшу.

26 октября был составлен и подписан Пожарским и Струсем договор о сдаче, и 27 октября 1612 г. были открыты перед победителями ворота Кремля. Поляки сдались. Русские вступили в Кремль.

Жуткую картину увидели они. На улицах стояли чаны с соленым человеческим мясом, корчились умиравшие от голода люди; все было загажено, разорено, разграблено.

Наглые захватчики получили по заслугам. «На земляков наших,—говорит польский автор,—высидевших 18 месяцев в осаде, страшно было глядеть: голод и нужда обезобразили их, и многие были так слабы, что едва

---

[1] См. Иностранные сочинения и акты, относящиеся к России, собранные К. М. Оболенским, стр. 1—7, М., 1848 г.

[2] Записки Божка Балыка, «Киевская старина», 1882 г., т. III, стр. 103—105.

переступали, держась за полы одежды своих товарищей[1].

Пожарский не допустил напрасного кровопролития. Он сдержал свое слово, сохранил жизнь пленным. «И мы их... писал он в одной грамоте,—кроворазлитья видя... польских и литовских людей побити не дали»[2].

Награбленные поляками ценности русские отбирали и сдавали в казну. Вскоре поляки были разосланы по городам, где их держали в тюрьмах до обмена пленными.

Москва, русская столица, была освобождена от врагов. Польская интервенция была окончательно разгромлена. Народ ликовал. Освобождение Москвы стало великим праздником для всех народов Русского государства. Успешно шла ликвидация банд захватчиков по всей стране.

Но паны, несмотря на все уроки, полученные ими, не хотели отказаться от мысли о захвате Русского государства. Сигизмунд III настаивал на «законных правах» своего сына и добивался его воцарения. Узнав о взятии Москвы, Сигизмунд с 1 300 шляхтичей и с 3 тыс. немцев пошел из Смоленска на Вязьму. Здесь к нему присоединились остатки войска Ходкевича.

Король пытался жестокостью заставить русских признать его власть, но не смог сломить волю непокорных «подданных». Первый же небольшой городок—Погорелое Городище поляки не смогли взять. Сигизмунд двинулся к Волоколамску, но и этот городок ему не удалось взять. На такой «поход» паны затратили около месяца.

Из-под Волоколамска король послал в Москву посольство, предлагая приготовить столицу к приему короля и его сына. С посольством шел польский отряд. Русские даже не подпустили его к Москве, не захотели вести переговоры, и польское «посольство» вынуждено было ни с чем вернуться к королю под Волоколамск.

Наступила зима. Русский народ все еще воевал с польским королем: партизаны беспрестанно тревожили лагерь Сигизмунда, истребляли польские отряды.

Под Волоколамском король понес большие потери: «И воеводы с королем бились близко Волоколамскова, днем

---

[1] С. Смирнов, Биография кн. Д. М. Пожарского, стр. 71—73; Перов, Царствование Михаила Федоровича, стр. 83.

[2] Дополнения к Актам историческим, т. I, № 166; Смирнов, Биография кн. Д. М. Пожарского, стр. 72.

дни не ссседая с коней, и многих людей у короля побили, больше 1 000 человек живых взяли»[1].

Сигизмунд решил спасаться, пока не поздно. Вблизи все чаще появлялись русские отряды из-под Москвы. В декабре 1612 г. Сигизмунд III с сыном—королевичем Владиславом и всем войском двинулся в обратный путь: сначала в Смоленск, а оттуда в Польшу. Русские отряды преследовали его.

Польский автор-современник описывает так эту неудачу короля: «Имея несколько тысяч войска польского и иноземного, слишком слабого в сравнении с силами неприятеля, он надеялся как на нас, так и на тех из наших, которые были в России; но надежда его обманула: мы не могли итти, терпя во всем недостаток, а наши товарищи вместе с паном Струсем, еще до прибытия короля к столице, сдались Московитянам от нестерпимого голода... Посему король должен был воротиться ни с чем»[2].

Польские паны и их король получили еще одно наглядное доказательство силы русского народа.

Народы Русского государства вышли из борьбы с захватчиками еще более сплоченными, готовыми и дальше отстаивать целостность и независимость своего государства. В тяжелой и длительной борьбе против польских захватчиков укрепились связи великого русского народа с другими дружественными ему народами Российского государства. Ближайшие же годы после разгрома польской интервенции показали силу России.

Русский народ готов был продолжать борьбу за изгнание из родной земли всех врагов. Вскоре в Москву прибыли шведские послы с извещением, что королевич Филипп собирается ехать в Новгород венчаться на царство. Послам ответили, что Новгородская земля, захваченная шведскими интервентами обманом, будет русскими отобрана. «Того у нас и на уме нет,—писали русские,—чтобы нам взяти иноземца на Московское государство... мы рады с вами... биться и идти на очищение Новгородского государства»[3].

Изменник Заруцкий с Мариной и «воренком» пытался в 1613 г. отсидеться в Астрахани. Он хотел втянуть в новую интервенцию Иран и Турцию. Но эти государства

---

1 Древняя Российская Вивлиофика, т. V, стр. 64.
2 Сказания иностранцев о Димитрии-Самозванце, т. V, стр. 124.
3 *Смирнов,* Биография кн. Д. М. Пожарского, стр. 77—78.

отвергли предложение авантюриста. В июне 1614 г. Заруцкий и Марина были пойманы. Заруцкого и «воренка» вскоре казнили, а Марина, как сообщало русское правительство в Польшу, умерла в тюрьме.

Еще некоторое время по русской земле бродили отдельные банды польских панов. Но их успешно уничтожали. Такая участь постигла, например, пана Лисовского, за которым гонялся сам Пожарский. Один отряд польских бандитов забрался еще в конце 1612 г. в богатую Вологду. Но вскоре паны увидели, что им не сдобровать. Тогда они начали молить о пощаде: «Мы все,—писали они вологодцам,—страха и трепета исполнены и уже намереваемы отступити, но не знаем, на какую дорогу шествовати». Но народ не дал себя обмануть—скоро и здесь истребили панов.

А в Москве тем временем восстанавливался порядок, возвращалось население, очищался и отстраивался город. Начал работать государственный аппарат. В феврале 1613 г. дворяне избрали царем Михаила Федоровича Романова (1613—1645 гг.). Против его кандидатуры не возражали и гордые бояре, которые вместе с помещиками принялись восстанавливать и усиливать крепостной гнет, грабить народы, населявшие Русское государство.

Избранием в цари русского кандидата, а не Владислава или шведского королевича, был также нанесен сильный удар по замыслам интервентов. Объективно это содействовало укреплению независимости Российского государства и развитию национально-освободительной борьбы с захватчиками.

Польша и Швеция сначала не хотели признать Романова царем Русского государства и отказались заключить с русским правительством мир. Они продолжали считать своих королевичей законными московскими царями, готовясь силой реализовать свои намерения. Но Русское государство все крепло и вскоре принудило наглых врагов пойти на мир. В 1617 г. был заключен с Швецией мир в Столбове, и шведские войска очистили Новгород, Ладогу и Руссу. В их руках остались: Ям, Орешек, Копорье и Ивангород с русской частью побережья Финского залива.

Польское правительство продолжало поощрять разбойничьи набеги своих панов. Так было, например, с Гонсевским, который пытался ворваться со своей шайкой в

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПОДВИГ И СМЕРТЬ ИВАНА СУСАНИНА

С картины художника А. Земцова

русскую землю. Смоленск все еще был в руках поляков. Паны ждали только удобного момента, чтобы снова напасть на Русское государство. В декабре 1616 г. Владислав разослал грамоты в русские города, обещая народу всякие блага после своего воцарения на московском престоле.

В начале лета 1617 г. он вместе с гетманом Ходкевичем выступил в поход на Москву. Дойдя до Вязьмы, Владислав выделил отряд в сторону Калуги. Но туда прибыл с войском князь Пожарский и прогнал панов обратно в Вязьму. Они лицемерно начали переговоры о мире с Москвой, а одновременно добивались помощи у Варшавы.

Летом 1617 г. Владислав двинулся в глубь Русского государства. Перед выступлением в поход Владислав, считая себя московским царем, заключил с Сигизмундом III договор. По этому договору королевич отдавал Польше Смоленск, Чернигов, Курск и другие города; Россия должна была вступить в унию с Польшей и Литвой и признать право Польши на Прибалтику.

Владислав прежде всего пошел к городу Борисову, а оттуда к Можайску. В Можайске был только небольшой отряд стрельцов, но Владислав не смог взять этот городок и двинулся прямо на Москву. 22 сентября передовые отряды Владислава подошли к Москве. Попытка взять Москву штурмом в ночь на 1 октября 1617 г. закончилась неудачей. В первых рядах защитников столицы, мужественно отражавших поляков, был князь Пожарский. Несмотря на болезнь, он «против королевича Владислава, и польских, и литовских, и немецких людей стоял крепко и мужественно; и на боях, и на приступе бился, не щадя головы своей» [1].

Опять к Москве потянулись русские ополчения. Стоять под стенами русской столицы полякам было теперь опасно. Владислав начал переговоры о мире. Русскому государству нужно было скорее закончить войну, чтобы начать готовиться к борьбе за возвращение всех отнятых во время интервенции земель. Несмотря на то, что польские послы не только требовали города Смоленск, Чернигов и др., но угрожали новым самозванцем—будто бы спасшимся сыном Марины Мнишек, они все же должны были пойти на уступки.

---

[1] Собрание государственных грамот и договоров, т. III, № 48.

1 декабря 1618 г. в Деулине было заключено перемирие с Польшей на 14 лет и 6 месяцев. Польша удержала за собой Смоленск и захваченную во время интервенции Черниговскую землю. Заключение перемирия, а не мира говорило о том, что ни одна из сторон не удовлетворена: русские не намерены были отказаться от Смоленска, а польские паны мечтали при удобном случае повторить поход на Москву.

Русское государство было слишком разорено интервентами, чтобы сразу обеспечить спокойствие и безопасность на всех границах. Этим пользовались польские паны: они не прекращали мелких бандитских нападений, грабили русское население. Бандиты зверски мстили населению за свое поражение, за крушение своих планов. Местное население, которое знало уже о разгроме польских интервентов, часто не ждало подхода русской военной помощи и собственными силами расправлялось с бандитами.

Многих безвестных героев и в это время дал великий русский народ в своей освободительной борьбе с наглыми захватчиками. Подвиги этих народных героев некому было записать. Архивы царских учреждений не сохранили документов об этих подвигах. Только благодарная народная память веками бережно хранила предания о героях великого народа.

Одним из таких любимых народных героев стал крестьянин Иван Осипович Сусанин. Он родился и прожил свой век в вотчине бояр Романовых в деревне Деревеньки, Костромского уезда, близ села Домнино (ныне Молвитинского района, Ярославской области). Стариком уже был Иван Осипович в 1613 г.; сыновей у него не было, дочь к этому времени была замужем. Зимой 1612/13 г. в край забрались шайки польских интервентов. Они разграбили и сожгли города Солигалич, Галич и ряд сел. Злодеи применяли пытки и казни, старались всячески терроризировать население, чтобы заставить безропотно сносить грабежи и притеснения панов, давать сведения о расположении и движении русских военных сил и т. д.

Одна из таких банд забралась и в деревню Деревеньки. Началось хозяйничанье насильников и грабителей, и к вечеру деревня была разгромлена. Переночевав, поляки решили пробраться в ближайшее богатое село Домнино, а заодно захватить и убить проживавшего там в это время

после отъезда из Москвы Михаила Романова. Они, конечно, знали о деятельности Земского собора, об избрании в феврале 1613 г. царем молодого боярина Романова. Нападение на Домнино обещало большую добычу, а убийство молодого царя в значительной степени свело бы на-нет деятельность Земского собора, затормозило бы восстановление русской государственной власти, оживило бы планы польских захватчиков.

Поляки, забравшиеся в деревню Деревеньки, учли все это. Они потребовали от Сусанина, чтобы он помог им пройти в Домнино. Сусанин, согласившись быть их проводником, предварительно послал зятя с известием кратчайшим путем в Домнино, а сам, простившись с родными, вместе с поляками вышел из деревни в противоположном направлении, в лес.

Стояла снежная зима. Метель замела все тропинки и быстро засыпала свежие следы. Трудно было старику пробираться через снежные сугробы, он выбивался из сил, но продолжал итти вперед.

Наконец, когда Сусанин увидел, что бандиты уже не смогут найти дорогу обратно, выбраться из лесной чащи и тоже выбились из сил, он остановился. Польские бандиты сразу поняли, куда завел их герой-старик. Обезумев от ярости, паны изрубили Ивана Сусанина. Но выбраться из леса они не смогли и погибли на так называемом Исуповском болоте благодаря самоотверженному подвигу Ивана Сусанина.

Старик-герой сознательно шел на смерть за родину, за свой народ, смертельно ненавидя наглых захватчиков. Сусанин воплотил в себе лучшие черты сына великого русского народа—любовь к национальной свободе, ненависть к иноземным поработителям, преданность родине и готовность героически пожертвовать жизнью для ее защиты.

Таким рисуется нам этот подвиг Сусанина по народным рассказам.

У поэта-декабриста К. Рылеева в его произведении «Иван Сусанин» старик-герой так прощается с родными:

Прощай же, о сын мой, нам дорого время,
И помни! Я гибну за русское племя!

Царизм и монархическая буржуазно-помещичья историография пытались превратить Сусанина в спасителя

престола Романовых и подвиг героя использовать для лживого утверждения, что русскому народу свойственно чувство преданности монархическому строю.

Только при советской власти образ Ивана Сусанина был очищен от всех извращений, а сам подвиг народного героя представлен таким, каким его знала народная память и действительная история.

В 1632—1634 гг. началась война за Смоленск. Но Русское государство тогда не обладало еще достаточной силой, чтобы отобрать у поляков этот русский город. К тому же на юге русские земли опустошал союзник Польши—крымский хан. Поэтому война закончилась заключением 4 июля 1634 г. Поляновского мира, которым подтверждались условия Деулинского перемирия; но Владислав вынужден был уже официально отказаться от «прав» на московский престол.

* * *

Для панской Польши XVII столетие было переломным. Авантюристское движение польских панов на восток, в пределы Русского государства, потерпело решительную неудачу. Выброшенные из пределов Русского государства, польские паны принялись еще энергичнее грабить подвластные им литовские, белорусские и украинские земли. Хищнический грабеж и национально-колониальный гнет на восточной окраине Польского государства не мог не вызвать национально-освободительной борьбы со стороны угнетенных народов.

В 1648 г. на борьбу против панов поднялся украинский народ. Под руководством Богдана Хмельницкого он трижды разгромил польских панов—под Желтыми Водами, под Корсунем и под Пилявой. В 1654 г. Украина была принята в русское подданство, и дальнейшая борьба против панской Польши протекала уже в союзе с русским народом. Великий русский народ теперь мог оказать помощь украинскому народу, так как сумел отстоять и укрепить свою национальную независимость в боях против польских интервентов в начале XVII столетия.

С 1654 г. русский народ совместно с родственными народами—украинским и белорусским борется за их освобождение из-под гнета польских панов. Совместно с украинцами и белоруссами русские войска отбирают

у захватчиков Смоленск, Северскую землю и освобождают из-под власти панской Польши (по Андрусовскому перемирию 1667 г.) левобережные украинские земли и Киев.

Во второй половине XVIII в. к России были присоединены остальные земли украинского и белорусского народов, веками стонавших под гнетом паразитической панской Польши. Хотя на землях Украины и Белоруссии русские помещики вместе с польскими, украинскими и белорусскими продолжали эксплоатировать трудящихся, но классовое угнетение не приостановило развития связей украинского и белорусского народов с великим русским народом в составе Российского государства.

* * *

Несколько веков вели польские паны на востоке вредную для Польши захватническую политику. Бесплодно растрачивая силы польского народа, панское правительство не могло обеспечить социально-экономическое развитие своей страны. Паны не сумели создать сильное, развитое централизованное государство, которое могло бы сохранить в дальнейшем свою независимость.

И в то время как соседние страны, в частности Россия, росли как централизованные многонациональные государства и экономически развивались, польские паны высасывали последние соки из польского народа, восполняя недостаток средств для разгульной жизни тем, что охотно продавали соседям интересы родины. Так паны вели Польшу к гибели.

«Постепенная деморализация правящей аристократии,— говорит Энгельс,—недостаток сил для развития буржуазии и постоянные войны, опустошавшие страну, сломили, наконец, силу Польши. Страна, которая упорно охраняла нерушимым феодальный строй общества, в то время как все ее соседи прогрессировали, формировали буржуазию, развили торговлю и промышленность и создали большие города,—такая страна была обречена на гибель. Аристократы несомненно *погубили* Польшу и погубили ее окончательно. Погубив ее, они стали обвинять в этом друг друга и продали себя и свою страну иностранцам... когда

Польша была, наконец, уничтожена,—во всей Европе не раздалось никакого протеста...»[1].

Разделы Польши, проведенные Пруссией при короле Фридрихе II, Россией при царице Екатерине II и Австро-Венгрией к концу XVIII в. (1772, 1793 и 1795 гг.), привели к полному исчезновению Польского государства.

* * *

После раздела Польши прошло больше ста лет. Закончилась империалистическая война 1914—1918 гг. В России победила Великая Октябрьская социалистическая революция, которая принесла освобождение угнетенным национальностям, находившимся под тяжелым гнетом царизма, помещиков и капиталистов. Вновь возникло Польское государство.

Но власть в этом государстве оказалась в руках буржуазии и панов. Еще немало в современной Польше осталось князей и графов Радзивиллов, Сапег, Потоцких и пр., которые стремятся возродить захватническую и продажную политику старой панской Польши. Уже с 1918 г. паны Польши стали на путь захватов, грабежей, классового и национально-колониального гнета, на путь продажи национальных интересов польского народа империалистическим хищникам Западной Европы.

В первые же два года своего существования Польша воевала в Восточной Галиции за подчинение украинского народа, воевала с Литовско-Белорусской Советской республикой, захватила Виленщину у Литвы, боролась против чехов в Силезии и, наконец, совместно с петлюровцами — этими злейшими врагами украинского народа—в 1920 г. выступила против Советской страны.

Незадолго до этого выступления наш великий советский народ прогнал германских империалистов, разбил первый и второй походы Антанты, завоевав себе передышку. Чтобы сорвать эту передышку, мировые империалисты бросили против нашей родины Польшу, армию которой услужливо продали империалистам польские паны.

---

[1] *Маркс* и *Энгельс,* Соч., т. XIII, ч. I, стр. 159.

«Не подлежит сомнению,—писал 25 мая 1920 г. товарищ Сталин,—что поход панской Польши против рабоче-крестьянской России есть, по существу, поход Антанты»[1].

Это был третий поход Антанты на нашу землю.

Потянулись жадные панские руки к тучным нивам украинским, к лесам белорусским, готовясь снова надеть ярмо на шею украинскому и белорусскому народам.

Во главе огромной армии, прекрасно оснащенной военной техникой Антанты, пан Пилсудский в апреле 1920 г. вторгся в Белоруссию и на Украину, заняв Киев. Панам казалось, что истощенная, разоренная молодая Республика советов не сможет успешно бороться с новым врагом. Интервенты рассчитывали легко захватить земли Советских республик, и в первую очередь Украину и Белоруссию.

Пилсудский надеялся соединиться с другим ставленником Антанты—засевшим в Крыму белогвардейским генералом бароном Врангелем, злейшим врагом советского и польского народов. «У поляков был план: захватить правобережную часть Советской Украины, захватить Советскую Белоруссию, восстановить в этих районах власть польских панов, расширить пределы польского государства «от моря до моря», от Данцига до Одессы, и за помощь, оказываемую им Врангелем,—помочь Врангелю разбить Красную армию и восстановить в Советской России власть помещиков и капиталистов»[2].

Ворвавшись в 1920 г. на Украину и Белоруссию, польские захватчики вели себя так же, как и их предки, в начале XVII в. ворвавшиеся на территорию Русского государства.

«Расположились поляки,—рассказывает украинский крестьянин Сафрон Батюта,—в усадьбе графа Пирода, а потом сразу пошли по хатам лупить и грабить селян. Бедняцкий сын Тымощук и еще хлопец из другого села стали пререкаться с поляками—возмутились хлопцы польским насилием. Так вывели их на дорогу, саблями выкололи очи и стали рубать на куски. Так и зарубили, злодеи, бедных хлопцев. А у нас, у селян, все дочиста побрали, подлецы, и оставили всех от мала до велика в одних полотняных подштанниках... Даже кур наших стерегли и яйца еще тепленькими забирали, а кто просил взмило-

---

[1] «Правда» от 25 мая 1920 г.

[2] Краткий курс истории ВКП(б), глава VIII, § 4, стр. 230.

ствиться над его бедняцкой душой, тому руки ломали и по затылку прикладом давали»[1].

Но и на этот раз мировые империалисты и их польские прислужники жестоко просчитались. Народы молодой Республики советов во главе с великим русским народом, под руководством партии Ленина—Сталина поднялись на отечественную войну.

Польские захватчики были изгнаны из Советской земли. Украина и Белоруссия были освобождены.

Польские паны еще раз получили от народов нашего государства такой урок, который они не забыли и по сегодняшний день.

Польские паны после 1918 г. за 21 год существования Польши не могли создать крепкое многонациональное государство.

Они сохранили в нем классовое угнетение польского народа. Они полностью сохранили классовое и национально-колониальное угнетение наших братьев украинцев и белоруссов.

И когда польские паны в сентябре 1939 г. начали войну с Германией, они в течение нескольких дней были разгромлены, их незадачливое правительство бежало, бросив страну на произвол судьбы. Этим оно обнаружило полную внутреннюю несостоятельность и недееспособность польского государства.

Великий советский народ выступил на защиту жизни и имущества населения Западной Украины и Западной Белоруссии, поставив себе задачу вызволить и польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью.

Веками стонавшие под гнетом польских панов наши братья украинцы и белоруссы были, наконец, освобождены, чтобы зажить счастливой и радостной жизнью в великой семье народов Советского Союза.

Наша страна под руководством коммунистической партии и вождя народов товарища Сталина строит новую жизнь на основе Сталинской Конституции. Советское правительство и коммунистическая партия всемерно заботятся о том, чтобы обеспечить народам Советской страны спокойную, счастливую жизнь и мирный труд. СССР неуклонно проводит политику мира.

---

[1] «Правда» от 12 июня 1935 г.

«Внешняя политика Советского Союза ясна и понятна:

1. Мы стоим за мир и укрепление деловых связей со всеми странами, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить интересы нашей страны.

2. Мы стоим за мирные, близкие и добрососедские отношения со всеми соседними странами, имеющими с СССР общую границу, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить, прямо или косвенно, интересы целости и неприкосновенности границ Советского государства.

3. Мы стоим за поддержку народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей родины.

4. Мы не боимся угроз со стороны агрессоров и готовы ответить двойным ударом на удар поджигателей войны, пытающихся нарушить неприкосновенность Советских границ.

Такова внешняя политика Советского Союза»[1].

Сила нашей Красной Армии и Военно-Морского Флота является важнейшим оплотом мирной политики СССР и одновременно грозным предостережением для зачинщиков военных авантюр, для поджигателей войны.

Враг, который посягнет на советскую землю, будет уничтожен. Его настигнет могучая Красная Армия народов мощного социалистического государства рабочих и крестьян, сильных своим морально-политическим единством.

В письме товарищу Сталину колхозники и рабочие совхозов и МТС Каменец-подольской области писали:

«Чего хотели паны и приспешники панские? Чего добивались, угождая своим хозяевам, помещикам и капиталистам, фашистские есаулы —троцкие и бухарины, любченки и гриньки? Они хотели, чтобы капиталисты и помещики сели на спины трудящимся свободной и счастливой Советской страны. Они хотели, чтобы на земле Каменетчины опять хозяйничали собаки Сабанские, бандиты

---

[1] *И. Сталин*, Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 17—18.

Пилсудские, моты Дворницкие и скоты Садовские. Они хотели оторвать нас от русских рабочих и крестьян.

Никогда не бывать этому! Наши мысли и думы, наши дела и мечты общи с русскими рабочими и крестьянами. Наши думы есть сталинские думы, и за них мы, вместе со всеми трудящимися великого братского Советского Союза, будем стоять горой!»

СОДЕРЖАНИЕ

А. И. КОЗАЧЕНКО

РАЗГРОМ ПОЛЬСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА.

Редактор *Д. Чугаев*

Художественное оформление книги и подбор иллюстраций *Н. Седельникова*
Орнаментация книги *С. Митрофанова*
Технический редактор *Н. Лебедева*. Корректора *А. Михельс* и *К. Зиновьева*
Сдано в наб. 27/I 1939 г. Подписано в печ. 22/IX—13/X 1939 г. Государственное издательство политической литературы № 66. Уполн. Главлита № [illegible]-16075. Инд. ИП/НП. Тираж 100 тыс. Формат 84×108[1]/32. Объем 9,46 уч.-изд. л. 11 печ. л. 34400 зн. в 1 печ. л. Заказ № 51. Текст отпечатан на бумаге Камского комбината

Цена книги в переплете 3 руб.

3-я фабрика книги «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига». Москва, Краснопролетарская, 16.

Опечатки и исправления

Стр.	Строка	Напечатано	Надо читать
46	21 сверху	все будет делать только с боярского приговора	смертные приговоры будет выносить только суд «с бояры своими» и т. п.
47	9 сверху	1 мая	17 мая
56	5 снизу	о крестьянах	о крестьянах и холопах
58	9 снизу	7 тыс.	2 тыс.
59	18 снизу	называл	назвал
137	11 сверху	разгрома	распада
137	16 сверху	т. е. перед	перед
164	19 сверху	дворяне	на земском соборе
166	14 и 26 сверху	1617 г.	1618 г.
169	12 сверху	4 июля	4 июня

А. КОЗАЧЕНКО. Разгром польской интервенции в начале XVII века.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *Д. Чугаев*
Художественное оформление книги и подбор иллюстраций *Н. Седельникова*
Орнаментация книги *С. Митрофанова*
Технический редактор *Н. Лебедева*. Корректора *А. Михельс* и *К. Зиновьева*
Сдано в наб. 27/I 1939 г. Подписано в печ. 22/IX—13/X 1939 г. Государственное издательство политической литературы № 66. Уполн. Главлита № А-16075. Инд. ИП/НП. Тираж 100 тыс. Формат 84×108 1/32. Объем 9,46 уч.-изд. л. 11 печ. л. 34400 зн. в 1 печ. л. Заказ № 51. Текст отпечатан на бумаге Камского комбината
Цена книги в переплете 3 руб.

3-я фабрика книги «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига». Москва, Краснопролетарская, 16.

3 руб.